

ИСТОРИЯ HISTORY

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

ПОРТЫ ВАНИНО И СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК?¹

«VANINO» AND «SOVETSKAYA GAVAN» RUSSIAN SEAPORTS: IS THERE A FUTURE FOR THEM AS PART OF THE INTERNATIONAL CARGO TRAFFIC SYSTEM IN THE REGION?

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru

Ms. Zanna V. Petrunina - Doctor of History, Professor, Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 681013, 27 Lenin Pr., phone: + 7 4217 241158. E-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы развития портов Ванино и Советская Гавань в начале XXI в. Выявлены перспективы участия портов в системе международных региональных перевозок.

Summary. This paper describes problems associated with the development of Russia's ports "Vanin" and "Sovetskaya Gavan" in the early XXI century. Outlined are the potentials of the ports conducting to their involvement in the international cargo transportation in the region.

Ключевые слова: Ванино, Советская Гавань, Транссиб, Байкало-Амурская магистраль, транзитные перевозки, региональное развитие, транспортные пути, АТЭС.

Key words: Vanino, Sovetskaya Gavan, Transsib, Baikal-Amur Mainline, transit carriage, regional development, transport routes, APEC.

УДК 94

Политика современного российского руководства направлена на установление и развитие разнопланового сотрудничества со странами АТР. Участие России в региональных экономических интеграционных процессах напрямую связано с эксплуатацией отечественных морских портов. Этот вопрос приобретает особую значимость в связи с тем, что на саммите АТЭС 2012 в числе российских предложений было заявление о возможности использования транзитного потенциала нашей страны для удешевления перевозок грузов между странами Азии и Европы.

Хабаровский край является активным участником региональных экономических интеграционных процессов. Одним из привлекательных направлений сотрудничества с экономиками АТЭС должна стать его транспортная сеть.

Порты края Ванино и Советская Гавань соответствуют реализации намеченных на саммитах АТЭС планов, поскольку в портах осуществляется круглогодичная навигация (в зимнее время используется ледокольное сопровождение: например, только за зимнюю навигацию 2013 г. ледокол «Красин» завел в порт Ванино 10 судов, обколочил причалы и вывел из порта 7 судов) [3], они связаны с Байкало-Амурской магистралью и Транссибом и имеют условия для создания на своих базах мультимодального узла. Включение отмеченных портов Хабаровского края во взаимодействие с экономиками АТЭС позволило бы не только укрепить

¹ Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.: соглашение на предоставление гранта № 14.В37.21.0958.

Петрунина Ж. В.

ПОРТЫ ВАНИНО И СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК?

пить позиции России на международной арене, но и создать необходимые условия для сохранения населения на Дальнем Востоке страны.

Правительство Хабаровского края уделяет внимание состоянию Ванино-Советско-Гаванского транспортного узла в целях развития инфраструктуры района. К 2015 г. планируется увеличение мощности действующих и строительство новых морских терминалов в портах Ванино и Советская Гавань, в том числе контейнерных, судоремонтных и судостроительных, рыбопереработки, за счет наращивания пропускной способности железнодорожных и автомобильных подходов, развития воздушного сообщения [6]. В соответствии со «Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» портовые мощности Ванино-Советско-Гаванского транспортного промышленного узла к 2025 г. должны достигнуть 80 – 100 млн т [11].

Морской порт Советская Гавань насчитывает 17 причалов и причальных сооружений, глубина залива Советская Гавань «позволяет заходить в акваторию бухты судам с дедвейтом до 50 000 т при существующей портовой инфраструктуре и до 300 000 т при соответствующем её развитии» [10]. Порт Ванино «обладает 16 причалами, принимает и обрабатывает суда дедвейтом до 45 000 т» [12]. Порты способны осуществлять стивидорные работы. Через порты осуществляется перевозка угля, глинозема, черных и цветных металлов, леса, пиломатериалов, руды, контейнеров, направляемых в страны АТР.

Вместе с тем практическая реализация озвученных и утвержденных еще в 2009 и 2011 гг. вышеуказанных планов, а значит, и возможного экономического сотрудничества сталкивается с рядом трудностей.

Одним из условий динамичного развития портов является заинтересованность топ-менеджеров в эффективной работе транспортного узла. Однако до сих пор остается острым вопрос о собственнике порта Ванино, а значит, говорить об эффективности топ-менеджмента преждевременно. В мае 2011 г. 55 % государственных акций Ванинского морского торгового порта было куплено на аукционе «Сэлтехстроем» за 10,8 млрд р. [12]. «Сэлтехстрой» не оплатил покупку, и Росимущество аннулировало итоги аукциона. До декабря 2012 г. собственником порта являлось государство, а 8 декабря 2012 г. 55 % уставного капитала (73,33 % акций) порта Ванино было продано компании «Мечел» за 15,5 млрд р. [4]. А уже в январе 2013 г. компания «Мечел» продала 71,04 % купленных ранее у государства акций трем кипрским офшорам (Travigne Trading Limited, Sedmino Investments Limited, Opern Trade Limited) с равными долями акций – по 23,68 % [9]. При этом новые совладельцы не заинтересованы «в перевалке грузов через порт» [9].

Частая смена собственника порта привела к снижению объемов грузооборотов порта. По данным официального сайта ОАО «Порт Ванино», в 2011 г. грузооборот порта составил 5 909,2 тыс. т грузов (98,3 % по отношению к результатам 2010 г.), а за период с января по июль 2012 г. – 3 142 тыс. т (96 % к уровню аналогичного периода 2011 г.) [2]. В первом полугодии 2012 г. чистая прибыль компании по РСБУ (российский стандарт бухгалтерского учета) снизилась на 26 % – до 91,18 млн р. по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. [13]. При такой тенденции возможно сокращение рабочих мест в порту, а значит, и отток населения из поселка.

Кроме того, предполагается, что фирма «Мечел» может полностью поменять специфику проходящих через порт грузов, используя мощности порта Ванино для перевалки угля с Эльгинского месторождения [8]. Идея развивать угольные перевозки нашла подкрепление и в соглашении о сотрудничестве, подписанном министром по развитию Дальнего Востока В. Ишаевым и председателем Совета директоров ООО «Тувинская Энергетическая Промышленная Корпорация» Р. Байсаровым в январе 2013 г. В результате порт Ванино будет стабильно загружен, получит развитие железнодорожное строительство, появятся новые рабочие места.

В качестве альтернативы отправителям других грузов предложено использовать порт Советская Гавань, мощности и дорожная инфраструктура которого пока не соответствуют

необходимым объемам грузоперевозок. Ситуация настолько сложная, что в настоящее время даже сохраняет свою остроту вопрос о сохранении особой экономической зоны «Советская Гавань», которая была создана в 2009 г. Такой вариант развития событий вызывает особую озабоченность у лесопромышленников, которые длительное время использовали порт Ванино для отгрузки своей продукции. Председатель ассоциации «Дальэкспортлес», генеральный директор ЗАО «Смена Трейдинг» А. Сидоренко отметил, что впервые за несколько лет на японском рынке наметился рост потребления российской лиственницы. В ближайших планах отечественных дальневосточных лесопромышленников удовлетворить спрос японцев, пока это не сделали США. Оперативно реализовать намеченное, по мнению А. Сидоренко, возможно через порт Ванино [1]. В случае если решение вопроса по отправке леса будет затянуто, Россия может быть потеснена с региональных международных рынков по его продаже.

Перспективным направлением, рассматриваемым в настоящее время Правительством Хабаровского края, является размещение на территории Ванино-Советско-Гаванского транспортного узла газохимических предприятий с вероятным экспортом сырья на рынки стран АТЭС.

Для участия России в международных перевозках большое значение имеет состояние железных дорог, по которым осуществляется перевозка грузов между азиатскими и европейскими странами [5].

В ряду многих проблем Байкало-Амурской магистрали следует особо отметить низкую пропускную способность трассы, которая совершенно не соответствует реалиям современности. Для решения этого вопроса руководство ОАО «РЖД» и Правительство ДВФО предпринимают меры. Например, в конце декабря 2012 г. запущен в эксплуатацию Кузнецовский тоннель, расположенный на участке БАМа г. Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань и позволяющий увеличить пропускную способность железнодорожных путей и, как следствие, способствовать развитию мощностей российских портов в Татарском проливе.

Реальным прорывом может стать строительство железной дороги Селихино – Ныш. Строительство новой железнодорожной ветки обеспечит загрузку восточных портов в Де-Кастри и Николаевске-на-Амуре, что «позволит довести грузопоток по направлению до 100 миллионов тонн в год» [7], обеспечит участие в транзитных перевозках портов о. Сахалин и разгрузит порты Владивосток и Ванино. Этот проект входит в федеральную целевую программу развития транспортной системы РФ на 2012 – 2015 гг., способствует развитию Байкало-Амурской магистрали, которая задействована в транзитных перевозках между странами Азии и Европы, и помогает снизить нагрузку на Транссибирскую магистраль. Министерство путей сообщения получило поручение Правительства РФ о проведении комплексной экспертизы по этому вопросу еще в 2001 г., но даже спустя 12 лет вопрос еще находится на стадии обсуждения.

Вопросы развития Ванино-Советско-Гаванского транспортного узла являются предметом рассмотрения и зарубежных государств, например, Японии и Южной Кореи, которые заинтересованы как в модернизации этих портов, так и увеличении пропускной способности Транссиба и БАМа.

Реализация новых проектов в Хабаровском крае поможет России, обладающей большим потенциалом, активизировать участие в АТЭС. К сожалению, медлительность в выполнении намеченных планов приводит к тому, что последние могут потерять свою экономическую привлекательность и конкурентоспособность и станут выглядеть скорее как теоретические разработки, имеющие к реалиям лишь отдаленное отношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Представитель порта Ванино пообещал уделить транспортировке леса особое внимание [Электронный ресурс] // Amurmedia.ru. – Режим доступа: <http://bereg.in/news/2013-02-12-976>

Петрунина Ж. В.

**ПОРТЫ ВАНИНО И СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ
В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК?**

2. Ванинский морской торговый порт. Новости [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.vaninoport.ru/news.html>
3. Ледокол «Красин» вновь обеспечил судоходство в порту Ванино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fesco.ru/press-center/news/2013-02-22-03159/>
4. «Мечел» выиграл торги по приватизации 73 % акций порта Ванино [Электронный ресурс] // Эксперт. Дата обновления: 10.12.2012. – Режим доступа: http://expert.ru/2012/12/10/15_5-milliarda-rublej/
5. Петрунина, Ж. В. Транссиб и БАМ в развитии международных транзитных перевозок по маршруту Азия – Европа / Ж. В. Петрунина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3.
6. Основные направления деятельности Правительства Хабаровского края на период 2011 – 2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/Postan_110415.htm
7. Перспективы строительства железнодорожной магистрали Селихино – Ныш обсудили в Хабаровске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inregions/fareast/27/economics/11965788/>
8. Порт Ванино может полностью поменять специфику проходящих через него грузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/inregions/fareast/27/economics/11911088/>
9. Порт Ванино продали офшорам, несмотря на указы Путина [Электронный ресурс] // Новости экономики. Дата обновления: 28.01.2013. – Режим доступа: <http://newsru.com/finance/28jan2013/vanino.html>
10. Портовая особая экономическая зона «Советская Гавань» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/obshaya_inf.htm
11. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/
12. «Сэлтехстрой» приобрел 55 % госакций порта «Ванино» за 10,8 млрд рублей [Электронный ресурс] // Forbes. Дата обновления: 10.05.2011. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/68020-seltechstroi-priobrel-55-gosaktsii-porta-vanino-za-108-mlrd-rublei>
13. ФАС РФ: За офшорными компаниями, купившими порт Ванино, стоят физические лица [Электронный ресурс] // RBKQUOTE. Дата обновления: 22.02.2013. – Режим доступа: <http://quote.rbc.ru/news/emitents/2013/02/22/33890977.html>

Васильченко Э. А.
E. A. Vassilchenko

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20-30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

STATE POLICY AIMED TO ACHIEVE THE TASKS OF ENGAGING MORE WOMEN IN PUBLIC PRODUCTION IN RUSSIA'S FAR EAST IN 1920 - 1930S

Васильченко Эльвира Александровна – доктор исторических наук, профессор, декан Социального факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, пр. Ленина, 27; 8(4217)121241. E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Ms. Elvira A. Vassilchenko – Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, Komsomolsk-on-Amur, 681013, 27 Lenin Pr., phone: + 7 4217 121241. E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Аннотация. В статье приведены сведения о деятельности органов власти по вовлечению женских масс в общественное производство на Дальнем Востоке. Автор характеризует мероприятия государства и партийных органов по повышению образовательного и профессионального уровня дальневосточниц. Анализируется занятость женщин в различных отраслях, обусловленная спецификой развития Дальневосточного региона.

Summary. The paper outlines data pertaining to the attempts made by government authorities in order to attract and engage women in public production in the Far Eastern region of Soviet Russia. Efforts by the government and by party bodies intended for improvement of the educational level and professional qualifications of Far Eastern female residents are outlined. Employment levels in different industry sectors are analyzed, with regard to the specific features of economic development of the region.

Ключевые слова: женщина, Дальний Восток; общественное производство, история; женский труд, государственная политика.

Key words: woman, Far East, public production, history, female labour, state policy.

УДК 316.35/356.2

Исторической особенностью развития Дальнего Востока стало установление здесь Советской власти лишь в 1922 г. Интервенция и гражданская война на восточной окраине почти на пять лет отсрочили социалистические преобразования.

В центральной России первые декреты Советской власти, провозгласившие равные политические права мужчин и женщин, были закреплены Конституцией 1918 г. Женщины получили равные права с мужчинами в семейно-брачных отношениях. Законами охранялся женский труд и материнство.

В это время на Дальнем Востоке история развивалась по другому сценарию. После разгрома войск Колчака установившаяся Советская власть здесь долго не просуществовала. Японские интервенты, находящиеся на территории Дальнего Востока, в любое время могли начать полномасштабную войну с Советской Россией, которая в это время осуществляла военные действия против Польши.

Васильченко Э. А.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20-30-Х ГОДАХ XX ВЕКА**

Воевать на два фронта Россия не могла. В результате на Дальнем Востоке вместо Советов в апреле 1920 г. создается "буферная" форма буржуазно-демократического государственного образования – Дальневосточная республика (ДВР).

В Конституции ДВР было провозглашено юридическое равноправие женщин и мужчин. По образу центральной России созданные областные женотделы все же не смогли развернуть широкую массовую работу среди женщин по причине отсутствия подготовленных для этого кадров.

В 1922 г. были разбиты японские интервенты. ДВР была объединена с Российской Федерацией и на Дальнем Востоке установили Советскую власть. В результате изменились задачи женотделов.

Во-первых, партийным органам стало ясно, что для работы с женщинами требуется специальная подготовка кадров. С этой целью в 1923 г. ЦК РКП(б) направил на Дальний Восток группу женщин – партийных активисток, имевших опыт работы среди женщин. Основные кадры женработников готовились в совпартшколах.

Во-вторых, главной задачей женотделов стало вовлечение женских масс в сознательную государственную и общественную деятельность.

В-третьих, женотделы стремились преодолеть культурную отсталость работниц и крестьянок, добиваясь ликвидации безграмотности среди женщин.

В-четвертых, задачей женотделов было привлечение наиболее активных работниц и крестьянок в ряды коммунистов. 1 января 1924 г. в Дальневосточной партийной организации насчитывалось 462 женщины, ставшие опорой женотделов. 1 января 1933 г. в числе 45 тыс. коммунистов женщин было уже более 4 тыс.

Партийный аппарат работы с дальневосточницами состоял из отдела работниц и крестьянок Амурского, Владивостокского, Николаевского, Читинского, Хабаровского окружных комитетов партии. Их возглавили соответственно известные активистки М.С. Виноградова, А.Ф. Новикова, Е.В. Наградова, А.А. Васильева-Никитина, Т.И. Истомина-Кульпина, Н.А. Лавинская. На местах работу среди женщин организовали отделы горкомов и райкомов партии.

Большую роль в деле вовлечения женщин в новую жизнь играли беспартийные делегатские женские собрания. По существу, это были выборные организации работниц и крестьянок, первые выборы которых прошли на Дальнем Востоке в 1922 г.

В программах собраний были предусмотрены разъяснения партийных решений по вопросам социалистического строительства и внешней политики страны, а также по вопросам охраны материнства и детства, деятельности Советов. За полгода делегатки, как правило, довольно сносно осваивали ключевые положения теории построения нового общества. Политические знания они несли в массы, закрепляясь за коллективами, где было много женщин.

Число делегатов-пропагандистов быстро росло. Если в 1922 г. их было 1,5 тыс., то через год – в 2 раза больше.

Делегатки ликвидировали свою безграмотность. С их помощью в 1925 г. на Дальнем Востоке были открыты детские больницы, четыре консультации, две молочные кухни, дворец ребенка, три столовые, четыре артели для безработных женщин, кооператив "Прачка" и др. Усилия делегатов были направлены на ликвидацию безграмотности среди дальневосточниц.

С 1922 по 1932 г. в делегатских собраниях участвовали более 100 тыс. женщин [2, 12]. В 1928 г. на Дальнем Востоке было свыше 500 тыс. женщин рабочего возраста, значит пятая часть (20 %) дальневосточниц приобрела опыт политической грамотности на делегатских собраниях. Из числа этих активисток выдвигались первые руководители-женщины.

Постепенно организационная партийная работа по вовлечению женщин в производство начала приносить свои результаты. В 1927 г. более тысячи дальневосточниц трудились на табачных и спичечных фабриках в Благовещенске и Хабаровске, а также на пищевых и полиграфических производствах. Вместе с тем 5 тыс. женщин, имея желание трудиться, не

нашли работы. Сказалось отсутствие профессиональной подготовки претенденток на рабочие места и закрытие частных ресторанов, других питейных заведений, где женский труд использовался широко.

С целью повышения профессионального уровня женщин партийные органы на местах организовали курсы, ФЗУ, которые в 1929 г. полностью заполнила женская молодежь. Почти треть безработных женщин путем ученичества приобрели профессию. К концу 30-х гг. безработных женщин на Дальнем Востоке уже не числилось.

Приток населения из сельской местности в города, которые имели ограниченные возможности для трудоустройства новых горожан, все же создавал излишнюю женскую рабочую силу. Понадобилось изучить вопрос вовлечения женщин в промышленное производство.

Решением ЦК ВКП(б) по особому пятилетнему плану женщины были привлечены к труду в промышленности, особенно в тяжелой индустрии. На Дальнем Востоке удельный вес женского труда на предприятиях промышленности в 1928 г. составил 5 %, в 1930 г. – 17 %. Например, в 1929 г. в золотодобывающей промышленности трудились 576 женщин. На Дальзаводе 500 работниц стояли у станков и показывали пример в труде [3]. В Артемовских копиях 289 женщин наравне с мужчинами выполняли нормы выработки. 420 женщин трудились на ведущих и подсобных агрегатах Ольгинского свинцового рудника.

Женщины проникли и на рыбные промыслы Приамурья, Приморья, Северного Сахалина, Камчатки. В 1929 г. здесь трудились 12 тыс. женщин, в 1932 г. – 29 тыс. [1].

Широко использовался женский труд на лесозаготовках, особенно на возке и лесосплаве. Более чем в 20 раз увеличилось число работниц в лесном хозяйстве с 1928 по 1932 гг. (550 человек против 12 тыс.) [1].

Сопоставляя темпы вовлечения женщин в общественное производство на Дальнем Востоке и европейской части страны, нужно отметить существенную разницу: на западе значительная часть женщин трудилась на предприятиях легкой промышленности, на востоке – большинство из женщин было занято в тяжелой промышленности. В легкой – дальневосточниц было в 2,5 раза меньше. Удельный вес женского труда в угольной, нефтяной, металлообрабатывающей, золотодобывающей достигал почти 50 % [5; 1].

Темпы роста числа женщин в промышленности Дальневосточного края в 4 раза выше, чем по стране [4]. Эта особенность сохранялась долгие годы, поскольку укрепление оборонноспособности восточных рубежей могло осуществляться на базе тяжелой индустрии. Легкая же промышленность здесь всегда уступала пальму первенства. На индустрию государство выделяло большие средства.

Приход женщин в производственную сферу не всегда встречался доброжелательно со стороны мужчин – руководителей, которые избавлялись от беременных женщин, снижали им заработную плату, не предпринимали мер по улучшению условий труда и быта, а также не заботились о повышении квалификации работниц.

Партийные органы четко ориентировались на выдвижение женщин на руководящие должности. Дальневосточницы очень быстро набрали темпы профессионального роста, обучаясь на курсах и в бригадах. Многие женщины возглавили строительные участки, отдельные производства, торговые учреждения, столовые, организации образования и здравоохранения.

Приемы работы партийных органов с крестьянками были теми же, что и с женщинами-работницами. В период с 1927 по 1931 гг. около 50 тыс. крестьянок прошли школу делегатского собрания. Они активно участвовали в выполнении хлебозаготовок, защищали женщин в быту от всевластия мужчин.

Более активная работа с крестьянками началась в период коллективизации. В начале 30-х гг. в колхозах женщины привлекались к труду наравне с мужчинами, особенно в подсобных отраслях хозяйства. Неквалифицированный женский труд не мог удовлетворить тре-

Васильченко Э. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20-30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

бования механизированного производства, поэтому женщины пошли обучаться на курсах трактористов, машинистов. Однако консервативное отношение мужчин к труду женщин, претендующих на равенство, имело негативные последствия. Колхозницам не выдавали трудовых книжек, трудодни вписывались в трудовые книжки мужей, оплата труда была значительно ниже, чем у мужчин.

Темпы коллективизации на Дальнем Востоке значительно отставали от темпов в западных регионах страны. Крестьянские хозяйства вливались в колхозы с трудом. В 1932-1933 гг. в уборочной и посевной женщины еще не участвовали.

В деле преодоления консервативных взглядов на женский труд в сельскохозяйственном производстве и его пропаганде большую роль сыграла печать. На страницах газет публиковались имена колхозниц и работниц совхозов, печатались портреты женщин-передовиков производства. Газеты вдохновенно рассказывали о трудовых достижениях колхозниц.

Первый краевой съезд колхозниц (март 1930 г.) и следующий за ним второй (февраль 1931 г.) приняли решения об улучшении организации женского труда в колхозах, перестройки быта. Съезды колхозников-ударников были по сути смотром кадров женщин в сельскохозяйственном производстве. Например, в 1934 г. среди ударников женщины составляли почти треть.

Вовлечение дальневосточниц в колхозное производство значительно тормозилось по причине отсутствия квалификации и безграмотности женщин. Партийным и советским органам было ясно, что без активной культурно-просветительской работы среди селянок невозможно добиться успеха в превращении их в производственную силу. Поэтому в середине 30-х гг. начали реализовываться планы культурного строительства на селе. Только в Амурской области в 1936 г. намечалось привлечь в школы не менее 25 тыс. колхозников и колхозниц.

Новым явлением в жизни женщин на селе стало освоение традиционно мужских профессий трактористов. К 1939 г. на дальневосточных полях уже трудилось 500 женщин-трактористок. Вскоре на полях Дальнего Востока работали женские тракторные бригады [6; 2].

Таким образом, включение женщин в общественное производство коренным образом изменило их труд и весь уклад жизни. За два десятилетия 20-30-х гг. забитая, безграмотная, обездоленная дальневосточница превратилась в труженицу. Удалось не только вовлечь женщин в общественное производство, но и разбудить в них дремлющий жизненный потенциал, жажду самовыражения и творчества, способности к организации и управлению.

Вытеснение женщин из сферы производства в условиях трансформации общества свидетельствует об утрате женщинами позиций, достигнутых в советский период. Наступила пора переосмысления проблемы занятости женщин в рыночных отношениях, чему, безусловно, будет способствовать исторический опыт их трудовой деятельности после революции 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – Ф. 390 – Оп. 15. – Д. 326. – Л. 7.
2. Известия Дальневосточного краевого комитета (ДКК) ВКП(б). 1928. № 19 – 20. – С. 12
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) – Ф. Р-2413. – Оп. 4. – Д. 1096. – Л. 107.
4. РГИА ДВ. – Ф. Р-2413 – Оп. 4 – Д. 574. – Л. 104.
5. Тихоокеанская звезда. – 1933. – 8 марта.
6. Тихоокеанская звезда. – 1939. – 28 ноября.

Соусова Ю. И.
U. I. Sousova

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРИ ГЕНРИХЕ VII ТЮДОРЕ
TRANSFORMATIONS THE ENGLISH TAXATION SYSTEM UNDERWENT IN THE REIGN OF HENRY VII TUDOR

Соусова Юлия Игоревна – главный специалист научно-исследовательской части, аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 121170, г. Москва, ул. 1812 года, д. 4/45, корп. 2, кв. 56; 8(916)298-27-80. E-mail: sousova83@mail.ru
Ms. Uliya I. Sousova - Chief Research Specialist, Moscow State Pedagogical University, Russia, city of Moscow; education: graduate student, Department of Ancient History and History of Middle Ages, Moscow State Pedagogical University; area of research interests: the fiscal policy of the Tudors (1485-1603); address: 121170, Moscow, 4, 1812 year's Str., building 2, ap. 56; phone: +7 916 2982780. E-mail: sousova83@mail.ru

Аннотация. На основе анализа Писем и бумаг Генриха VII и Прокламаций в статье рассмотрены финансовые реформы, проведенные в Англии в 1485 – 1509 гг. Сделаны выводы о влиянии проведенных преобразований на дальнейшее экономическое развитие страны.

Summary. The paper is concerned with the analysis of the financial reforms initiated by Henry VII Tudor (1485-1509) in England. The study draws principally on the Letters and Papers of Henry VII and on the Statutes of the Realm. Conclusions are made about the impact such reforms had had on the further economic development of the country.

Ключевые слова: Казначейство (Палата шахматной доски), Дворцовая палата, Купеческая Хартия, Великое соглашение, таможенные пошлины, главные портовые города, беневоленции, «помощь», субсидия на шерсть, грузовые и весовые сборы.

Key words: Exchequer, Chamber, Carta Mercatoria, Great Intercourse, customs, staples, benevolences, aid, subsidy on wool, tannage and poundage.

УДК 336.22:94

Генрих VII – первый король из династии Тюдоров, олицетворял собой новый тип монарха. Согласно описаниям современников, Генрих VII был среднего роста, худощавый, с пронизательными голубыми глазами. Он более всего любил в собственных покоях проверять и сверять приходные книги. Оценивая его политику в сфере финансов, Ф. Ч. Диц обращал внимание на незаурядные деловые качества монарха, отмечая, что Генрих являлся монархом нового типа, относящимся не к сословию рыцарей, но к сословию купцов.

При Генрихе VII претерпела серьезные изменения система налогообложения. В отличие от своих предшественников Генрих VII вел разумную фискальную политику. Опустошенная во времена Эдуарда IV королевская казна была восстановлена путем введения многочисленных налогов. Когда прямые налоги достигли своего предела, начала стихийно формироваться система косвенных налогов. Произвольность и беспорядочность налогообложения – отличительная черта средневековой финансовой системы. В период правления Генриха VII начался качественно новый этап – становление и развитие упорядоченной финансовой системы, включавшей в себя не только прямые, но и косвенные налоги. В то же время можно утверждать о преемственности финансовой политики монарха, поскольку свою политику он построил на фундаменте, заложенном Ричардом III.

Бюджет государства складывался из различных источников, во многом зависевших от политики правительства. В XVI в. Англия постепенно превратилась в современное национальное государство, централизованное, суверенное, основывающееся на единой системе общего права, а также связанное системой общего налогообложения.

Система прямого налогообложения в Англии берет свое начало с 1086 г., когда была проведена подробная перепись населения и земель, охватившая 34 из 38 графств. По итогам переписи была составлена опись – Книга страшного суда. Считалось, что при переписи надо было давать точные сведения, как на Страшном суде. Однако данная система основывалась на обложении земли. Подушный налог был введен гораздо позже и послужил одной из основных причин восстания 1381 г. В работе «Трактат о налогах и сборах» (1662 г.) У. Петти выводил следующую аксиому: «чем беднее государство, тем выше налоги». Иначе, чем меньше государство располагает возможностями вне налоговых поступлений, тем больше оно вынуждено обременять своих граждан. Английский исследователь А. Брэдбери выделял два основных процесса, которые свидетельствовали об экономическом росте страны при Генрихе Тюдоре: изменение соотношения экспорта одежды и шерсти, изменение доли участия в налогообложении городов и деревни [7, 3-21]. Проведя сравнительный анализ, он делал вывод о том, что в 1524 г. налоговые ставки (прямой налог) были ниже, чем в 1334 г., когда богатые платили 12 % налогов, а бедные – 15 %. В 1524 г., помимо недвижимости, налогом облагалось и движимое имущество. Говоря об уменьшении общего количества налоговых сборов, ученый отмечал увеличение доли уплаты налогов городами (до 69 % в Уорвикшире), ставшее следствием общего оттока населения из деревни в результате огораживаний. Некоторые города стали платить в 8 – 10 раз больше налогов, а наиболее быстро развивающиеся – в десятки раз больше: Вестминстер – в 43, Тивертон – в 26, Ливенхем – в 18 раз. Согласно официальной статистике в XVI в. в Англии насчитывалось 26 больших городов и более 17 тыс. малых городов, местечек и сел. Согласно данным лорда Ф. Бэкона, города заплатили короне в качестве фирмы в год, когда собирался последний парламент при Генрихе VII, около 5000 марок (марка – старинная английская монета, при Генрихе VII составляла примерно треть от фунта стерлингов – Ю. С.) [21, 10-11].

Параллельно прямому налогообложению стихийно формировалась система косвенных налогов в виде акцизов, пошлин, сборов и т.д. Например, в XIII в. в соседней Франции был введен акциз на соль. Оттуда само понятие акцизного налога перешло в Голландию, где акцизы весьма прижились. Затем они перекочевали в другие страны Европы, в том числе и в Англию. «В очень раннее время, – полагал Т. Роджерс, – была установлена в Англии такса на хлеб (пшеничный). С тем же намерением законодательство воспрещало вывоз хлеба, если цена квартера переходила за известную сумму». Те же самые меры мы увидим в отношении вина в Купеческой Хартии 1303 г. Генрих заключил в 1495 г. Великое соглашение с фламандцами, в котором так же проводил протекционистскую политику по отношению к английским купцам.

Таможенные пошлины при Генрихе VII сложились в некую упорядоченную систему и были закреплены законодательно. В дотюдоровскую эпоху, кроме внешних, функционировало множество внутренних пошлин: мостовой сбор при переезде через мост, причальная пошлина – на устройство причалов, торговые пошлины – на торговлю вне портовых городов. Роль портовых городов падает, о чем ясно свидетельствует жалобная петиция кардиналу-министру Генриха от купцов указанных городов [12, 38]. Генрих никогда не действовал запрещениями. Например, в случае с Кале, когда вывозная пошлина на шерсть была поднята с 6 шил. 8 пенсов до 40 шил. за сак (300 мешков) и составила четверть от стоимости товара, сделав вывоз сырья сугубо невыгодным для купцов мероприятием. В результате произошло перераспределение в экспорте: и вместо шерсти купцы вынуждены были покупать готовые полотна. Этот факт дал возможность историкам говорить о протекционистской политике Генриха. На самом же деле повышение пошлин повлияло на торговлю с континентальными государствами не в лучшую сторону. Французские купцы, ранее вывозившие до 2000 саков

в год, теперь могли позволить себе не более 400 саков. Поэтому Кале начинает приходить в упадок, и Испания перехватывает ведущие позиции в торговле.

Генрих VII не реформировал систему финансовых ведомств, сложившуюся к началу его правления. Начиная с XII в., в Англии сложилась такая система, при которой монархи опирались на рыцарство и городскую верхушку при решении важнейших государственных дел, включая вопросы налогообложения. Со второй половины XIV в. за парламентом закреплялось право утверждать как прямые, так и косвенные налоги (статуты 1340, 1362, 1371 гг.); в конце XIV в. парламент добивается права контроля над расходованием бюджетных средств, королевских субсидий, требуя от Казначейства предоставления отчетов. Поэтому при Генрихе VII на первый план в финансовой администрации Англии вышел лорд-казначей и возглавляемая им Дворцовая палата, тогда как за Палатой шахматной доски сохранились лишь функции сбора традиционных феодальных доходов (поступления от королевского домена, городов и таможен, поступления от королевской трети доходов церковных земель) и финансирования королевского двора [4, 65-69].

На протяжении царствования Генриха VII все же прослеживается контроль парламента над налогообложением населения, но исключением становятся личные доходы короля (гафоль, рельеф, права опеки и согласия на замужество дочерей баронов, доходы от королевского суда). Прочие доходы вотировались парламентом и поступали в Палату шахматной доски. Реформы Генриха VII преимущественно были направлены на укрепление финансовой базы хаузхолда, поскольку в Англии сложилась такая историческая традиция, в соответствии с которой король должен жить за счет него. Доход короны возрос с 32 000 ф.ст. в 1485 г. до 300 000 ф.ст. в 1509 г. [8, 67-70]. Источниками для увеличения личной казны короля послужили конфискованные земли мятежных баронов, таможенные пошлины, косвенные и временные налоги.

За все 24 года своего царствования Генрих VII созывал парламент всего 7 раз, причем шесть из них созданы были в первые 11 лет его правления. Генрих сохранил старую систему прямого налогообложения. Первый парламент 1485 г. вотировал королю «на жизнь» customs: все грузовые и весовые сборы, а также налог на шерсть (см. прим. 1). Вот как этот парламент описывал Ф. Бэкон: «Что касается денег, то король не счел своевременным или уместным обращаться к своим подданным с требованиями такого рода на этой сессии парламента как потому, что он получил от них удовлетворение в вопросах столь большой важности, так и потому, что не мог вознаградить их чем-нибудь вроде общей амнистии (чему мешала непосредственно перед тем объявленная амнистия по случаю коронации); главной причиной было, однако, то, что ни для кого не было секретом, сколь велики конфискации, произведенные тогда королем в свою пользу; в связи со всем сказанным разумно было ожидать, чтобы траты короны пощадили кошельки подданных, особенно в пору, когда король в мире со всеми своими соседями. Этим парламентом было принято еще несколько законов, почти что формы ради. Один из них обязывал при натурализации платить таможенные пошлины, взимающиеся с иностранцев, а согласно другому – конфискация и выкуп итальянских товаров в случае их неиспользования осуществлялись в пользу короля. Этими мерами пополнялась его казна, о которой он с самого начала не забывал, и он был бы в конечном счете более счастлив, если бы предусмотрительность первых лет его правления, избавлявшая его от всякой необходимости возлагать бремя налогов на народ, умерила бы и его природные наклонности в этой области. За время работы парламента он пополнил еще несколькими лицами список пожалованных титулами. Лорд Шандо из Бретани стал графом Батом, сэръ Жиль Добиньи – лордом Добиньи, а сэръ Роберт Уиллоуби – лордом Бруком» [2, 416].

Спустя 3 года Генрих попытался добиться от парламента установления новых налогов. Так, в феврале 1488 г. для оказания помощи в войне против Франции герцогу Бретани, Генрих субсидировал армию в 10 тыс. лучников. Парламент вотировал сумму в 75 000 ф.ст. на содержание этой армии. Данная сумма должна была сложиться из подоходного налога в размере 10 % со всех свободных землевладельцев; налога на прибыль со всех маноров, зам-

ков, земель сдаваемых в наем, доходных домов, рент, контор; налога на движимое имущество – для всех, кто обладал личными вещами, стоимостью более 10 марок в размере 20 пенни с каждых 10 марок. Генрих VII не был новатором в финансовой сфере, но он доработал процедуру сбора налогов и распределения денег на потребности правительства таким образом, что лично мог контролировать казну. Ф. Бэкон описывал в своем сочинении методы, с помощью которых изымались налоги в правление Генриха VII. Существовала так называемая дилемма Мортонна (см. прим. 2), которая оправдывала повышение налогового гнета при короле Генрихе: если человек живет скромно и экономит, то он может позволить себе уплату налогов, если же человек транжир и живет в роскоши, значит, очевидно, что он богат и налоги не будут для него тяжким бременем.

Однако удалось собрать лишь сумму в 48 000 ф.ст. (по некоторым оценкам – 27 000 ф.ст.) [9, 35-37]. Недовольство новым подоходным налогом вылилось в волнения на севере Англии в Йорке и Дархеме. Народ отказался платить какой-либо другой налог на ведение войны, кроме скутагия, который был установлен еще Великой хартией вольностей в 1215 г. Тогда парламент вотировал королю прежние десятины и пятнадцатые части. Налог на лучников не был единственной попыткой Генриха VII ввести новый прямой налог: он добился, чтобы ему вотировали субсидию на те же цели еще 4 года спустя. Но, когда в 1488 г. эта попытка потерпела неудачу, то Генрих добился от парламента утверждения билля о государственной измене, по которому в дальнейшем было осуждено 8 тыс. чел., подозреваемых в мятеже. Конфискации земель обвиняемых, равно как и взимание под разными предлогами штрафов с феодальной знати, заметно обогатили казну. На 12 году правления парламент вотировал Генриху субсидии в размере 120 000 ф.ст., т.е. сразу 2/15 части. В 1504 г. Генрих получил от парламента разрешение на сбор так называемой «помощи» в размере 36 000 ф.ст. – субсидии по случаю бракосочетания его старшей дочери.

Кроме прямых и косвенных налогов в Англии существовало огромное количество разнообразных временных налогов. Например, сборы на содержание королевской свиты с жителей той провинции, где она в данный момент присутствовала (см. прим. 3). В случае ведения войны, рождения сына и других важных событий король также мог потребовать «субсидий» – особых налогов, вотируемых парламентом. Король мог решать и финансовые вопросы помимо парламента, прибегая к займам, носивших по существу принудительный порядок, так называемые, беневоленции – произвольные и бесконтрольные поборы с населения, введенные Эдуардом IV в качестве «обязательных подарков королю» (по принципу: «король берёт всё, что хочет и сколько захочет»). Генрих VII начал с того, что возродил беневоленции и использовал их для пополнения своей казны. В результате ему удалось собрать штрафов-залогов на сумму от 100 до 10 тыс. фунтов. Для того чтобы подвести под штрафы законодательную основу, Генрих изрядно потрудился и вернул к жизни не один десяток старых статутов.

Генрих VII торговал должностями. Он дважды продал должность высшего судьи Суда общих тяжб за высокую цену, должности королевского прокурора, хранителя свитков и спикера Палаты общин [3, 105].

Известно, что Англия была бедна серебром. Английское правительство издавна принимало меры против утечки серебра из королевства. Правительство Генриха VII уже в 1486 г. выпустило статут, обязывавший иностранных купцов, продавших свои товары в Англии, вывозить не полученные ими деньги, а товары английского производства. Статут 1487 г. уточнил требования: запрещалось вывозить монеты и слитки из Англии [6, 20-21].

Для лучшего обеспечения монетного двора металлами правительство в 1486 г. утвердило специальную комиссию для контроля за добычей золота, свинца, серебра и олова в Англии и Уэльсе. В ее состав вошли: герцог Бедфорд, графы Оксфорд, Девон, Нортемберленд, епископ Мортон, будущий канцлер Англии. Деятельность рудников попала в сферу наблюдения короны. Эти рудники сдаются в аренду: в мае 1486 г. рыцарь Р. Виллоуби получил в аренду на 12 лет все шахты в Корнуэлле и Девоне с водами, реками и мельницами, чтобы до-

бывать золото, серебро, свинец и медь, выплачивая королю каждый двенадцатый короб, а сэр Севейдж получил на 7 лет «свинцовые шахты графства Дерби за годовую плату в 26 ф. 13 шил. 4 пенса» [6, 26-30].

В 1487 г. в третьем парламенте Генрихом утвержден акт об очистке серебра, в котором указывалось, что плавильщики могут очищать серебро только для монетных дворов и для нужд ювелиров. Таким образом, был взят контроль над деятельностью плавильщиков, ограничена утайка серебра и возможность спекуляции.

Подводя итоги финансовой политики Генриха VII, можно утверждать, что несправедливы те историки, которые считали Генриха продолжателем политики Ричарда III [9; 12; 21]. Следует выделить также особенности, отличавшие политику первого из династии Тюдоров в области финансов:

1. уменьшение общего количества налоговых сборов, с одновременным увеличением доли уплаты налогов городами;
2. изменение соотношения экспорта одежды и шерсти (протекционистская политика);
3. усиление личного контроля короля над системой взимания налогов с населения путем привлечения к должностям лично преданных Генриху людей (не обязательно знатного рода);
4. контроль добычи и выплавки драгметаллов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев, С. Н. Администрация Тюдоров и Рюриковичей. Сравнительный анализ // Зеркало истории. – М., 1992. – С. 74-84.
2. Бэкон, Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1972.
3. История Великобритании / Джон Гай; под ред. Кеннет О. Моргана. – М.: Весь мир, 2008. – Разд. 5. – С. 105.
4. Казаков, И. В. Становление новой монархии: аристократия и королевский двор: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Казаков. – Самара, 1999.
5. Каменецкий, Б. А. Была ли революция во времена Тюдоров // Вопросы истории. – 1964. – № 1. – С. 210-212.
6. Муха, М. В. Монетные реформы в эпоху Тюдоров / М. В. Муха. – СПб., 2002.
7. Bridbury A. R. Economic growth of England in the Later Middle Ages (lecturer in economic history of England). – Cambridge, 1956.
8. Dietz F. H. English Public Finance 1558 – 1641. – L., 1964.
9. Dowell St. A history of taxation and taxes from the earliest times to the year 1885. – L. 1876. V. I.
10. Elton G. R. England Under the Tudors, 2nd ed. 1974, reissued 1977.
11. Elton G. R. The Tudor Revolution in Government: Administrative changes in the Reign of Henry VIII. Cambridge, 1962.
12. Hall H. F. History of the custom-revenue in England from the earliest times to the year 1827. – L., 1885.
13. Loades D. M. Tudor Government. Blackwell, 1997.
14. Loades D. M. The Life and Career of William Paulet, c. 1475 – 1572. Ashgate, 2008.
15. Loades D. M. England's Maritime Empire: Seapower, Commerce and Policy, 1490 – 1690. Longmans, 2000.
16. Mackie J. D. The Earlier Tudors, 1485 – 1558. – L. 1952, reissued 1978.
17. Richardson W. C. Tudor Chamber Administration, 1485 – 1547. – N. Y., 1952.
18. Starkey D. A Reply: Tudor Government: The Facts? // The Historical Journal. – 1988. – V. 31. – № 4. – P. 921-933.
19. Storey R. L. The Reign of Henry VII, 1968.
20. Stubbs W. The Constitutional History of England. Oxford, 1878. – Vol. 3.
21. Tyler W. The history of the taxation of England with an account of the rise and progress of the national debt. – L., 1853.
22. Williams P. The Tudor Regime. – Oxford, 1979.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Grant of tunnage and poundage – грузовые и весовые сборы. Tunnage облагались все ввозимые и вывозимые вина и составила 3 шил. – для иностранных купцов и 12 пенсов – для английских; Poundage – облагались все товары, кроме шерсти, кож и шкур и составил 12 пенсов с каждых 20 шил. стоимости товара. Subsidy on wool – налог на шерсть, согласно Парламентскому акту 1485 г. составил 1 ф.ст. 13 шил. 4 п. за каждый тюк (300 овечьих шкур или шерсть, полученная со стрижки 300 овец) и 3 ф.ст. 6 шил. 8 п. за каждый ласт кожи (200 кож) – для английских купцов; 3 ф.ст. 6 шил. 8 п. за каждый тюк и 3 ф.ст. 13 шил. 4 п. за каждый ласт кожи – для иностранных купцов (Dowell St. A history of taxation and taxes from thee arliest times to the year 1885. – L. 1876. – V. I. – P. 264).

2. Джон Мортон (Morton), епископ Или (ум. 1500), один из главных советников Генриха VII. В 1486 г. стал архиепископом Кентерберийским, а в 1493 г. назначен кардиналом; с 1487 г. и до конца жизни занимал должность канцлера Англии.

3. Privilege of purveyance and preemption – прерогатива Короны на принудительную покупку с/х продуктов и купеческих товаров по определенной королевскими чиновниками цене, а также на обеспечение лошадьми в пользу королевского хаузхолда и на содержание армии. Платили за них ордерами на Казначейство.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГГ. – 1960-Е ГГ.)

LIBERALIZATION OF THE NATIONALITIES POLICY OF THE SOVIET STATE CON- CERNING INDIGENOUS MINORITIES IN THE FAR EAST (LATE 1950s – 1960s)

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей 15-71; (84212) 53-14-37. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Mr. Andrei I. Gorelikov – PhD in History, Assistant Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 681035, 15-71 Pervostroiteley Pr. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей развития малочисленных народов в условиях демократизации советского общества.

Summary. The paper deals with the issue of development of indigenous minorities in the context of liberalization tendencies during the Khrushchev Thaw (1950s – 1960s).

Ключевые слова: национальная политика, коренные малочисленные народы, либерализация.

Key words: liberalization, Khrushchev Thaw, nationalities policy, indigenous minorities.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0482 «Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917 – 1991 гг.)».

УДК 94:39(571.6)

В середине 1950 – начале 1960-х гг. в стране совершились такие общественно-политические события, которые оказали значительное влияние на состояние всего советского общества, на весь ход исторического развития советской системы. Они сыграли существенную роль в формировании новых приоритетов на переходном этапе аборигенов к индустриальному обществу. В этот период огромные достижения в области науки и техники создали необходимые предпосылки для развернувшейся в то десятилетие научно-технической революции, создающей условия для решения задач научно-технического прогресса в различных отраслях промышленности, аграрном секторе [6, 96].

Модернизационный проект выравнивания уровней экономического развития восточных территорий и центральных районов страны определил перенос внимания на развитие традиционных видов деятельности местных народов. Предусматривался ряд мероприятий по реформированию хозяйственной деятельности национальных рыболовецких колхозов. Было принято решение об их укрупнении.

До начала укрупнения в колхозной сфере Хабаровского края имелось 124 рыболовецких колхоза, из них национальных – 61. С 1 января 1958 г. по 1 января 1961 г. протекал наиболее интенсивный процесс их укрупнения путем объединения. Так, 9 небольших колхозов Нанайского района края были объединены в 3 крупные. За счет технического оснащения,

Гореликов А. И.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГГ. – 1960-Е ГГ.)

роста численности трудоспособных колхозников в первый же год после укрупнения колхозов района вылов рыбы-сырца вырос в два раза. Он составил 53558 ц. Только один колхоз «Интернационал» в связи с проведенной реорганизацией, материально-техническим укреплением производственной базы произвел валовой продукции на 652 тыс. р., что составляло столько же валовой продукции всех рыболовецких колхозов соседнего Комсомольского района. Укрупненный колхоз «Интернационал» имел несколько рыбообрабатывающих баз, 8 катеров, более 10 мотоботов и кунгасов, капроновые сети [5, 70].

В 1962 г. оставшиеся небольшие колхозы Нанайского района были объединены в рыболовецкий колхоз «Новый путь». Реорганизованный колхоз приобрел два катера, семь автомашин, семь самоходных барж, пять тракторов, восемь двигателей и генераторов. Это позволило повысить доходность в этом году с 405 до 472 тыс. р. [3].

Процесс реорганизации рыболовецких колхозов в этот период одновременно происходил в Ульчском, Амурском, Комсомольском районах Хабаровского края. В Ульчском районе к началу укрупнения насчитывалось 17 рыболовецких колхозов и два сельскохозяйственных. После объединения средний вылов рыбы на одного рыбака возрос более чем в два раза. Неделимые фонды колхозов по сравнению с 1957 г. выросли на 480 тыс. р. в 1962 г. и на 640 тыс. р. в 1965. г. На 1 августа 1963 г. рыболовецкие хозяйства района имели на счетах капитальных вложений в госбанке 255 166 тыс. р. и 103.3 тыс. р. свободных денег. Колхозы полностью рассчитались с государством за полученную технику и приобрели необходимые сельскохозяйственные машины на 3 млн р., в том числе 30 тракторов, 13 автомашин, 340 моторов, 12 электростанций.

Реорганизация, техническое перевооружение рыболовецких колхозов юга Дальнего Востока отчетливо выделяет три этапа в реализуемой государством национальной политике второй половины 1950 – 1960-е гг. На первом этапе до 1959 г. шло укрупнение рыболовецких колхозов, принятие мер по совершенствованию их хозяйственной деятельности. Второй этап охватывает 1959 – 1961 гг., во время которого колхозы приобрели технику и имущество МРС, в том числе суда с морского рыболовного флота и орудия лова. Третий этап (1961 – 1965 гг.) отмечен переходом колхозов на самообработку. На этом этапе колхозам были переданы рыбообрабатывающие заводы и рыбокомбинаты. Это способствовало тому, что колхозы получили необходимое средство для приобретения промышленной техники, дополнили оборотные средства, увеличили отчисления на оплату труда колхозников.

В большинстве хозяйств был осуществлен переход на рыбопереработку. Например, в 1962 – 1963 гг. в колхозе «Интернационал» был сооружен типовой комплекс механизированной базы, включающий 3 рыбообрабатывающих цеха, дававший 60 % всех денежных доходов. К концу 1965 г. из 23 национальных рыболовецких колхозов Амура 17 занималось обработкой рыбы. Из 47 рыболовецких хозяйств Хабаровского края 37 перешли на самообработку рыбы [4].

Все это повысило заинтересованность колхозников в получении дополнительных доходов, комплексном развитии национальных территорий. Получив безвозмездно технику бывших МРС, укрепив тем самым материально-техническую базу, колхозы приступили к выпуску рыбопродукции. Так, в Нанайском районе колхоз «Новый путь» принял от Даергинского рыбкомбината обрабатывающие цеха, колхоз «Интернационал» получил 3 рыббазы (Эворонскую, Троицкую, Славянскую) и т.д.

Ряд крупных национальных колхозов – «Новый путь», «Интернационал», «Нанайский партизан» и др. представляли собой промышленные комбинаты. В этих колхозах трудилось свыше 80 % коренного населения бассейна р. Амур [2, 22].

Оленеводство, имея огромное значение в развитии некоторых малочисленных народов Хабаровского края и Амурской области, со второй половины 1950-х – 1960-е гг. получило большое развитие. Этой отрасли был посвящен ряд постановлений правительства. Совет Министров РСФСР 6 сентября 1958 г. принял специальное постановление «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства». Данным постановлением намечались конкретные мероприятия по обеспечению роста поголовья оленей, повышению продуктивности от-

расли. В течение 1960-х гг. Советом Министров РСФСР принимается ряд постановлений, которые должны были способствовать улучшению материально-технического снабжения оленеводческих хозяйств, достижению высоких производственных показателей в развитии оленеводства.

Существенное увеличение поголовья оленей отмечалось и в колхозах Амурской области. За десять лет рост поголовья оленей составил 38.4 %, с 12.5 тыс. голов до 17.3 тыс. голов оленей, что являлось наивысшим показателем за все годы советской власти.

В структуре традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Дальнего Востока пушной промысел всегда был одним из самых важных. Это находит подтверждение на примере Нанайского района Хабаровского края, где в охотничьем промысле участвовало 24 национальных колхоза. Площадь охотничьих угодий составляла 2013973 га. В конце 1950-х гг. добычей пушнины занимались 18 рыболовецких и два охотпромысловых колхоза. Ежегодно на промысел выделялось 250-260 охотников-промысловиков [1].

В начале 1960-х гг. в местах проживания коренного населения стали создаваться комплексные специализированные предприятия – коопзверопромхозы и госпромхозы.

К началу 1960-х гг. в местах расселения удэгейцев охотничий промысел был переориентирован на освоение богатых пушным зверем необжитых территорий верховьев рек Бикин, Иман, Ключевая, Пантовая и др. Освоение новых территорий позволило увеличить объем пушной продукции. Например, ее объем в колхозе «Охотник» в 1960 г. увеличился в шесть раз по сравнению с 1951 г. Доход вырос с 37 тыс. р. в 1951 г. до 441 тыс. р. в 1960 г.

В охотничьем хозяйстве малочисленных народов Дальнего Востока произошли коренные изменения, связанные с решениями ряда правительственных постановлений. Постановления Совета Министров РСФСР от 25 июня 1959 г. «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства РСФСР» были направлены на продолжение работы по совершенствованию промысловой деятельности охотников. Вышедшими в свет правительственными постановлениями было рекомендовано развернуть работу по сбору дикоросов. Были приняты меры к строительству приемных, перерабатывающих пунктов, производства тары. Данными постановлениями решалась еще одна немаловажная проблема – обеспечение занятости коренного населения. В Хабаровском крае созданы Комсомольский, Троицкий, Амурский коопзверпрохозы, за которыми закрепились охотничьи фонды. Им было предоставлено право формировать штат охотников.

В реализации национальной политики многое делалось для развития пушной отрасли. С 1957 по 1960 гг. в развитие охотничьего хозяйства национальных районов только Хабаровского края было вложено 2.6 млн р. Вложенные финансовые средства в охотоустроительные работы, улучшение освоения охотугодий, внедрение технических средств незамедлительно сказались на объеме заготовительной пушнины.

В целом партийно-правительственные решения второй половины 1950 – 1960-х гг., направленные на развитие традиционных отраслей, обеспечили создание производственной структуры индустриального типа. Однако методы и пути экономической модернизации, несмотря на значительное внимание государства к развитию территорий проживания коренных народов, не смогли обеспечить их устойчивое развитие на длительный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Института Истории ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 3
2. Бобышев, С. В. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока на завершающем этапе социалистической модернизации (середина 50-х – середина 80-х гг. XX века) / С. В. Бобышев, А. В. Ахметова. – Хабаровск: ДВГУПС, 2008. – 130 с.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137. Оп. 14. Д. 2420. Л. 54.
4. ГАХК. Ф. 719. Оп. 22. Д. 315. Л. 96
5. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2003. – 325 с.
6. Польшов, М. Ф. Экономические предпосылки перестройки в СССР / М. Ф. Польшов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 2. – Вып. 3. – СПб., 2007. – С. 95-107.

Гранина Н. М.
N. M. Granina

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИМИТАЦИОННОГО ТРЕНИНГА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

PEDAGOGICAL POTENTIALITIES OF SIMULATION TRAINING IN THE PROCESS OF TEACHING INFORMATION LITERACY TO UNIVERSITY-LEVEL STUDENTS

Гранина Наталья Михайловна – главный библиотекарь, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681032, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 70, кв. 55; 89142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Ms. Natalia M. Granina – Chief Librarian, PhD Candidate, Department of Educational Studies and Vocational Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, Komsomolsk-on-Amur, 70 Vokzalnaya Str., apt. 55, phone: +79142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается обучение студентов поиску в электронном каталоге библиотеки на основе применения имитационного тренинга, анализируется эффективность его применения и оценка пользовательских характеристик студентами. Приводится функциональная модель процесса отработки у студентов навыков поиска в электронном каталоге библиотеки.

Summary. The paper deals with the process of developing information retrieval skills needed to use electronic library catalogs, in the form of simulation training. The effectiveness of this educational tool is evaluated; students' feedback on its functionality and user-friendliness is outlined. A functional model is proposed to describe the process of training the skill of searching the electronic catalog of University's library.

Ключевые слова: компетентностный подход, поиск информации, тренинг, электронный каталог, информационная компетентность, информационная культура, функциональная модель.

Key words: competence approach, information retrieval, training, e-catalog, information competence, information literacy, functional model.

УДК 025.4.03:378

Современный этап развития профессионального образования характеризуется переходом на компетентностную модель подготовки выпускника в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования. Под компетентностью понимается способность человека решать возникающие проблемы в различных сферах деятельности, а также самостоятельно находить и использовать уже накопленные знания в различных ситуациях, отличных от тех, в которых они были приобретены. «Природа компетентности такова, что она, будучи продуктом обучения, не прямо вытекает из него, а является следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта. Опыту нельзя научить. Его можно приобрести, накопить, обогатить в процессе выполнения определенной (соответствующей) деятельности» [3, 25]. Для опыта, составляющего основу информационной компетентности, такой деятельностью является деятельность, предметом которой выступает информация. В процессе информационной деятельности человек приобретает опыт в поиске информации, ее отборе, переработке и оценке, организации материалов в личных поисковых системах, тем самым совершенствуя свою информационную компетентность и развивая информационную культуру.

Деятельность по информационному самообеспечению требует чёткого представления технологии использования традиционных и электронных средств поиска информации. Поэтому «необходимым условием информационного поиска в вузе является правильное ориентирование в фондах современной университетской библиотеки, знание её структуры и справочно-поискового аппарата, основных источников необходимой информации» [4, 3] и умение ими пользоваться.

Одним из педагогических условий внедрения компетентностного подхода в процесс подготовки специалистов является «активное использование интенсивных образовательных технологий, активных методов и форм обучения: мультимедийных лекций, лекций-визуализаций, компьютерных симуляций, различных тренингов (психологических, имитационных и т.д.), семинаров, дискуссий, деловых игр, вузовских и межвузовских конференций и т.д.» [6, 60].

Тренинг, в переводе с английского, означает тренировочный режим, тренировка (см. прим. 1). Согласно педагогическому терминологическому словарю, «тренинг – это интенсивное обучение с практической направленностью. В отличие от обучения в рамках образовательных программ, ориентированного на формирование системы знаний, обучение-тренинг направлено на развитие навыков, освоение участниками нового опыта. Распространённые разновидности тренингов – социально-психологический, тренинг личностного роста, корпоративный тренинг, видеотренинг и др.» (см. прим. 2). Как отмечают О. Богословская и В. Павлова, «Тренинг – одна из основных форм обучающих технологий, представляющая собой систему алгоритмов учебно-познавательных действий и способов решения типовых задач в ходе обучения» [1, 8]. Диагностические, обучающие, развивающие возможности тренинга привлекают внимание специалистов из разных областей знания: психологов, психотерапевтов, педагогов, библиотекарей, работников кадровых служб, руководителей предприятий [5, 6].

Обучающий тренинг имеет своей целью формирование определенных умений и навыков. Это подразумевает практику: человек не просто получает некоторый объем знаний, а проходит через процессы понимания и присвоения знаний, то есть новый опыт органично встраивается в общую систему личного опыта человека, которой тот уже обладает.

Обучающие тренинги содержат лишь необходимый минимум теории, причем такой, которая не имеет расхождения с практикой. Основное содержание обучающих тренингов призвано моделировать и раскрывать те реальные жизненные ситуации, в которых необходимо применять знания и умения, которым обучает тренинг, т.е. имитировать реальный процесс.

Имитировать – воспроизводить с возможной точностью, подражать кому-чему-нибудь (см. прим. 3). В практической деятельности это означает постичь суть явления, не прибегая к экспериментам на реальном объекте. Имитационный тренинг предполагает отработку определенных специализированных навыков и умений по работе с различными техническими средствами и устройствами (см. прим. 4). Эффективность имитационных тренингов является результатом того, что:

- есть возможность учиться посредством выполнения практических действий, получая собственный опыт;
- учитываются индивидуальные особенности человека;
- допущенные ошибки не влекут негативных последствий;
- нет оценок и других средств оценивания новых знаний.

Как показал опрос, проведенный в научно-технической библиотеке Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета в 2011-2012 учебном году [2, 243], большинству студентов-первокурсников не приходилось ранее пользоваться электронным каталогом, и, по результатам наблюдения, данный процесс у них вызывает затруднения. Неоднократно к сотрудникам библиотеки обращались и преподаватели вуза с просьбой оказания консультативной помощи по выполнению поиска в автоматизированной информацион-

Гранина Н. М.

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИМИТАЦИОННОГО ТРЕНИНГА
ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

но-библиотечной системе. В связи с этим возникла необходимость в разработке обучающего средства для формирования у студентов и заинтересованных лиц навыков поиска по электронному каталогу библиотеки. В библиотеке Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета был разработан обучающий тренинг «Электронный каталог», имитирующий поиск в электронном каталоге библиотеки. Данный тренинг демонстрирует на конкретных примерах использование поисковых возможностей и дизайна программы. В процессе прохождения тренинга студенты получают информацию о структуре электронного каталога, его функционировании и содержательной наполненности.

Прежде чем использовать данный тренинг на практике, была проведена его демонстрация на заседании методического совета библиотеки. После успешной демонстрации обучающий тренинг «Электронный каталог» был рекомендован к размещению на компьютерах в зале электронной информации библиотеки.

Цели обучающего тренинга «Электронный каталог»:

1. Развитие когнитивного уровня информационной культуры студентов путем расширения их информационного мировоззрения знаниями в области применения библиотечных электронных поисковых систем.

2. Формирование информационной компетентности студентов посредством отработки навыков эффективного поиска информации и умений грамотно формулировать поисковый запрос.

Задачи тренинга:

1. Отработка навыков поиска релевантной информации в электронном каталоге библиотеки.

2. Способствование осознанию эффективных способов поисковой деятельности, их систематизация и обобщение.

3. Развитие способности грамотно формулировать поисковый запрос.

Тренинг можно пройти в двух режимах: в режиме с подсказками и в режиме без подсказок. Все задания тренинга ориентированы на развитие навыков эффективного информационного поиска. Пользователи овладевают такими приемами, как простой поиск, поиск с элементами сортировки документов по заданным параметрам, расширенный поиск, расширенный поиск с установкой приоритетов подзапросов, поиск по словарям, формирование подмножества отобранных документов, составление списка найденных или отобранных документов. Технология поиска в заданиях тренинга рассматривается пошагово на конкретных примерах.

Пример 1. Произведите поиск книг автора Петрова.

Решение.

Шаг 1. Отметьте "галочкой" поле для поиска "Авторы".

Шаг 2. В поле "Термы" введите фамилию автора – Петров.

Шаг 3. Нажмите кнопку "Поиск".

Результат: система отобрала 133 документа по запросу.

Технология грамотного составления поискового запроса рассматривается также на конкретных примерах.

Пример 2. Найдите все книги по истории автора Иванова.

Решение.

Этот запрос состоит из двух подзапросов:

1. Найти все книги автора Иванова.

2. Найти все книги по истории.

Между собой эти подзапросы объединены логическим условием "И".

Далее пошагово рассматривается технология выполнения поиска и наглядно демонстрируется результат поиска.

Отработка навыка использования интерфейса программы ориентирована на запоминание действий, исключая механическое выполнение команд, а именно:

Пример 3. Откройте форму поиска, нажав соответствующую кнопку на панели инструментов.

Чтобы оценить эффективность применения обучающего тренинга, нами был проведен эксперимент, в котором участвовали две группы студентов-первокурсников одного потока в количестве 32 человек. В вводной части занятия были актуализированы такие понятия, как электронные ресурсы, полнотекстовые базы данных, библиотечный каталог, поисковый запрос, ключевые слова, введено понятие электронный каталог, прослежена его отличительная особенность от понятия полнотекстовые базы данных. Далее студентам экспериментальной группы был предложен обучающий тренинг, после прохождения которого они выполнили задания самостоятельной работы. Также после актуализации знаний студентам контрольной группы было предложено самостоятельно овладеть способами поиска по электронному каталогу, пользуясь справочными материалами. По результатам работы этой группе студентов были предложены те же задания самостоятельной работы, что и студентам экспериментальной группы.

Результаты самостоятельной работы показали, что успешно овладеть поиском по электронному каталогу удалось 86 % студентов экспериментальной группы и 57 % студентов контрольной группы; справились с поставленной задачей удовлетворительно (выполнили половину заданий) в обеих группах равное количество студентов – по 7 %; не удалось овладеть навыком поиска по электронному каталогу в экспериментальной группе 7 % студентов, в контрольной – 36 % студентов (см. рис. 1).

Рис. 1. Результаты самостоятельной работы по овладению студентами поиском по электронному каталогу библиотеки

Таким образом, можно сделать вывод, что обучающий тренинг позволяет повысить качество овладения студентами поиском по электронному каталогу библиотеки.

С самого начала мы рассчитывали получить от пользователей оценку характеристик обучающего тренинга, таких, как дизайн, удобство использования, доступность изложения материала и полезность применения. С этой целью в экспериментальной группе было проведено анкетирование. 65 % студентов экспериментальной группы высоко оценили дизайн тренинга, 18 % отметили дизайн тренинга как удовлетворительный и 17 % остались не удо-

Гранина Н. М.

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИМИТАЦИОННОГО ТРЕНИНГА
ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

влетворены данной характеристикой. Удобство использования высоко оценили 76 % опрошенных, средне – 18 % студентов и неудобным в использовании тренинга отметили 6 % студентов. Степень доступности изложения материала как высокую отметили 89 % студентов, как среднюю – 11 %, как низкую – 0 %. Обучающий тренинг считают полезным 53 % студентов, 35 % студентов считают полезность тренинга удовлетворительной и 12 % студентов отметили низкую полезность данного обучающего средства (см. рис. 2).

Рис. 2. Оценка студентами характеристик обучающего тренинга «Электронный каталог»

Таким образом, характеристики обучающего тренинга в большинстве своем получили высокие оценки студентов, однако имеет место низкая мотивация к его использованию, что говорит об отсутствии у данной категории пользователей необходимости обращаться к справочно-поисковому аппарату библиотек ввиду альтернативы в виде поисковых сервисов всемирной компьютерной сети Интернет.

По результатам использования обучающего тренинга студентам было предложено оценить степень, в которой, по их мнению, им удалось освоить поиск по электронному каталогу библиотеки, т.е. выполнить рефлексию своей деятельности. 59 % опрошенных отметили, что овладели поиском в высокой степени и 41 % – что удовлетворительно. Сравнивая полученные результаты с результатами самостоятельной работы студентов данной группы, можно сделать вывод, что оценка студентами приобретенных навыков несколько ниже показателей результатов самостоятельной работы (см. рис. 3). Это можно объяснить тем, что ввиду низкой заинтересованности студентов в поиске по электронному каталогу библиотеки, овладение данным видом деятельности у них не вызывает должного интереса.

Рис. 3. Результаты использования обучающего тренинга «Электронный каталог»

Студентам контрольной группы также было предложено выполнить рефлексию своей деятельности и оценить, в какой степени, по их мнению, им удалось освоить поиск по электронному каталогу библиотеки. 19 % опрошенных отметили, что им удалось самостоятельно освоить поиск, проблемы не возникли; 56 % отметили, что удалось освоить, проблемы возникли, но они с ними справились; 13 % – что освоить поиск им удалось, но было трудно и не все получилось и 12 % – что освоили плохо или не освоили вовсе. Можно сделать вывод, что 75 % студентов контрольной группы успешно справились с поставленной задачей, 13 % – справились частично и 12 % – поиск по электронному каталогу в самостоятельном режиме не освоили. Сравнивая полученные результаты с результатами выполненных заданий самостоятельной работы, можно сделать вывод, что оценка студентами своей деятельности оказалась завышенной: четверть студентов в данной группе переоценили качество приобретенных навыков, демонстрируя неспособность объективно оценить свою информационную деятельность и, как следствие, свои возможности в области работы с информацией (см. рис. 4).

Рис. 4. Результат самостоятельного овладения студентами поиском по электронному каталогу библиотеки

В анкету для студентов контрольной группы был включен дополнительный вопрос о необходимости объяснения преподавателя при первом обращении к электронному каталогу. 88 % студентов отметили, что такая необходимость есть, 6 % – что необходимости нет и 6 % воздержались от ответа. На основе полученных данных можно сделать вывод, что студентам трудно самостоятельно овладеть поиском по электронному каталогу библиотеки.

Функциональная модель процесса отработки у студентов навыков поиска в электронном каталоге библиотеки выглядит следующим образом (см. рис. 5):

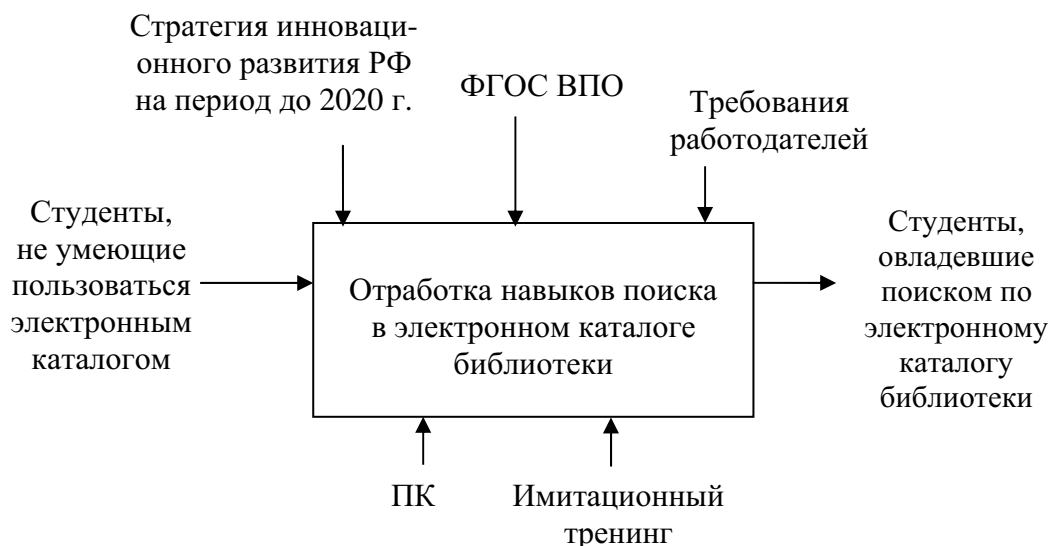

Рис. 5. Функциональная модель процесса отработки у студентов навыков поиска в электронном каталоге библиотеки

При построении данной модели мы учитывали, что процесс обучения студентов поиску в электронном каталоге библиотеки регламентируется:

1. стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. в части реализации «потенциала государственных и муниципальных библиотек, которые должны стать одним из важнейших институтов системы непрерывного образования», где основной задачей библиотек становится обеспечение гражданам доступа к источникам информации, включая российские и международные специализированные базы данных (см. прим. 5);

2. требованиями ФГОС ВПО к результатам обучения в части взаимодействия с информацией: выпускник бакалавриата должен владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения и переработки информации; выпускник магистратуры должен обладать способностью получать и обрабатывать информацию из различных источников с использованием современных информационных технологий;

3. требованиями работодателей к молодым специалистам: по результатам анкетирования, проведенного отделом менеджмента качества Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, молодой специалист должен обладать компьютерной грамотностью (считают крайне важным качеством 56,60 % опрошенных, достаточно важным – 39,62 %), способностью воспринимать и анализировать новую информацию (считают крайне важным качеством 54,72 % опрошенных, достаточно важным – 41,51 %).

На входе процесса отработки навыков поиска находятся студенты, которые не умеют выполнять информационный поиск по электронному каталогу библиотеки. Данный процесс даст наиболее высокий результат, если студентам будут предоставлены персональные компьютеры с обучающим имитационным тренингом, направленным на развитие навыков поиска в электронном каталоге библиотеки. Тогда на выходе процесса будут студенты, обладающие навыками поиска в электронном каталоге.

Обучающий тренинг может использоваться как для самостоятельной работы студентов и других заинтересованных лиц, так и для проведения практических занятий со студентами. В связи с тем, что данный тренинг обладает важным качеством – мобильностью, его можно использовать не только в помещении библиотеки, но и за ее пределами, а также в образовательном процессе или при подготовке к нему.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что использование обучающего тренинга «Электронный каталог» оказывает положительное влияние на формирование информационной компетентности пользователей (как студентов, аспирантов, так и преподавателей), и, как следствие, на развитие информационной культуры будущего специалиста. Данный тренинг будет полезен всем участникам образовательного процесса, заинтересованным в овладении поиском по электронному каталогу библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословская, О. Тренинг как обучающая технология // О. Богословская, В. Павлова // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2007. – № 5. – С. 8–11.
2. Гранина, Н. М. Развитие информационной культуры студентов вуза: информационные потребности и информационный поиск / Н. М. Гранина // *Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XIV Краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск 17-24 янв. 2012 г.: в 2 т.* – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – Т. 1. – 287 с.
3. Наливайко, Т. Е. К вопросу о коммуникативной компетентности преподавателя современного вуза / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // *Ученые записки КнАГТУ.* – 2012. – № 1–2. – С. 24–29.
4. Основы информационного поиска: методические рекомендации / сост. Н. М. Гаер, Н. М. Гранина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2012. – 44 с.
5. Ракитская, Л. М. Лекция-тренинг – эффективная форма обучения пользователей поиску документов в справочно-правовых системах (Опыт центра правовой информации РГБ) / Л. М. Ракитская // *Научные и технические библиотеки.* – 2012. – № 12. – С. 5–12.
6. Ситникова М. И. От знаниевой к компетентностно-ориентированной парадигме образования в условиях инновационного развития российских вузов / М. И. Ситникова // *Высшая школа: знания или умения? Инновационные подходы в образовании: сб. материалов лекций Всерос. молодежной конф.* – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 124 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толковый словарь иностранных слов. URL: <http://foreign.slovaronline.com> (дата обращения : 21.02.2013). – Заглавие с экрана.
2. Педагогический терминологический словарь. URL: http://pedagogical_dictionary.academic.ru (дата обращения : 21.02.13). – Заглавие с экрана.
3. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru> (дата обращения : 20.02.2013). – Заглавие с экрана.
4. Лаврентьев, В. Г. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева, Н. А. Неудахина. URL: <http://www2.asu.ru/cppkp/index.files/ucheb.files/innov/Part2/index.html> (дата обращения: 27.01.2013). – Заглавие с экрана.
5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Племенюк М. Г.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ:
ПОНИМАТЬ ИЛИ ЗАПОМИНАТЬ?

Племенюк М. Г.

M. G. Plemenjuk

**ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ
ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ: ПОНИМАТЬ ИЛИ ЗАПОМИНАТЬ?**

**CULTURAL STUDIES AS A GENERAL EDUCATION SUBJECT IN THE SYSTEM OF
HIGHER ENGINEERING EDUCATION: UNDERSTANDING OR MEMORIZATION?**

Племенюк Марина Георгиевна – кандидат педагогических наук, доцент, докторант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: marinaplemenjuk@mail.ru

Ms. Marina G. Plemeniuk - PhD in Pedagogics, Associate Professor, Doctoral Student at A.I. Herzen State Pedagogical University in St.Petersburg, Russia. E-mail: marinaplemenjuk@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению методики обучения культурологии, создающей условия для формирования осмысленного отношения человека к природной и социокультурной действительности. Цель работы – показать, как взаимосвязаны процессы смыслообразования, понимания и интерпретации при тезаурусном подходе к формированию содержания общеобразовательного модуля культурологии.

Summary. The paper considers methods for teaching cultural studies and forming a responsible attitude of students towards the nature and the social cultural reality. The purpose of the study is to show how processes of meaning-making, understanding and interpretation are interrelated within the framework of thesaurus approach to the task of building the content of general education aspects of cultural studies.

Ключевые слова: тезаурусный подход, тезаурус, культура понимания, интерпретация, смыслообразование, диалог.

Key words: thesaurus approach, thesaurus, culture of understanding, interpretation, meaning-making, dialogue.

УДК 008(7)

В современном обществе, когда создан мощный потенциал научного знания как средства воздействия на природный и социальный мир и когда одновременно поликультурный глобализирующийся мир характеризуется неоднородностью и противоречивостью социальных интересов и ценностных систем, возникает актуальная потребность в ценностно-опосредованном, осмысленном отношении человека к природной и социальной действительности, к самому себе. Какие условия для формирования и удовлетворения данной потребности создаются в образовательном процессе высшей технической школы?

Прежде всего, таким условием является складывающаяся сегодня в отечественном высшем образовании студентоцентрированная, уровневая, компетентностная модель подготовки, зафиксированная в федеральных государственных образовательных стандартах. Она предоставляет большие возможности для реализации тезаурусного подхода, определяющего общеобразовательный модуль науки о культуре. Тезаурусный подход учитывает многообразие как ценностей, так и ценностных ориентаций, но не останавливается на этой констатации, очевидной и без специальных исследований. Он выявляет механизм, который упорядочивает это многообразие и обеспечивает решение ориентационных задач. Таким образом, студенты, приобретающие высшее профессиональное техническое образование, получают возможность в соответствии с индивидуальным уровнем развития выстроить систему ориентиров для самоопределения, саморазвития, успешной социализации. Именно такой подход к изучению культурологии позволяет рассматривать её как основание для осмысления культу-

роориентированной жизни и профессиональной деятельности. Отсюда происходит актуальность предлагаемой нами аксиолого-герменевтической модели изучения культурологии, акцентирующей внимание на развитии навыков понимания (герменевтической компетенции). В связи с переходом на уровневую подготовку специалистов смещение акцента с «объекта культурологии» (культуры) на «субъекта культурологии» (человека) в аксиолого-герменевтической модели образовательного модуля культурологии отвечает общей тенденции обновления содержания и в какой то мере позволяет уйти от знаниево-ориентированной модели образования, сосредоточить внимание в точке пересечения интересов личности, общества и государства и на проблеме их взаимопонимания.

Подводя итоги десятилетиям изучения проблемы достижения взаимопонимания в диалоге, практикуемого совершенно разными, далекими и близкими, людьми и обществами в различных сферах профессиональной и повседневной жизни, В. З. Демьянков пришел к следующему выводу: «Культура понимания – это культура интерпретации, стремление к идеалу интерпретирования» [1, 109-116]. В этом утверждении В. З. Демьянков не прибегает к теории габитуса, предложенной П. Бурдьё [2], но тем не менее явным образом воздает должное идеям Бурдьё, приписывая первостепенную и решающую роль в процессе трансформации действительности на уровне индивидуального сознания не содержанию учебы, а социальной среде и способам, которыми подается материал. Идеал интерпретирования, по мнению В. З. Демьянкова, предопределен, во-первых, преимуществом национальных, этнических, социальных и тому подобных канонов интерпретации, передачей этих канонов от поколения к поколению, а во-вторых, воспитанием общества в духе идеалов интерпретирования, аналогично «правилам хорошего тона», «культуре речи». Поскольку культуры понимания неоднородны и в них прослеживаются две крайности, которые условно можно охарактеризовать как сверхтерпимость и сверхнетерпимость к чужому слову, постольку актуальным становится поиск методических приёмов обучения культурологии, направленных на развитие умений смыслообразования и навыков интерпретации. Обучение умениям интерпретации предполагает приобретение «привычки поиска контекста», привычки разграничивать поток событий, чтобы обнаружить повторяемость тех или иных значимых положений.

Невозможно предсказать, какие специальные знания могут понадобиться завтра, какие споры потребуют вмешательства посредников и какие мнения необходимо будет интерпретировать, поэтому потребность в образовании, обеспечивающем условия для становления человека, готового решать проблемы «завтрашнего дня» с позиций культуры, т.е. умеющего видеть культурный контекст событий, состоит не только в опоре на высокий уровень «технократичности», но и в умении удерживать ценностные приоритеты гуманистической культуры.

Данная цель отчетливо осознана и официально признана как актуальная, о чем свидетельствует акцентируемый в современных нормативных образовательных документах приоритет воспитания как деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей (Закон РФ «Об образовании», редакция 2007, 2008, 2009, 2012 гг.). На этом фиксируется внимание также и в основных задачах долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в частности, такой как «переход от системы массового образования, характерной для индустриальной экономики, к необходимому для создания инновационной социально ориентированной экономики непрерывному индивидуализированному образованию для всех, развитие образования, неразрывно связанного с мировой фундаментальной наукой, ориентированного на формирование творческой социально ответственной личности» (Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.). Вместе с тем в современном образовании сохраняется выраженная когнитивная ориентация под воздействием ряда факторов (постоянно возрастающая социальная роль науки, экспоненциально расширяющийся информационный поток, вовлекающий в содержание образования новое научно-теоретическое знание). В этой связи актуальными остаются слова А. Н. Леонтьева о возможности «обнищания души при обогащении информацией» как характерном смещении ценностей в образовании, транслирующем обезличенное знание. Особое значение в данном контексте приобретает проблема смыслообразования как необходимого содержания и качества современного образовательного процесса, обеспечивающего становление обучающегося как осмысленного субъекта культурно-исторического процесса.

Племенюк М. Г.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ:

ПОНИМАТЬ ИЛИ ЗАПОМИНАТЬ?

«Смыслообразование – это процесс творческого освоения субъектами образования созданных человеком в процессе общественного развития способов мировосприятия, мироотношения, культуротворческой деятельности» [3]. «Кристаллизация» смысла в форме значений как объективного содержания общечеловеческого опыта определяет его надличностный характер, возможность удержания в культуре и трансляции новым поколениям в процессе социализации. Смыслообразование, понимаемое как «раскристаллизация» смысла и творческий процесс смыслостроительства, т.е. порождение новых смыслов, реализуется через движение от «безличных» значений к воплощению смысла в форме субъективного опыта обучающихся, воспринимаемого ими как личностно-ценное знание, и далее – к реализации смыслов в культуротворческой среде. Осмысленность знания и сформированность личностной ценностно-смысловой позиции являются результатом внутренней активности обучающихся. Для организации условий смыслообразования необходимо учитывать особые свойства данного процесса и, прежде всего, его актуализацию в пространстве субъект-субъектного, т.е. диалогового, взаимодействия участников образовательного процесса. Для этого необходимы соответствующие предпосылки, реализуемые через образовательную среду, определяющую ценностно-смысловой контекст освоения культурного опыта личностью в образовательном процессе, через особые формы педагогического взаимодействия и соответствующее содержание учебных дисциплин гуманитарного цикла. В достаточной мере такие предпосылки могут быть созданы в процессе изучения культурологии в высшей технической школе.

Однако культурология как интегративная область знания вызывает определённые трудности у студентов, получающих техническую специальность. Сложность в её изучении состоит не в том, сколько подходов к определению культуры имеется: описательный (Д. К. Зеленин), нормативный (В. Н. Сагатовский), ценностный (Н. З. Чавчавадзе), диалогический (М. М. Бахтин), деятельностный (Э. С. Маркарян, М. С. Каган), герменевтический (Ю. М. Лотман), типологический (М. К. Мамардашвили) и т.д.; и не в том, какие существуют концепции и теории её происхождения и т.д., а в том, что как феномен, представленный в индивидуальных ощущениях субъектов, она безгранична. Выделение сущности культуры, переход от одной концепции культуры к другой, выявление особенностей становления культурных форм, развитие умений понимания их специфики (именно понимание, как отмечает В. М. Розин [4], а не запоминание – главная цель изучения культурологии) в рамках отведенного учебного времени и традиционного подхода к формированию содержания учебного предмета затруднительно. Затруднение создают, кроме ограниченности отведенного на изучение дисциплины времени, взаимосвязи между идеями, которыми надо овладеть. Сложный интеллектуальный материал требует «понимания», требует такого овладения, в результате которого он легко находил бы себе место в существующей системе знаний. Когда новый материал понят и поставлен на место, его уже нетрудно и запомнить, и извлечь из памяти [5].

Понимание буквального смысла события культуры не требует интерпретации. Буквальный смысл ограничен значением случившегося. Однако информация, получаемая в результате анализа текста культуры, неминуемо создает производный, «вытекающий» смысл. Культура, как «вторичная моделирующая система, представляет собой структуры, в основе которых лежит естественный язык. Однако в дальнейшем система получает дополнительную, вторичную структуру идеологического, этического, художественного или иного типа. Значения этой вторичной системы могут образовываться и по способам, присущим естественным языкам, и по способам других семиотических систем» [6, 47]. Как отмечает Ю. М. Лотман, значения, образующиеся путем внешней перекодировки, парной или множественной, представляют либо пару, либо пучок взаимозаменимых элементов разных систем. Обратим внимание на то, что культурные значения не замыкаются на мыслительных концептах, но обладают динамичной природой, связаны с действительностью и существуют во взаимодействии с нею. Данная способность человеческого понимания имеет отношение также и к особенности процесса познания как процесса, направленного к расширению полученного смысла за счет уточнения любого буквального значения, рассматриваемого в контексте его творческого переосмысления.

Сегодня существует общее согласие по поводу того, что понятие значения может относиться к отдельным словам, но вообще-то следует говорить лишь о значении определенных синтаксических целостностей: слова получают определенное значение в предложениях,

а те – в совокупном тексте. Сам текст же совокупное значение приобретает, пишет И. Т. Касавин [7, 144], в контексте и даже в истории своей контекстуальной интерпретации. На невербальном (событийном) уровне сформированность представлений о знаковой (текстовой) природе культуры играет важную роль в процессе взаимного понимания и сотрудничества носителей различных культур и субкультур. Контекстом современного образовательного процесса является не только жизненный опыт студента, но и огромный поток разнообразной и не только научной информации. Вступая во взаимодействие с фоновыми знаниями, он вызывает у студентов когнитивный диссонанс, затрудняющий формирование у них представления о культуре как о целостном явлении, и замедляет формирование культурологической компетентности. Особенно это касается студентов негуманитарных специальностей. Преодолению этого затруднения могут способствовать, во-первых, развитие умений и навыков интерпретирования, во-вторых, особая организация содержания учебной дисциплины.

Одним из возможных способов формирования содержания общеобразовательной дисциплины «Культурология» является построение изучаемого материала в соответствии с тезаурусным подходом (по принципу «своё-чужое»), предложенным Вал. и Вл. Луковыми. Авторы говорят о тезаурусе, наделяя это понятие следующим смыслом: «В науках о культуре и обществе оно маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но, кроме этого, предопределяющие самые различные отклонения от обыденности и оказывающие воздействие на весь комплекс социальных структур, социальных и культурных институтов и социально-культурных процессов» [8]. С теоретической точки зрения использование тезаурусного подхода как основания для организации содержания общеобразовательного модуля культурологии позволяет проследить, как соединены общество и личность, и показывает, как, не нарушая логики обобщений, перейти с личностного уровня на уровень общественный. С практической точки зрения важно учитывать, что количество знаний – величина относительная. Назначение понятия «тезаурус» выявляется тогда, когда необходимо отразить полноту некоторого знания (информации), существенной для субъекта по какому-либо основанию. Важнейшая задача тезауруса – подвергнуть разнообразную информацию систематизации, выстраивая иерархическую структуру, принципиально отличную от структуры научного знания, построенного по принципу «общее – частное». Заменяя «общее» на «своё» (осваивая, буквально делая «своим»), новое знание – реально «общее» – встраивается в виртуальное «своё», занимая в структуре тезауруса место «частного». Учитывая, что противопоставление «своего» и «чужого» является универсальным способом ценностной ориентации, расширяя границы «своего», мы тем самым усиливаем в интересах субъекта ориентационную функцию получаемой им информации. При таком подходе в механизме трансформации действительности на уровне сознания, в так называемой «идеальной» модели культуры, сформированной путем запоминания абстрактных научных понятий, требующих интерпретации, «перекодировки», учитывается индивидуальный уровень развития студентов, что и позволяет им более осознанно использовать знания о культуре для решения профессиональных и повседневных жизненных задач. Какие конкретные задания и методические приёмы, способствующие развитию у студентов умения понимать (создавать) смысл тех или иных культурных явлений, событий, процессов, могут быть сформированы в процессе изучения общеобразовательного курса культурологии?

Общеизвестно, что умения и навыки формируются путём упражнений (выполнения действий по образцу). Образец интерпретаций событий культуры можно найти в ряде учебников и научных публикаций. Например, «Как египетские жрецы пришли к идее пирамиды (египетская пирамида – культурный конфигурактор)» [9] или «Пример интерпретации культурного текста: семиотика “Медного всадника”» [10]. Анализ процесса типологической интерпретации представлен в пособии Л. Г. Ионина «Социология культуры» [11] на примере диалога главной героини романа М. А. Булгакова Маргариты с Азазелло. Однако эти примеры показывают умение профессионалов-гуманитариев, владеющих навыком интерпретации, осмысливать тот или другой факт культуры в горизонтах своего поля образованности, в то время как методы и приёмы обучения, имеющиеся в педагогической практике, целенаправленно работающие на развитие навыка интерпретации у студентов, в методической литературе по культурологии описываются значительно реже.

Племенюк М. Г.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ:

ПОНИМАТЬ ИЛИ ЗАПОМИНАТЬ?

Отражая современный уровень развития культурологической науки и обобщая зарубежный и отечественный опыт преподавания культурологии в качестве учебной дисциплины, в своем учебно-методическом пособии авторы А. И. Костяев и Н. Ю. Максимова [12] декларируют особое место обучению интерпретации основных понятий культурологии. Однако из всех возможных способов интерпретации авторы предлагают табличный или матричный, прописывая методику работы со схемами, таблицами и т.д., оставляя без внимания методику организации и проведения диалога. Методика организации диалога представлена в пособии в виде пожеланий: «Диалог должен быть интересен обоим его участникам. Изложение позиций сторон в диалоге должно быть сжатым, сконцентрированным» и т.п. В то же время, чтобы решать проблемы диалога теоретически или практически, по мнению В. З. Демьянкова, следует осознавать, что человек обладает свободой не только выполнять те или иные наблюдаемые со стороны поступки, но и свободой интерпретировать по-своему чужие поступки, в том числе, и речевые. Именно в диалоге мы стремимся понять другого человека, понять себя, понять только текст и т.п. – в зависимости от нашей техники понимания, от того, к чему мы подготовлены в большей степени своим предшествующим диалогическим опытом. Понимание же это одновременно и процесс («интерпретативная деятельность», как часто в последнее время характеризуют понимание, используя нейтральный термин «интерпретация»), и идеал, к которому мы стремимся. «Понимание» – оценочный термин, считает В. З. Демьянков. И как все, что связано с ценностями, а потому и с выбором из нескольких альтернатив, понимание обладает своей культурой.

В настоящее время методика преподавания культурологии в высшей школе представляет собой клубок парадоксов. Давно известные в дидактике, разнообразные, хорошо разработанные методы обучения всегда были верными спутниками преподавателя. И тем не менее в современной методической литературе по преподаванию культурологии авторы ограничиваются в большинстве случаев исследованием содержания обучения с точки зрения историчности подхода к изложению материала, оптимальностью объёма и т.д., в то время как организация процесса обучения остаётся вне зоны внимания методистов. Парадоксальным является тот факт, что при организации взаимодействия преподавателя и студентов, являющегося основным условием эффективности образовательного процесса в вузе, недостаточно внимания уделяется развитию умений студентов интерпретировать собственный субъективный опыт повседневной жизни в условиях современной культуры и использовать собственные фоновые знания в контексте изучаемого материала.

Отметим, что противоречие между задачами учебного процесса и наличным уровнем подготовленности и развития студентов, между научными понятиями и суждениями, предлагаемыми в содержании образования, и житейскими представлениями студентов, создающими индивидуальный контекст обучения, всегда было одной из главных движущих сил процесса обучения. Опора на индивидуальный жизненный и культурный опыт студента, раскрывающийся в диалоге, это прежде всего сильнейший стимул в обучении. Кроме того, использование диалога как основного метода изучения культурологии положительно сказывается на формировании умения самостоятельно интерпретировать события культуры, ведь именно культурология в данном случае выступает как способ установления индивидуальных ориентиров в огромном информационном потоке современной жизни. Диалог обладает способностью связывать все средства обучения в одно целенаправленное действие. Именно в нём приёмы сравнения, обобщения, анализа, синтеза, конкретизации, моделирования, интерпретации предполагают не только деятельность преподавателя, но и деятельность студентов.

Основным методическим приемом, определяющим эффективность действий преподавателя при организации интеллектуально-речевого взаимодействия (диалога) со студентами, является формулировка вопросов. Каждый тип вопросов играет важную роль в диалоге и имеет свои особенности. Умело поставленный вопрос позволяет получить дополнительную информацию, уточнить позицию говорящего, активизировать внимание, направить обсуждение в нужном направлении, способствует пониманию материала и собственной позиции в изучаемом вопросе. Так, *открытые вопросы* идеальны для начала диалога. Они приглашают человека отвечать в свободной форме и обычно начинаются со слов «что», «как», «где», «когда», «почему». Например: «Что такое технические науки, что они изучают и чем отличаются от других наук?», «Что вы думаете по поводу вопросов, поставленных Э. Фроммом в

его работе “Бегство от свободы”? Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – заветная цель, а для других – угроза?». Данные вопросы направлены также на выяснение новых свойств или качеств явлений и объектов. *Закрытые вопросы*, т.е. такие вопросы, которые требуют однозначного ответа, состоящего из одного слова (часто просто «да» или «нет»), обычно направлены на выяснение истинности или ложности высказываний, на проверку информации или ограничение возможностей выбора. Например: «Правильно ли я поняла, что человек, по мнению Э. Фромма, – это одновременно и волк, и овца?», «Верно ли, что концепт имеет три слоя: основной (тот, который имеет смысл для всех), дополнительный (тот, который имеет смысл для определенной социальной группы) и внутренний слой (тот, который показывает происхождение смысла)?», «Согласны ли вы с утверждением, что главное отличие культуры от природы в том, что она имеет искусственный характер?» Следует избегать большого количества закрытых вопросов. Они уменьшают степень участия отвечающего и напоминают допрос. *Наводящие вопросы* служат для того, чтобы подвести собеседника к ответу, который ожидает услышать их автор. Этому подходу часто избегают, считая его манипулятивным. Примеры наводящих вопросов: «Вы же понимаете, почему мы поступаем именно так, не правда ли?», «Этот курс мог бы быть полезным для вас, вы не находите?», «Разве вы не считаете, что семинар может помочь в выборе решения профессиональной проблемы?». *Вопросы с подтекстом*, как и наводящие вопросы, препятствуют свободному ответу того человека, которому адресованы, но они все же действуют более тонко. Такие вопросы снимают давление с респондента и переносят его на ответ, спрятанный в подтексте, например: «Вы согласитесь с мнением О. Шпенглера, “что цивилизация – последняя стадия культуры: однообразна, демократична, утилитарна, интернациональна, атеистична”?». *Возвратные вопросы* иногда могут быть похожими на наводящие, но они используются для того, чтобы показать понимание, продемонстрировать включенность в беседу, развить ответ или поощрить дальнейший разговор. Например: «Вы сказали, что цивилизация – уровень и характер достижений общества на данной ступени развития?» *Тренировочные вопросы* создают заинтересованность, направляют внимание группы и стимулируют ее активность, усиливают включенность в работу, поощряют мышление: даже когда задаваемый вопрос риторический и от группы не требуется реакции, ее участники все равно задумываются над возможным ответом. Иллюстрацией может служить вопрос: «Кто хотя бы изредка не испытывал ощущения, что Россия вышла из традиционной цивилизации, но не вошла в современную цивилизацию?».

Безусловно, дискурсивная практика, диалог как сложная организационная форма обучения требует от преподавателя серьезной подготовки, актуализации педагогических и психологических знаний, педагогического мастерства, владения коммуникативными умениями. Однако необходимо учитывать, что типичный выпускник вуза, скорее всего, будет менять профессиональную область деятельности несколько раз в течение жизни и, в частности, будет заниматься тем, что сейчас ещё не придумано. Поэтому произошедший во многих странах сдвиг парадигмы образования-просвещения к образованию-вовлечению, о котором у большинства из нас, к сожалению, только самое общее представление, требует расширения арсенала средств и технологий педагогической деятельности, активного использования методов интерактивного обучения, таких как коллективная мыследеятельность (КМД), диалог, дискуссия, групповая работа с авторскими пособиями, обсуждение специальных видеозаписей и т.д. Цель, которая декларируется на уровне бакалавриата, – научить универсальным для любого вида деятельности навыкам критического мышления, логики, способности постановки задач, умению выражения своих мыслей в устной и письменной форме, владению основными современными источниками получения и распространения информации и, главное, стремлению к пониманию. Если этому обучить, то есть уверенностью, что выпускник сможет и дальше легко возвращаться к обучению, когда сочтёт это нужным, или делать это самостоятельно. Самое главное – это освоение технологий получения знаний. На самом же деле получается так: мы учим тому, что знаем сами. Мы занимаемся тем, что передаём в готовом виде знания и умения, которые когда-то получили и накопили, и требуем воспроизводства усвоения их студентами. Это далеко не всегда совпадает с тем, что провозглашено в целях модернизации российского образования, в частности, с вопросом об «ориентации

Племенюк М. Г.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ:

ПОНИМАТЬ ИЛИ ЗАПОМИНАТЬ?

образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей», получении опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности, формировании современных ключевых компетенций в различных сферах жизнедеятельности. Среди важнейших из этих компетенций можно отметить следующие:

- действовать в рамках согласованных целей и задач;
- уметь согласовывать свои действия с действиями партнёра (учитывать мнение другого);
- научиться жить вместе: кооперироваться, идти на компромисс;
- уметь самостоятельно развиваться, если имеющиеся способности не соответствуют современным требованиям.

Подводя итог анализу взаимосвязи процессов смыслообразования, понимания и интерпретации на примере образовательного модуля культурологии, мы можем сделать следующие выводы.

Целью изучения культурологии в техническом вузе, в числе прочего, является формирование ценностно-опосредованного, осмысленного отношения человека к природной и социальной действительности, к самому себе. Эту цель позволяют достичь, во-первых, целенаправленное использование различных форм, методов, приёмов и технологий интерактивного обучения, во-вторых, изменение логики организации образовательного процесса – не от теории к практике, а от формирования нового опыта (опыта интерпретации) к его теоретическому осмыслению через применение полученных умений в диалоге, дискуссии и других учебных ситуациях, что создаст условия для формирования творческой социально ответственной личности, в-третьих, применение тезаурусного подхода в формировании содержания образовательного модуля культурологии, что способствует личной заинтересованности обучающихся, мотивирует их на приобретение знаний и навыков, необходимых для осуществления различных индивидуальных и коллективных культурных практик в повседневной и будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В. З. Загадки диалога и культуры понимания / В. З. Демьянков // Текст в коммуникации. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С. 109-116.
2. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Беякова, Е. Г. Смыслообразование в педагогическом взаимодействии: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01: защищена 27.11.2009 / Беякова Евгения Гелиевна. – Тюмень, 2009. – 438 с.
4. Розин, В. М. Как преподавать культурологию и по каким учебникам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=569/
5. Норманн, Д. Как мы обучаемся? Как запоминаем? Память и научение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ozrp-students.narod.ru/op_seminar/t3vo_norman.doc
6. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2005. – 704 с.
7. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М.: «Канон +» РООН «Реабилитация», 2008. – 544 с.
8. Луков, Вал. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вал. А. Луков. – М.: Изд-во Нац. Института бизнеса, 2008. – 784 с.
9. Розин, В. М. Культурология: учеб. для студентов вузов / В. М. Розин. – М.: ИНФРА-М; Форум, 2002. – 341 с.
10. Кармин, А. С. Основы культурологии. Морфология культуры: учеб. для вузов / А. С. Кармин. – СПб.: Лань, 1997. – 512 с.
11. Ионин, Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие / Л. Г. Ионин. – 2-е изд. – М.: Логос, 1998. – 280 с.
12. Костяев, А. И. Культурология: диалоги, схемы, таблицы, упражнения, тексты, комментарии, рекомендации, исследования: учеб. пособие / А. И. Костяев, Н. Ю. Максимова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 184 с.

Матухно Е. В.
E. V. Matukhno

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

EDUCATIONAL POTENTIALS OF PHYSICAL TRAINING LESSONS AT UNIVERSITY

Матухно Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-962-286-40-77. E-mail: lena-matuhno@mail.ru

Ms. Elena V. Matukhno – PhD in Education, Associate Professor, Department of Physical Training and Sports, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, 681013, city of Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenina Pr., phone: +7 962 2864077. E-mail: lena-matuhno@mail.ru).

Аннотация. В данной статье показана роль ценностного потенциала физической культуры в воспитании профессиональной успешности будущих инженеров с ослабленным здоровьем в вузе. Определены воспитательные возможности, которыми располагает непрофессиональное физкультурное образование.

Annotation. This paper demonstrates the axiological potential of physical training lessons for the task of achieving vocational success by undergraduate students of engineering who are medically fragile. The educational possibilities of non-vocational physical training at a college or university are outlined.

Ключевые слова: физкультурное образование, профессиональная успешность, будущие инженеры с ослабленным здоровьем.

Key words: physical training, vocational success, undergraduate engineering students, medically fragile students.

УДК 378.02:372.8;796.01

Демократизация и гуманизация общественной жизни, а также интеграция в международное образовательное пространство требуют от высшей школы эффективного преобразования сложившегося в России инженерного образования.

Только разработка нового подхода, направленного на воспитание профессиональной успешности будущих инженеров с ослабленным здоровьем, позволит усовершенствовать систему инженерного образования. Эта реализация видится нами в физкультурном образовании, позволяющем обеспечить профессиональной успешности требуемый уровень.

Именно физическая культура, на наш взгляд, может стать важнейшим способом воспитания профессиональной успешности будущих инженеров с ослабленным здоровьем в вузе, т.к. наряду с культурой в целом она призвана формировать всесторонне развитую личность будущего специалиста, главного субъекта исторического процесса.

Важная роль физического воспитания была признана в России в 1929 – 1930-х гг. с введением обязательных занятий по физическому воспитанию во всех вузах страны. Следующим повышением значимости физического воспитания можно считать создание самостоятельных кафедр физического воспитания в 1948 г.

Следует также указать на особую взаимосвязь физической культуры с профессиональной деятельностью [1].

Профессионально-прикладная физическая подготовка выполняет функции, характерные для общечеловеческой культуры в целом, и поэтому может внести свой вклад в формирование личности будущего инженера, способного адекватно действовать в многообразном профессиональном и социокультурном мире.

Физкультурное образование рассматривается нами как профессиональное и «непрофессиональное», характерное для технических вузов.

Как часть общей культуры человека непрофессиональное физкультурное образование используется для потребностей и активного отдыха населения [4]. И здесь необходимо определить, какими возможностями оно располагает.

Физкультурное непрофессиональное образование передает ценностное содержание физической культуры, формирует осознанное отношение будущего инженера к занятиям профессионально-прикладной и физкультурно-оздоровительной деятельностью и вообще к соответствующему стилю жизни. Оно формирует образ мыслей, дает знания в области общей и физической культуры, а также способность на их основе управлять процессом самовоспитания личности.

Следовательно, задачи непрофессионального физкультурного образования для будущих инженеров в вузе следующие:

1. Воспитывать у будущих инженеров потребность в жизненной важной ценности – в здоровье (физическом, психическом, социальном), ведении здорового образа жизни и создании здоровой среды обитания.

2. Воспитывать у будущих инженеров сознательность, высокие профессиональные, моральные, волевые и личностные качества, готовить их к успешному эффективному труду с учетом особенностей будущей трудовой деятельности.

3. Вооружать будущих инженеров знаниями о влиянии на их организм доступных физических упражнений.

4. Учить будущих инженеров использовать приобретенные знания.

5. Воспитывать необходимость выполнения доступной двигательной активности как одно из главных условий их успешной профессиональной деятельности.

Решением вышеприведенных задач является рассмотрение непрофессионального физкультурного образования будущих инженеров с позиций развития, воспитания, обучения, формирования мировоззрения и культуры личности.

Накопление знаний и навыков связано с обучением, а формирование потребностно-мотивационной сферы – с воспитанием.

Содержание ценностных ориентаций, чувств, развитие интересов и потребностей, убеждений должна включать образовательная деятельность непрофессионального физкультурного образования, т.к. данные компоненты не только относятся к духовной сфере будущих инженеров, но и определяют профессиональную, социальную деятельность, а следовательно, содействуют подготовке успешных высококвалифицированных специалистов.

Воспитательная направленность в непрофессиональном физкультурном образовании рассматривается нами как процесс перехода от физического обучения к саморазвитию через свободный выбор средств удовлетворения. Реальную помощь в данном случае окажут методы активного обучения и воспитания, позволяющие учитывать личностные особенности студентов [3, 38]. Следовательно, этот компонент состоит из взаимосвязи профессиональной деятельности и физической культуры.

Первая составляющая (профессиональная деятельность) направляет процесс воспитания на творческое усвоение способов профессионально-прикладной и функционально-оздоровительной деятельности, вторая – призвана создать у будущих инженеров целостное представление о физической культуре, об элементах личной и общественной культуры здоровья. Для эффективной реализации процесса воспитания в непрофессиональном физкультурном образовании необходимо создать педагогическую систему формирования у будущих инженеров потребностей в физической культуре с использованием профессионально-прикладных форм и здоровьесберегающих технологий, обеспечивающих осознанный здоровый образ и стиль их жизнедеятельности [3, 37].

Оздоровительный характер непрофессионального физкультурного образования будущего инженера позволяет не только оптимизировать состояние его организма, но и актуализировать его внутренние резервные возможности.

Только деятельность в сфере здоровьесбережения позволит расширить круг общения будущих инженеров, возможность решения в нестандартных ситуациях научных, педагогических, социальных и других задач [2, 44]. Это особенно значимо при переходе на многоуровневую систему образования, когда будущие инженеры будут ощущать на себе стремительный ритм жизни, что иногда плохо сказывается на их психических и физических качествах личности.

Поэтому одна из основных идей непрофессионального физкультурного воспитания в студенческие годы – сохранение профессионального здоровья.

Чтобы добиться успешности в профессиональной деятельности, будущим инженерам необходимо упорно работать над совершенствованием не только своих умений и навыков, но и знаний. Особую зависимость работоспособность показывает от эмоциональной устойчивости, позволяющей разрешить все трудности, возникающие перед специалистом, а также действовать в особо сложных условиях внешней среды.

Особый интерес непрофессионального физкультурного образования представляет духовный аспект, влияющий на нравственное созревание будущего инженера и характеризующий развитие эмоционально-чувственной, процессуальной сферы. Воспитание нравственности сопровождается когнитивным развитием, что подтверждается в работах Л. Кольберга, Ж. Пиаже.

Таким образом, непрофессиональное физкультурное образование будущих инженеров как вид образования, направленный на гармоничное развитие, профессионально-прикладную подготовку к выполнению социокультурных и профессиональных обязанностей в обществе, воспитание профессиональной успешности студентов, есть специально организованный и сознательно управляемый педагогический процесс.

Данный процесс позволяет получить общие и физкультурные знания о возможностях и функциях физической культуры, использовании средств физической культуры с целью сохранения и укрепления здоровья, воспитания профессиональной успешности, активного отдыха, увеличения двигательной активности, снижения утомления и поддержания работоспособности.

В настоящее время для подготовки успешного, жизнеспособного и социально активного молодого поколения особое значение имеет освоение будущими инженерами ценностей физической культуры. Именно поэтому необходимо искать и находить ответы на вопросы:

- Что представляет собой ценностный потенциал физической культуры?
- Какова его роль в воспитании профессиональной успешности студенческой молодежи?

С увеличением значимости физической культуры в воспитании студенчества актуальным становится исследование ее ценностей. В настоящее время общепризнанно, что физическая культура включает в себя материальные, интеллектуальные, эмоционально-психологические и духовные ценности.

Ценности физической культуры очень разнообразны начиная от материальных (разнообразные льготы со стороны общества и т.п.), физических, психических, духовных и заканчивая социальными [2]. Главнейшим элементом системы вышеуказанных ценностей образования является будущий инженер в его соматопсихическом и социокультурном единстве.

В работах многих авторов отражено изучение ценностей физической культуры и их роли в воспитании студентов (В. К. Бальсевич, В. В. Белорусова, В. М. Выдрин, Л. И. Лубышева, А. Ц. Пуни и др.).

При исследовании ценностного потенциала физической культуры в воспитании профессиональной успешности современного студенчества было выявлено два уровня: общественный и личный.

Матухно Е. В.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обобщая вышеизложенное, мы можем констатировать, что физическая культура несет особую важность и значимость в воспитании профессиональной успешности, т.к. способствует формированию важнейших общечеловеческих ценностей.

В связи с тем, что стратегической линией развития инженерного образования является переход на образовательную модель личностно ориентированной направленности [4], ее реализация потребует решения такой задачи, как воспитание профессиональной успешности, которая ранее в инженерных вузах не решалась, следовательно, не существовало необходимых средств и методов организационной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банько, Н. А. Профессиональная направленность в физическом воспитании студентов факультетов вузов: дис. ... канд. пед. наук / Банько Н. А. – Волгоград: ВГПУ, 2004. – 218 с.
2. Наливайко, Т. Е. Инновационный потенциал образовательного учреждения как условие социальной и коммуникативной компетентности обучающихся / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1). – С. 38-44.
3. Наливайко, Т. Е. Мониторинг качества воспитательной системы образовательного учреждения: основные направления и критериальный аппарат / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 33-40.
4. Приходько, В. В. Непрофессиональное физкультурное образование: учеб. пособие / В. В. Приходько. – М.: ГЦОЛИФК, 2011. – 85 с.

Бабкина Е. С.
E. S. Babkina

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

THE AXIOLOGICAL FOCUS OF CHILDREN'S PERIODICALS PUBLISHED BY RUSSIAN EXPAT COMMUNITIES IN THE COUNTRIES OF THE FAR EAST

Бабкина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; 8 -2412-224407; E-mail: gussinda@yandex.ru

Ms. Ekaterina S. Babkina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology, the Pacific National University, Russia, city of Khabarovsk, 680035, 136 Tikhookeanskaya Str., phone: +7 2412 224407. E-mail: gussinda@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению периодических изданий для детей представителей русского зарубежья Дальнего Востока в аксиологическом аспекте. Исследование предпринято на материале самого популярного в дальневосточном зарубежье детского журнала «Ласточка». В ходе изучения содержания публикаций издания была выявлена аксиологическая доминанта публикаций 1920-1930-х гг., а также изучены объективные и субъективные причины, повлекшие за собой трансформацию аксиологической составляющей журнала в 1940-х гг.

Summary. The paper presents the results of a study of the axiological aspects of periodical press for children published by Russian Diaspora communities in the Far East countries. The research is focused around the most popular magazine for children *Lastochka* (Rus.: “a swallow bird”). The axiological aspects of its issues published in 1920-1930s are studied. The external and internal factors which contributed to the transformation of the axiological component in this magazine later in the 1940s are also outlined in the paper.

Ключевые слова: аксиология, аксиологическая доминанта, журналистика, детская периодическая печать, русское зарубежье, Дальний Восток.

Key words: axiology, axiological focus, journalism, children's periodicals, Russian Diaspora, Far East.

УДК 070-054.72(571.6)

Изучение аксиологической доминанты детской периодической печати дальневосточного зарубежья предпринято на материале публикаций одного из самых популярных изданий русского Китая – иллюстрированном журнале для детей младшего возраста «Ласточка». Это издание выходило в свет раз в две недели в Харбине в издательстве «Заря» и было чрезвычайно популярно. Журнал можно было получить по подписке или же приобрести через сеть розничной продажи, что давало ему несомненное преимущество перед книгой. По сравнению с другими детскими журналами русского Харбина – «Василёчки», «Журнал детских развлечений», «Игрушка» – «Ласточка» стала изданием, беспрецедентным по своей доступности, частоте и продолжительности выпуска. Начав издаваться 15 октября 1926 г., журнал просуществовал до 1945 г. Таким образом, «Ласточка» на протяжении почти двух десятков лет разделяла тяготы русских беженцев в Восточной Азии и воспитала не одно поколение детей-эмигрантов не только в Китае, но и в Японии, Германии, Франции, Турции, США.

Столь продолжительная популярность «Ласточки» во многом была обусловлена самой концепцией журнала. Издатели русского Китая прекрасно понимали, что печатные изда-

ния, в том числе и журналы для детей, являются достаточно важным ресурсом социализации. Именно в детские годы формируются представления о мире, людях, морали и ценностях, которые в дальнейшем крайне тяжело поддаются переосмыслению и трансформации. Соответственно, многое зависит от того, на какую систему ценностей будет ориентирован ребенок. Именно качество аксиосферы СМИ, в которое погружен юный читатель, выступает в роли своеобразного ориентира в системе норм и ценностей. Поэтому редакторский коллектив самого популярного в эмиграции издания предъявлял высокие требования к его наполнению: детская литература должна была не только развлекать и просвещать, но и отражать все ценностные ориентиры миропонимания как целостной органической системы, охватывающей не только сферу материальной деятельности, но и многообразие человеческих отношений.

В современной отечественной и зарубежной науке категория «ценность» имеет множество интерпретаций и в каждом из ответвлений гуманитарного знания приобретает свою смысловую специфику. При этом в ряде дисциплин (социология, психология) понятие «ценность» оказывается неотделимым от понятия «ценностная ориентация». Термин «ценностная ориентация» относится к частному прочтению ценностей, которое сам субъект маркирует для себя в качестве ориентира, в то время как «ценности» представляют собой некие социокультурные константы, одобряемые большинством [7].

На формирование ценностной составляющей периодики русского Китая в различные конкретно-исторические отрезки времени оказывало влияние множество факторов, определяющих развитие общественной жизни изгнанников. Структурные и содержательные новообразования в детской периодике русского рассеяния были обусловлены сложными интеграционными процессами вхождения российских эмигрантов в культурную, социальную и политическую жизнь Северо-восточной Азии 1920-1940-х гг. Без преувеличения можно сказать, что само время вызвало к жизни это издание и оказало влияние на формирование ценностно-смыслового поля журнала.

«Ласточка» во многом продолжила традицию классической просветительско-воспитательной журналистики для детей, сосредоточившей внимание на воспитании душевных качеств и развитии интеллектуальных способностей ребёнка. Содержание и структура самого популярного в эмиграции издания формировалось под влиянием детской периодики России XIX – начала XX вв., таких журналов, как: «Новое детское чтение» (1776 –1847), «Детское чтение для сердца и разума» (1785 –1789), «Задушевное слово» (1876 – 1917), «Игрушечка» (1880 – 1912), «Родник» (1887 – 1917), «Юный читатель» (1899 – 1908), «Светлячок» (1902 –1920), «Тропинка» (1906 – 1912), «Маяк» (1909 – 1918), «Всходы» (1911 –1915) и др.

Издатели «Ласточки» понимали, что для детей дошкольного и младшего школьного возраста воспитание чувств не менее, а может быть, и более важно, нежели развитие ума. Проблема духовного развития подрастающего поколения дальневосточной эмиграции стояла в это время наиболее остро. Профессиональные принципы классической детской журналистики: сочетание художественного и научно-познавательного материала, ориентация на грамотную русскую речь и правильный разговорный стиль, нацеленность на гармоничное развитие ребёнка, стремление заинтересовать его, отсутствие нарочитой назидательности – легли в основу детской периодики русского Китая.

Первые годы жизни русских эмигрантов в Восточной Азии были необычайно трудными. Но особенно драматично в условиях изгнания складывалась судьба ребёнка. Благополучных детей в условиях эмиграции 1920-1930-х гг. было мало: счастливыми считались те, кто имел дом и семью, немногочисленные приюты не имели возможности принять всех беспризорников. Поэтому первостепенной потребностью изгнанников стала потребность в жилье, крыше над головой, а сама возможность обретения дома, создание домашнего очага, достаток в доме на долгие годы стали одной из доминант ценностной системы эмигрантов.

Неослабевавшая на протяжении почти четверти века проблема безденежья и безработицы в среде эмигрантов делала для многих мечту о собственном доме недостижимой. Подавляющее большинство беженцев фактически вели борьбу за существование. Возможность

получения заработка воспринималось как величайшая ценность, поэтому эмигранты старались всячески поддерживать друг друга. Так, крупные российские предприниматели (И.Я. Чурин, Ю.И. Бриннер, бр. Воронцовы) и владельцы менее солидных фирм (Б.И. Палей, Р.С. Райхель, И.И. Гайстер, Н.Г. Молчанов З.М. Бенцианов) [1, 380; 5, л. 21 об., 62 об., 73] по возможности предлагали своим соотечественникам, пожалуй, самый желаемый и наиболее рациональный вид помощи – рабочие места, позволявшие им работать и самостоятельно существовать. В 1920-1940 гг. для многих российских торгово-промышленных предприятий крупного, среднего и малого бизнеса негласной обязательной статьёй расходов явились добровольные пожертвования, причем, по эмигрантским меркам, немалые. «Сделав ребёнку хороший подарок, Вы сделаете и доброе дело, поддержав своим заказом нуждающуюся русскую семью» [5, л. 60], « /.../ абоненты этой библиотеки не только получают дешево книгу, но и дадут возможность бедным получить книгу бесплатно» [6, л. 21 об.], – рекламные объявления подобно содержанию из номера в номер публиковались в «Ласточке».

Свойственный русской периодике XIX – начала XX вв. демократизм, дух гуманизма, идеи патриотизма и гражданского долга нашли своё развитие в «Ласточке». «Ёлка бедным детям» [3, л. 1 об.], «Не забудем бедных деток!» [4, л. 146] – эти мотивы милосердия, помощи и сострадания, обращенные к детям и их родителям, проходят через всю творческую жизнь издания.

На протяжении практически всей творческой жизни «Ласточки» ценностно-смысловой доминантой, определяющей содержательное наполнение издания, оставалась любовь к России. В условиях вынужденного изгнания обращение к родной земле было чрезвычайно значимо. В многочисленных стихах и рассказах о родине ребенок не только усваивал известные, а для многих малышей и новые сведения о России, но и испытывал целую гамму чувств: восхищение перед ее красотой, удивление перед многообразием природных богатств, гордость за широту и необъятность русских просторов. Такая явственность и подробность описаний призвана была заменить юному читателю реальную Россию. Характерно, что в рассказах о покинутой родине авторы традиционно использовали прием незаметного перехода из мира реального в мир сказочно-условный. Такая форма повествования избиралась ими намеренно. Художественный вымысел позволял избегать острых, болезненных ситуаций и при этом создавать ясный, четкий, узнаваемый образ родины. Рассказы о России намеренно лишены острых политических и социальных мотивов: устраняя «темные» для наивного понимания моменты, взрослые останавливали свой взгляд на том, что близко и понятно малышу – природе. Описание России лишено полутонов – только глубокие яркие цвета, сильные чувства, положительные эмоции, которые влекут к себе ребенка, как все красочное, лишенное однообразия и бытовой серости.

Вместе с тем в своем творчестве эмигранты были максимально честны и откровенны в обращении к детям. Несмотря на то, что политическая и культурная ситуация в России 1920-1940-х гг. не нашла своего отражения на страницах журнала, в «Ласточку» деликатно, едва заметно, сквозь недомолвки и недосказанность чуть заметным пунктиром пробивалась трагедия настоящего. Таким способом детская литература и журналистика в эмиграции воспитывала и сохраняла в подрастающем поколении чувство родины, но ограждала малышей от чувства ненависти к виновникам их изгнания. Этот художественный прием позволял в простой форме объяснить преимущества и недостатки жизненной ситуации, побудившей покинуть Отечество, познакомить ребенка со сложными законами бытия.

Сознание малышей жадно впитывало идиллические картины «самой чудесной страны», и они обретали свое второе рождение уже в собственно детском творчестве. Так, менее чем через месяц после выхода рассказа «Самая чудесная страна на свете» в рубрике «Наши читатели – сами писатели» публикуется стихотворение «Русь» [2, л. 84]. Это наивное стихотворение, написанное ребенком, никогда не знавшим России, не бывавшим в ней, отражает типичное для целого поколения детей-эмигрантов идеализированное представление о Родине.

На страницах «Ласточки» многие малыши получали свои первые элементарные представления о традиционной русской культуре. Значительную помощь в этом призван был ока-

Бабкина Е. С.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

зять русский народный фольклор. Благодаря фольклору ребёнок легче входит в окружающий мир, полнее ощущает прелесть родной природы, усваивает представления народа о красоте, морали, знакомится с обычаями, обрядами – то есть вместе с эстетическим наслаждением впитывает и культурное наследие народа, без которого формирование полноценной личности просто невозможно.

Условия эмиграции предъявляли к издателям особые требования в изложении азов православия. В ежегодных рождественских и пасхальных выпусках «Ласточки» публиковались стихи, сказки, статьи, которые поддерживали у детей интерес к русским народным верованиям и обычаям, а для многих юных читателей – раскрывали их впервые. Так, в статьях «Почему устраивают ёлку?» (№ 1, 1932 г.) и «Почему празднуют Пасху?» (№ 9, 1932 г.) в доступной для ребёнка форме представлено переложение библейской легенды о рождении и воскрешении Христа. Чтобы облегчить восприятие русских реалий, авторы использовали иллюстративный материал, большое количество ярких примеров.

Интересно, что наполнение ценностно-смысловое поля эмигрантских СМИ не было статичным, а изменялось под влияние различных факторов, как объективных, так и субъективных.

Так, анализ содержания «Ласточки» 1920-1930-х гг. позволяет выявить аксиологические доминанты издания указанного периода:

- основной компонентой аксиологического наполнения можно считать пробуждение любви к России, поддержание уважения к традициям, истории Отечества, национальной культуре, языку и коммуникативным стереотипам [8];

- общая социализация, под которой подразумеваются установки на коллективность, общественно полезную деятельность, внимание к ближнему, сочувствие, милосердие, предпочтении традиционных моделей поведения;

- ориентированность на получение новых знаний, ценностные ориентации на внутреннюю работу над собой, на развитие культурного модуса личности ребенка (интерес к классическому и современному качественному искусству, литературе и т.п.); развитие мышления, работоспособности, дисциплинированности; к этому же комплексу относится и установка на авторитет учителей и педагогов;

- полоролевая компонента: создание позитивного образа традиционной модели семьи и отношений между полами, укрепление отношений между родителями и детьми, укрепление традиционных межпоколенческих связей, основанных на уважении к старшим.

Очевидно, что ценностная составляющая детской периодики дальневосточной эмиграции 1920-1930-х гг. вполне соответствуют традиционным представлениям о русском менталитете. Сейчас такого рода установки принято считать нормативными в традиционной русской системе воспитания.

Вместе с тем систему ценностей «Ласточки» нельзя в полной мере назвать классической. Характерное для русской культуры отсутствие пристального внимания к материальному успеху, культурная нелегитимность богатства не нашли своего отражения в среде русских эмигрантов Китая. Актуальная на протяжении всех лет изгнанничества проблема безденежья и безработицы акцентировала в аксиосфере русских эмигрантов материальную составляющую, повышенное внимание к деньгам и всему, что могло способствовать повышению благосостояния.

Доказательством тому являются рекламные объявления «Ласточки», которые не только являются своеобразным отражением предпринимательской деятельности русских за рубежом, но и создают представление о духовных и материальных ценностях самих изгнанников:

«Писчебумажный магазин “Логос” при музыкальном магазине “Кантилена”. Китайская 143. Всё для контор и учащихся».

«В меховом магазине Б.И. Палей Вы найдёте всё для детей. Большой выбор нижнего и верхнего платья, а также меховых вещей. Китайская 79. Телефон 21-27» [5, л. 21 об.].

Любопытно, что адресатами рекламных объявлений чаще всего становились дети:

«Мама с папой подарили
Ребятишкам два рубля...
Рады Вовочка и Лиля,
Напевают: “Та-ля-ля!..

Ни печенье, ни пастилки
Мы не станем покупать, –
Лучше в новенькой копилке
Будем деньги сохранять...”.

Та копилка – в виде книжки,
И закрыта на замок,
Чтоб проказливый мальчишка
Деньги вытащить не мог.

“Папа деньги в банке прячет –
Я и наши спрячу там...”.
И довольный Вова скачет:
“Банк “Трифткор” поможет нам!..

Незаметно наберётся
По копейке – сто рублей,
И решать тогда придётся,
Как потратить их умней.

Накупить вагон пирожных?..
Из конфет построить дом?..
Иль достать в зверинце можно
Клетку с маленьким слоном?..

Можно в Лондон прокатиться, –
Право, хватит на билет!
Можно целый год учиться,
Коль у папы денег нет! ”.

В банк “Трифткор” свои монетки
Все вы можете снести...
Надо вам скорее, детки,
Ту копилку завести!..

Дети, обязательно дайте вашим папе и маме прочесть объявление, напечатанное на второй странице обложки, и начинайте копить деньги. Когда у вас в “Трифткор банке” накопится 5 долларов, банк выдаст вам хорошенькую книжку в виде копилки» [1, л. 141].

Механизм вовлечения потребителя в рекламную ситуацию был хорошо освоен предпринимателями-эмигрантами. Ориентируясь на ребёнка как потенциального вкладчика, рекламодатели в своих публикациях использовали примеры и ситуации из реальной жизни детей. А грамотное использование речевых стереотипов оказывало дополнительный эффект и придавало публикациям еще большую эффективность [9].

Физиология детского восприятия такова, что впечатления о каком-либо объекте, полученные в детстве, являются самыми убедительными и не поддаются существенной трансформации в более зрелом возрасте. Предприниматели понимали, что любовь и доверительное отношение к своей продукции у потенциального потребителя необходимо формировать с самого раннего возраста. Поколение, с юных лет воспитанное в духе приверженности к определённому товару или услуге, сохранит свою привязанность на протяжении всей жизни. Необходимый элемент привлекательности вносил и тот факт, что описываемая в рекламном объявлении ситуация соответствовала детскому стремлению скорейшего взросления.

Не углубляясь в моральный аспект подобных объявлений, необходимо отметить их безусловно положительное качество: они являлись частью социализации ребёнка. Поскольку подавляющее большинство эмигрантов практически вели борьбу за существование, то проблема финансового характера была знакома всем русским семьям и не могла укрыться даже от малышей. Реклама в «Ласточке» с ранних лет готовила ребёнка к суровой правде жизни, учила ориентироваться во взрослом мире товарно-денежных отношений.

С уверенностью можно сказать, что само время корректировало структуру, содержание журнала и его аксиологическую составляющую. Так, некоторые ценностные доминанты, составлявшие ядро аксиосферы детской периодики русского Китая 1920-1930-х гг., в 1940-е гг. претерпевают существенные изменения.

Для «поздней» «Ласточки» конца 1930-х гг. – начала 1940-х гг. характерно заметное ослабление национального акцента: повествования о России, русском быте, народных обычаях сменяют стихи и рассказы о Маньчжурии, переводы китайских сказок. В «Ласточке» появляются публикации, в которых всё сильнее проявляется интерес русских изгнанников к их «второй родине»: «В горах Ляошана» (№ 5 от 1 марта 1939 г.), «Почему в Дайрене теплее, чем у нас?» (№ 3 от 11 февраля 1942 г.), «О маньчжурских богах и праздниках фонарей» (№ 6 от 15 марта 1942 г.), «Маньчжурский Новый год» (№ 5 от 1 марта 1942 г.), «Цеховые значки у китайцев» (№ 11 от 1 июня 1942 г.) и др. Сопки Маньчжурии, китайские праздники, драконы, добрые и злые духи – всё это ярко и образно пропитывает обновлённое содержание издания и явственно свидетельствует о вступлении русских эмигрантов в адаптивную фазу аккультурации и последующую за ней интеграцию.

Изменение аксиологической составляющей издания во многом было продиктовано и причинами субъективного характера. Если первые номера журнала редактировали А.Я. Буйлов, Е.С. Кауфман, М.С. Рокотов – выходцы из России, с самого рождения пребывавшие в атмосфере русской национальной культуры, покинувшие родину в зрелом возрасте, то последний редактор «Ласточки» – Е.А. Васильева – была привезена в Китай шестимесячным ребёнком. Подобно многим детям эмигрантов, бессменный автор, художник и, впоследствии, редактор журнала, знала Россию лишь заочно, по рассказам старшего поколения. Поэтому вполне естественно, что оторванность от национальной почвы вынуждала обращаться к единственно доступной реальности – Китаю, Маньчжурии.

Постепенное ослабевание связей с дореволюционной Россией, вращение в экономическую, общественную и культурную жизнь страны расселения со временем способствовали появлению нового читателя – читателя с билингвистическим мышлением. Вместе с тем, издание не утратило своей «русскости». Для издательского коллектива детского журнала очень важной виделась задача создания и поддержания главенствующей идеи, для которой в равной степени были значимы как ценностные ориентиры, продиктованные современностью, так и национальная классическая аксиологическая составляющая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин: Издание Гос. организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. – 477 с.
2. Ласточка: журнал / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря, 1933. – ГАХК, НСБ, инв. № 3029.
3. Ласточка: журнал / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря, 1932. – ГАХК, НСБ, инв. № 3029.
4. Ласточка: журнал / ред. Е.А. Васильева. – Харбин: Заря, 1942. – ГАХК, НСБ, инв. № 3030.
5. Ласточка: журнал / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: Заря, 1939. – ГАХК, НСБ, инв. № 3025.
6. Ласточка: журнал / ред. Е. С.Кауфман – Харбин: Заря, 1933. – ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
7. Стебловская, С. Б. Ценностно-смысловое поле современных журналов для подростков / С. Б. Стебловская // Ломоносов-2010. Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. Электронный сборник ISBN 5-7776-0080-8. Режим доступа: <http://www.old.mediascope.ru/node/588>.
8. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 70-73.
9. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011 – № 2. – С. 57-63.

Ю. В. Бобрикова
Bobrikova Y. V.

НАИМЕНОВАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

WORDS USED FOR DESCRIBING WOMEN'S APPEARANCE IN RUSSIAN FOLK DIALECTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Бобрикова Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); ул. Космическая 5-б, кв. 62; 89142055012. E-mail: viktori-ulus@mail.ru.

Ms. Yulia V. Bobrikova – Senior Lecturer, Department of Russian Language, the Far Eastern State University of Humanities, Russia, city of Khabarovsk, 5-b Kosmitcheskaya Str., ap. 62; phone: + 7 9142055012. E-mail: viktori-ulus@mail.ru

Аннотация. Описание языковых оценок свойств и качеств женщины, эмоциональных, морально-этических и эстетических представлений о ней в народной речи вызывает интерес в плане изучения специфики национального видения мира. Семантико-стилистический анализ лексем помогает составить целостный образ женщины в языковой народно-поэтической картине мира.

Summary. Description of the means of linguistic evaluation of a woman in the folk speech, such as emotional, moral, ethical and aesthetic characteristics and qualities, may be interesting from the point of view of studying a specific type of national worldview and mindset. The semantic and stylistic analysis of such lexemes helps synthesize a holistic image of a “woman” as manifested by the folk speech and poetry.

Ключевые слова: диалектная картина мира, наименования женщины, эмоционально-оценочная лексика.

Key words: folk speech, folk worldview, words for woman's appearance, affective evaluation vocabulary.

УДК 811.161.1.-087(571.61/62)

Данная статья выполнена в рамках описания идеографического поля «женщина» в русских говорах Приамурья.

В лингвистике конца XX – начала XXI в. проявляется большой интерес к диалектному слову. Это закономерно, поскольку в настоящее время русские говоры нивелируются под воздействием литературного языка. Еще в 1999 г. Л.Л. Касаткин писал: «Диалекты русского языка... незаметно изменяются, деградируют», записи диалектной речи «уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры» [4, 42]. В частности, можно отметить, что по итогам фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2003 гг. в села Амурской области преподавателей Дальневосточного государственного гуманитарного университета и Амурского государственного университета выяснилось, что с течением времени диалектные различия стираются. Речь потомков забайкальских казаков значительно отличается от речи первопоселенцев: на уровне фонетики и грамматики она приближена к разговорному литературному языку.

Зафиксированные в Словаре русских говоров Приамурья (далее – СРГП), в Словарной картотеке Новикова-Даурского, в Албазинском словаре и таким образом сохраненные амурские говоры – это памятники славянской народной культуры в ее дальневосточном варианте.

Диалектные пласты лексики наиболее полно отражают систему национальных представлений о мире, исконную народную ментальность, этническое самосознание [5, 26]. «По-

Бобрикова Ю. В.

НАИМЕНОВАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ:

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

терять диалектные слова – это значит потерять для нации, для истории нашего народа, истории его духовной и материальной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий» [6, 4].

На наш взгляд, особый интерес представляет вопрос о соотношении исследуемого отдельного говора (или группы говоров – в нашем случае русских говоров Приамурья) с другими русскими говорами. Проанализированный материал показал, что наименования женщины рассматриваемого идеографического поля находятся в тесных генетических связях с многочисленными русскими говорами, восходящими к разным периодам истории русского языка, начиная с эпохи восточнославянского единства. Так, например, наименование *дружі́на (жена)* объединяют русские говоры Приамурья с украинским языком (см. прим. 1).

Сопоставляя наименования женщины в русских говорах Приамурья с подобными наименованиями в других русских говорах, мы выяснили, что некоторые лексемы встречаются и в других русских говорах, но с семантическими различиями. Зачастую слово, имеющее одно значение в исследуемых говорах, в других русских говорах развивает полисемию и наоборот, многозначное слово в русских говорах Приамурья в другом говоре имеет только одно значение. Встречаются также и наименования, имеющие идентичные значения в нескольких русских говорах, например, *ба́бка (ба́бить – лечить) – целительница*. В этом значении данное слово представлено также и в орловском, курском, калужском, владимирском, архангельском, томском, брянском говорах [11, 21].

Цель данной работы – описать лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) «внешний вид» идеографического поля «женщина» в русских говорах Приамурья в сопоставлении с аналогичными наименованиями в других русских говорах.

В рассматриваемой ЛСГ было выявлено 17 лексических единиц, которые представляется возможным сопоставить с лексическими единицами в других русских говорах. Из 17 наименований женщины семь представлены в том же значении и в других русских говорах: *простоволо́ска, кутóфья, утумáлка (отымáлка), обихóдница, необихóдница, чистóтка, прищегóлье*.

Сравним: 1) в русских говорах Приамурья слово *простоволо́ска* (неодобр.) называет женщину с непокрытой головой (*Много будет девок-самокруток, и бабы-простоволо́ски будут. (Алб. Скв.) Амур. (Скв.)* [9, 365]; в Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ) слово имеет два значения: *простоволо́ска*, и, ж. 1. Женщина, девушка с непокрытой, непричесанной головой. (*Южносиб.*) Кака женщина без платка ходит, та *простоволо́ска. (Новосиб.)* 2. Незамужняя, вольного поведения женщина, потерявшая право убирать голову по девичьи. (*Даль.*) [20, 244];

2) в русских говорах Приамурья слово *кутóфья (кутóфья рыгóвна)* – неуклюже одетая, укутанная женщина (незлая кличка) [8, 98]; в других русских говорах слово (выражение) имеет похожее значение, но без пометы «незлая кличка»: *кутóфья (кутóфья рыгóвна)* – о неаккуратно одетой женщине. (*Енис., Красноярск., Влад., Тамб.* [14, 174];

3) слово *утумáлка (отымáлка)* в значении «неаккуратно одетая женщина» встречаем в СРНГ в одном из шести значений: «о женщине в грязной одежде, грязнуре». (*Курск., Ряз., Свердл., Читин.*) [18, 16].

4) слово *обихóдница* (ж.р., одобр.) – о женщине аккуратной, любящей наводить чистоту. *Котóра любит чистоту, чистоплóтка, обихóдница. Вот уж Тамара наша обихóдница, у её всё блестит.* [9, 284] В СРНГ *обихóдница* (ж.р.) – рачительная, расторопная и чистоплотная хозяйка. (*Том., Перм., Урал., Свердл., Башк., Вост-Казах, Краснояр., Омск*) // Опрятная женщина. (*Перм.*) [17, 69];

5) слово *необихóдница* (ж.р., неодобр.) – неряшливая женщина. *Необихóдница она, грязнула, всё по лавкам расставит немытое. Ну, Ленка, ты необихóдница у нас, никогда не возьмишь тряпку, не подотрешь пол.* [9, 277] В СРНГ *необихóдница* (ж.р.) 1. Неопрятная, неряшливая, нечистоплотная женщина. (Ср. Урал) 2. Плохая хозяйка, у которой нет чистоты и порядка. *Вот, вишь, какая я необихóдница, грязь у меня везде. (Ср. Урал).* [16, 98] Слово

является производным от существительного *необиход* – беспорядок, неряшливость. *Весь необиход у меня высмотрели.* [16, 98]; имеет следующие производные атрибутивы: *необиходный, необиходливый, необиходно, необиходко.* [16, 98];

б) слово *чистотка* (ж.р.) то же, что *обиходница*. *Котóра любит чистоту, чистоплòтка, обиходница. У него хозяйка чистотка: бра́во у неё в избе убрано, всё у нее блестит, сама жєница аккóратная* [9, 498]. В Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья данное наименование зафиксировано в том же значении: «чистоплотная, аккуратная девушка, женщина» [7, 517-518];

7) слово *прищєгòлье* (ср.р., ирон.) – о женщине, любящей носить украшения. *Прищєгòлье - форсít, значит, она украшения носит, бусы в четыре. О, это прищєгòлье-то!* [9, 361] В СРНГ *прищєгòлье* (м.р. и ж.р.) – щеголь, щеголиха. *Я не умею наряжаться-та. Я не прищєгòлье никакó.* (Арх.) [20, 71].

Семантические различия при внешнем совпадении имеют наименования *анчúтка, неря́шка, поня́ва* и *лахúдра*. В русских говорах Приамурья слово *анчúтка* (ж.р., неодобр.) имеет два значения: 1. Неряха, грязнуля. *Не баба, чиста анчúтка (Тында). Амур. (Тынд.).* 2. Шалун, непоседа (обычно так называют маленьких детей). *Стєнка анчúтка, а не ребенок* [9, 21]. В СРНГ у этого слова зафиксировано четыре значения: 1. Черт, дьявол, бес, антихрист. 2. Неряха, грязнуля (сущ. общего рода). *Вымазался как анчúтка. Да ты посмотри на себя, ты – анчúтка. Вышел как анчúтка.* (Курск., Орл., Калуж., Ряз., Оренб., Урал.) 3. Человек, представляющий себя бедным, несчастным. 4. Баловень, баловник [10, 262-263]. Общий компонент значения – неряха, грязнуля. Однако в русских говорах Приамурья *анчúтка* – наименование неряшливо выглядящей женщины, тогда как в других русских говорах это слово общего рода.

Аналогичная ситуация наблюдается и с наименованиями неряшливой женщины *неря́шка* и *поня́ва*. В СРГП *неря́шка* – существительное женского рода, дано с пометой «неодобр.» и имеет значение «неряха»: «грязнулю называли неря́шкой. *Неря́шка какá моя соседка, а мужиков водит*» [9, 278]. В СРНГ слово характеризует как мужчину, так и женщину: *неря́шка* (м.р. и ж.р.) о неаккуратном, неряшливом человеке. *У нашей неря́шки нет чистой рубашки* (Пск., Смол., Ряз.) [16, 148].

Наименование *поня́ва* в одном из восьми значений в СРНГ – существительное общего рода, бранное слово, называющее человека в неопрятной или большой не по росту одежде. *Ежели она сама себя в порядок привести не может, то говорят, така поня́ва ходит.* (Соликам., Перм., Арх.) [19, 280].

Слово *лахúдра / лакúдра* (ж., неодобр.) в русских говорах Приамурья имеет значение «неопрятная, непричесанная, с лохматыми волосами женщина». *Ты чё встала и лахúдрой ходишь, причешишь. За стол лахúдрой не садятся.* (Некр. Бел.). *Амур. (Бел. Благ.).* [8, 100; 9, 228] В СРНГ *лахúдра* – слово *общего рода*, оно имеет в других русских говорах следующие значения: 1. Оборванец, оборванка, нищий, нищая. (Волог.) 2. Болезненный, слабый, изможденный человек. (Ростов., Ярославль.) [14, 297]. Кроме того, данное наименование имеет в других русских говорах производные атрибутивы: *лахúдроватый, лахúдровый* – сильно потрепанный, изношенный, плохой; *лахúдрый* – тощий, грязный, растрепанный (о человека или животном) [14, 297]. Таким образом, семантическая связь между этими словами в русских говорах Приамурья и в других русских говорах отдаленная: человек, выглядящий потрепанно, болезненно.

Представляет особый интерес одно из наименований неряшливой, неопрятной женщины в русских говорах Приамурья *малáнга* (во 2-м значении): *малáнга – это грязнуля, малáнга она: нечєсана, и плáття грязно.* (Пуз. Окт.). *Хаб. (Окт.)* [9, 241]. В СРНГ зафиксировано слово *малáнка* – наряха, растрєпа, бестолковая женщина. *Уй, ты, малáнка, бестолковая малáнья.* (Урал.) [15, 318]. Это наименование является производным от слова *малáнья* (во 2-м значении) – неряха, растрєпа. *Вон малáнья-то опять оделась, смотреть смешно. Взял малáнью, вот и живи в гайне всю жизнь.* (Урал., Свердлов.) [15, 318].

Бобрикова Ю. В.

НАИМЕНОВАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ:

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Предполагаем, что *малáнга* в русских говорах Приамурья и *малáнка* в говорах Уральской области – это фонематические варианты одного слова, так как они имеют идентичное лексическое значение и отличаются только внешним оформлением: звуками, противопоставленными по глухости-звонкости.

Наименования женщины, встречающиеся только в русских говорах Приамурья, представляют особенную ценность, так как они уникальны. Такими являются следующие лексемы:

1) *дзюмбуру́шка* (во 2-м значении, перен.) – неряшливая женщина. *Вон идёт дзюмбуру́шка, вся грязная, сама вся замуслю́кана.* (Бус. Своб.). *Амур. (Своб.)* [9, 119];

2) *замурд́ышка* (ж.р.) – замарашка, грязнуля. *Совсем замурд́ышкой стала: не следит за собой.* (Каз. Хаб.; Окт.Хаб.). Данное наименование встречается только в словарной карте кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (см. прим. 2). В СРНГ встречается только глагол *замурд́ыкать* (аю., аешь, сов., перех.) – замучить, затаскать кого-либо. (Новг.) [13, 264];

3) *рент́иха* (ж.р., неодобр.) – безвкусно, неряшливо одетая женщина. *Без вкуса одетая щеница – это рент́иха, да. Оденешься как попало, знацишь всё, рент́иха.* (Дуб. Бир.). *Хаб. (Бир.)* [9, 381];

4) *шуману́ха* (ж.р.) – неряха, растрепа. *Сестра моя шуману́хой ходила. Мы раньше шуману́хами ходили в детстве.* (Алб. Скв.) [9, 515];

5) *бося́чка* (ж.р.) – босая девушка. *Увидишь, бывало, девку босиком и говоришь: "Вон девка-бося́чка идёт"* (Джл. Скв.). *Амур. (Скв.)* [9, 45]. В СРНГ зафиксирован только глагол *босяковáть* (кую, куешь) – бродяжничать. *Шуйск., Иван.* [12, 127].

Следует отметить, что все наименования женщины по внешнему виду являются оценочными; большинство из них оценивают женщину с точки зрения аккуратности, опрятности и, как правило, отмечают отклонения от общепринятой нормы: из 17 наименований 13 называют неряшливо выглядящую женщину. О том, что язык в первую очередь фиксирует отклонения от нормы в отрицательную сторону, а положительная оценка практически совпадает с понятием «норма», писали многие исследователи (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Е.М. Вольф и др. [1; 2; 3]). Вопрос о том, как соотносится положительная и отрицательная оценка в наименованиях женщины в русских говорах Приамурья, был рассмотрен нами в ряде других работ (см. прим. 3). Очевидно, что для носителей русских говоров Приамурья аккуратность во внешнем виде женщины являлась очень важным критерием ее положительной оценки, поскольку по закону синонимической аттракции, «по преобладанию синонимических рядов в рамках той или иной части речи можно судить об актуальности явления, об основных конструктах языковой картины мира» [21, 8].

По итогам сопоставления наименований женщины по ее внешнему виду в русских говорах Приамурья и в других русских народных говорах можно сделать следующие выводы: наименования *простоволóска*, *кутóфья*, *утумáлка* (*отымáлка*), *обихóдница*, *необихóдница*, *чистóтка*, *прищегóлье*, *малáнга* связывают русские говоры Приамурья с говорами Уральской области, а также с южносибирскими, красноярскими, владимирскими и тамбовскими говорами.

Наименования *анчу́тка*, *неря́шка*, *поня́ва* и *лаху́дра* относятся в русских говорах Приамурья к существительным женского рода, тогда как в других русских говорах – это существительные общего рода.

Наименования *дзюмбуру́шка* (во 2-м значении), *замурд́ышка*, *рент́иха*, *шуману́ха*, *бося́чка* являются уникальными, так как они зафиксированы только в русских говорах Приамурья.

Таким образом, рассмотренные в данной работе наименования женщины можно разделить на несколько групп в зависимости от наличия аналогов в других русских говорах:

1. Лексемы, представленные в том же значении в других русских говорах – 8 единиц (47 %).
2. Лексемы, совпадающие внешне, но имеющие семантические различия, – 4 единицы (24 %).

3. Лексемы, встречающиеся только в русских говорах Приамурья, – 5 единиц (29 %).

Представляется интересным и целесообразным дальнейшее исследование семантических связей амурских говоров с другими говорами России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
3. Вольф, Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е. М. Вольф // Логический анализ языка: Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 124-143.
4. Касаткин, Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л. Л. Касаткин. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 528 с.
5. Кирпикова, Л. В. О дефинициях и живом словоупотреблении / Л. В. Кирпикова // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
6. Мельниченко, Г. Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 260 с.
7. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. – Новосибирск: СО РАН, научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. – 540 с.
8. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подготовила к печати: Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И.А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 199 с.
9. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1 (А) / сост. Ф. П. Филин. – М. – Л.: Наука, 1965. – 304 с.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 2 (Ба-Блазниться). – М. – Л.: Наука, 1966. – 316 с.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 3 (Блазнишка-Бяшутка). – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 10 (Заглазки-Заросить). – Л.: Наука, 1984. – 390 с.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 16 (Куделя-Лесной). – Л.: Наука, 1980. – 377 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 17 (Леснокаменный-Масленичатъ). – Л.: Наука, 1981. – 384 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 21 (Негораздый-Обвива). – Л.: Наука, 1986. – 361 с.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 22 (Обвивень-Одалбливать). – Л.: Наука, 1987. – 369 с.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 25 (Отчурить-Первачок). – Л.: Наука, 1990. – 352 с.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 29 (Покорочеть-Попритчиться). – СПб.: Наука, 1995. – 347 с.
20. Словарь русских народных говоров. Вып. 32 (Присуха-Протишь). – СПб.: Наука, 1998. – 272 с.
21. Фришберг, И. Д. Когнитивный аспект синонимической аттракции глагольных номинаций (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Д. Фришберг. – Тюмень, 2006. – 21 с.
22. Элиасов, Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов / отв. ред. член-корр. АН СССР Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1980. – 370 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Украинский словник [Электронный ресурс]: онлайн-словарь АBBYY Lingvo.Pro. Режим доступа: <http://www.lingvo.ua/uk/Translate/uk-ru>.
2. Русские говоры Приамурья: материалы диалектологических экспедиций. Словарная картотека: зак-зап [Электронный ресурс]: Режим доступа: CD-RW № 18. Кабинет русского языка № 419, Дальневосточный государственный гуманитарный университет.
3. Бобрикова, Ю. В. Негативная оценочность в наименованиях женщины (на примере русских говоров Приамурья) / Ю. В. Бобрикова // Казанская наука. – 2010. – № 9 (Вып. 2) – С. 19-22; Бобрикова, Ю. В. Оценочные наименования женщины в русских говорах Приамурья / Ю. В. Бобрикова // Молодые учёные – Хабаровскому краю: материалы XIII краевого конкурса молодых учёных и аспирантов 14-25 января 2011 г., Хабаровск. В 2 т. – 2011. – Т.1 – С. 232-236.

Шушарина Г. А.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ МЕСТНЫХ СМИ

Шушарина Г. А.

G. A. Shusharina

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ МЕСТНЫХ СМИ

WAYS OF AND METHODS FOR SHAPING REGIONAL CULTURAL IDENTITY USING LOCAL MASS MEDIA CHANNELS' POTENTIALS

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: Galinalmk@yandex.ru

Ms. Galina A. Shusharina - PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 9 Lenina Pr., apt. 57. E-mail: Galinalmk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование и развитие региональной идентичности жителей г. Комсомольска-на-Амуре через стратегии и тактики речевого воздействия, используемых в медиа-текстах.

Summary. The paper tackles the problem of shaping regional identity by employing communicative strategies, tactics and linguistic persuasion means adopted in mass media.

Ключевые слова: идентичность, стратегии и тактики речевого воздействия, имидж.

Key words: identity, communicative strategies and tactics, image.

УДК 81(075)

Термин «идентичность» активно привлекает внимание ученых. Сегодня говорят о социальной, национальной, конфессиональной, психологической, гендерной и других идентичностях. Варианты идентичности сосуществуют, поскольку они определяют человека или группу людей с разных сторон. В какой-то момент один вариант доминирует, а другой подавляется в комплексе вариантов идентичности. Человек имеет столько «Я», сколько существует лиц и групп, мнение которых для него является важным: «Мы разделяем себя на множество всевозможных Я по отношению к различным нашим знакомым. Различные Я составляют завершенное Я и являются различными аспектами структуры завершенного Я. Структура такого я есть отражение завершенного социального процесса» [6].

Сосуществование вариантов возможно в связи с тем, что человек или группа людей постоянно идентифицирует мир в его различных проявлениях. «Столкнувшись с неизвестным и непонятым объектом, человек выясняет, что находится перед ним, и пытается распознать его через сравнения» [10, 8].

В данной статье предметом нашего интереса является проявление региональной идентичности жителя г. Комсомольска-на-Амуре.

Моделью российской цивилизации, по мнению М. Крылова, является локальная система «город – регион». Именно на этой основе формируется региональная идентичность, т.е. совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина».

При изучении региональной идентичности М. Крылов выделил изолированные ракурсы региональной идентичности. Среди них – транстрадиционный ракурс, ракурс традиционализма и надтрадиционный ракурс. В транстрадиционном ракурсе отмечается любовь к родному городу и краю. Ракурс традиционализма подразумевает субэтничность. «Субэтнич-

ность – согласие с утверждением, что нужно сделать все возможное, чтобы сохранить местные различия в говорах, особенностях питания, поведения и др. [4, 277]. Надтрадиционный ракурс включает в себя характеристики, не связанные с предшествующим развитием региона. Подобный ракурс свидетельствует об исчерпании значимости истории и географии края в обществе всеобщей мобильности. Тем не менее надтрадиционная культура продуцирует региональную идентичность, связанную, однако, не с любовью к родному краю, а с выбором проживания на этой территории в силу определенных, значимых для этого человека факторов.

Каждый выделенный М. Крыловым ракурс региональной идентичности характеризуется своим императивом. Императив транстрадиционного ракурса – «мы любим свою землю, потому что это – наша земля». Императив ракурса традиционализма – «мы лучше других. Потому что мы отличаемся от других, мы гордимся нашей землей, потому что мы – другие». Императив надтрадиционного ракурса – «мы лучше других, потому что мы успешные, передовые – поэтому я выбираю тот город, где я живу» [4, 278].

С целью изучения региональной идентичности проведем анализ текстов статей центральной газеты г. Комсомольска-на-Амуре «Дальневосточный Комсомольск». Это старейшая общественно-политическая газета г. Комсомольска-на-Амуре, основанная в год образования самого города. Учредителем является администрация города. Поэтому можно смело утверждать, что «Дальневосточный Комсомольск» является рупором местной администрации и освещает события в выгодном для градоначальников свете [11].

Поскольку считается, что идентичность является не данной, а скорее, приобретенной в процессе социализации категорией, то можно с полным правом говорить о возможности формирования той или иной идентичности. Одним из способов формирования региональной идентичности является использование речевых стратегий. По мнению О. С. Иссерс, стратегия – это «план комплексного речевого воздействия, который осуществляет говорящий для “обработки” партнера» [3, 102]. Речевые стратегии направлены на формирование или изменение модели мира адресата.

Обзор текстов статей указанной выше газеты показал, что местные журналисты активно используют стратегию создания положительного имиджа г. Комсомольска-на-Амуре, что должно способствовать формированию и развитию идентичности жителя города.

В данной статье под имиджем понимается тот образ, который представляет некую сущность, в данном случае г. Комсомольск-на-Амуре, в восприятии людей. «Имидж – это специально и даже нередко искусственно создаваемый образ, необходимый его носителю по тем или иным причинам и отвечающий стереотипным или прототипическим представлениям о том, кем или чем должен являться этот объект на деле» [5, 178]. Цели и мотивы создания положительного образа г. Комсомольска-на-Амуре легко читаемы. Дело в том, что в последнее время наблюдается сокращение численности населения города. Этому способствует, во-первых, превышение роста смертности над уровнем рождения и, во-вторых, активный отток населения в другие города России и другие страны. По данным администрации г. Комсомольска-на-Амуре на 01.01.2012 г. население города составляло 260 257 чел., тогда как на 01.01.2011 г. население составляло 263 336 чел., убыль населения 3079 чел. [1]. Поэтому создание региональной идентичности жителя г. Комсомольска-на-Амуре можно считать важной частью социального заказа государства на развитие и укрепление Дальнего Востока.

Реализации стратегии создания положительного имиджа г. Комсомольска-на-Амуре способствуют различные тактики. «Именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц» [3, 111]. Задача описания речевой стратегии состоит в том, чтобы представить номенклатуру типовых тактик, реализующих конкретную речевую стратегию.

В настоящей статье мы рассмотрим только несколько выявленных тактик, а именно тактику выражения заботы о жителях города, тактику сообщения об успехах жителей города, тактику выражения развития города, тактику выражения значимости города для России и края.

1. *Тактика выражения заботы о жителях города.* Анализ фактического материала показал, что администрация города заботится, прежде всего, о безопасности горожан.

Например, «в связи с приближающимися праздниками большое внимание уделяется безопасности горожан» [2]; «12 аншлагов с предупреждениями об опасности выхода на лед установлены <...>. Это сделано с целью профилактики безопасности людей на водных объектах» [2]. Маркером описываемой речевой тактики служит существительное *внимание*, которое содержит в своем значении следующие лексико-семантические варианты: 1. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на чем-л.; 2. Заботливое отношение к кому-чему-н. [8, 88]. Управляющие органы г. Комсомольска-на-Амуре внимательно следят за состоянием различных сфер жизнедеятельности города: «Ситуация с начислением январской платы за эксплуатацию внутридомового газового оборудования находится под пристальным вниманием администрации города» [2].

2. *Тактика сообщения об успехах жителей города.* Данная речевая тактика указывает на то, что и в провинции можно стать успешным, известным на краевом уровне: «Комсомольчанка Галина Резанович удостоена второго места в краевом конкурсе профессионального мастерства» [2]; региональном уровне: «Все три боксера из ДЮСШ-4 (спортивная школа города) завоевали призовые места на Дальневосточном турнире по боксу среди юношей» [2]; общероссийском уровне: «Педагог-психолог Ольга Васильевна Леонтьева принесла победу детскому саду № 45 на всероссийском конкурсе детских дошкольных учреждений» [2] и даже международном уровне: «Диплом лауреата третьей степени получил воспитанник музыкально-хоровой студии городского Дворца творчества детей и молодежи Дмитрий Тихонов на Международном фестивале-конкурсе детского и юношеского творчества “окно в Европу”. Около 10 000 молодых талантов из 14 стран мира принимали участие в этом конкурсе» [2]. Для придания особой значимости последнего упомянутого здесь события журналист сообщает о довольно внушительном количестве участников (10 000), представляющих различные страны.

Важно отметить, что каждый раз в сообщениях о победах комсомольчан упоминается имя и фамилия героя. Это делается не только для достоверности информации, изложенной в статье, но и для того, чтобы в этих людях мы узнали своих друзей, коллег, знакомых, соседей. В результате читатель осознает возможность достичь успеха, будучи рядовым жителем провинциального города.

Победителями различных конкурсов в городе являются не только отдельные жители, но и трудовые коллективы предприятий города: «Правительство Хабаровского края грамотами и дипломами отметило деятельность предприятий Комсомольска-на-Амуре. Комсомольчане награждены за добросовестный труд и большой личный вклад в развитие системы бытового обслуживания населения в крае» [2] и сам город: «Призовая премия в один миллион рублей, полученная Комсомольском-на-Амуре за победу в конкурсе на звание “Самый благоустроенный город Хабаровского края” будет потрачена на закупку и установку четырех детских площадок» [2].

3. *Тактика выражения развития города.* Развитие города – одна из основных тем материалов статей анализируемой газеты. По мнению администрации города и края постоянное развитие города сможет сохранить человеческий потенциал г. Комсомольска-на-Амуре: «Строительство корвета на Амурском судостроительном заводе решает множество <...> проблем Дальнего Востока, – сказал Вячеслав Шпорт, – он позволит увеличить количество рабочих мест в Комсомольске-на-Амуре, дать людям заработную плату, чтобы они могли вести в родном городе достойную жизнь и не уезжать с Дальнего Востока» [2].

Журналисты рассказывают об улучшении жизни в городе в разных сферах: промышленности, социальной сфере, культуре.

Сигнализировать о тактике выражения развития города могут лексемы «впервые», «новый» и их однокоренные слова: «Я впервые за долгие годы присутствую на закладке действительно нового корабля <...>. Сегодня здесь, в цехах Амурского судостроительного завода, заложен не просто корабль, а будущее Тихоокеанского флота» [2]; «Впервые за историю Комсомольска-на-Амуре в городе создана общественная организация, объединяющая жертв

политических репрессий» [2]; «Новая система освещения и экономные лампы уже прошли испытание в условиях Комсомольска-на-Амуре и в настоящее время планомерно внедряются на всех улицах нашего города» [2]; «Городская дума приняла решение о создании контрольно-счетной палаты города <...>. Принципиальное новшество палаты в том, что она будет действовать постоянно» [2].

Значение «развитие» представлено в употреблении степеней сравнения, использование которых указывает на изменение признака, например, «Город стал чище» [2].

Употребление антонимов свидетельствует об изменениях в жизни города в лучшую сторону: «Строительство и капитальный ремонт объектов социального назначения в Комсомольске-на-Амуре не только не снижает темпы, но и набирает их с каждым годом» [2].

Применение глаголов в настоящем времени говорит о том, что жизнь в городе не прекращается, но носит развивающийся характер: «В городе продолжается работа по расселению комсомольчан из ветхого жилья» – длительное время [2].

4. *Тактика выражения значимости города для края и России.* Данная тактика активизируется несколькими способами. Во-первых, тактика реализуется в сообщениях о приезде чиновников высокого уровня, например Председателя Правительства Российской Федерации, губернатора Хабаровского края, президентов крупных корпораций, работающих, в том числе и на мировом рынке. Данные сообщения публикуются на первой полосе газеты, что подчеркивает значимость данного события. В таких сообщениях обязательно приводятся прямые или косвенные цитаты важного гостя города. Например, «огромную роль в обеспечении загрузки нашего предприятия военными заказами сыграли Правительство Хабаровского края, Правительство России, Объединенная судостроительная корпорация и командование Тихоокеанского флота» [2]; «Сегодняшнее событие, – отметил Вячеслав Шпорт (губернатор Хабаровского края), – имеет колоссальное значение для Хабаровского края, для компании Роснефть, для России в целом» [2]; «сам факт проведения совещания премьер-министром Владимиром Путиным в Комсомольске-на-Амуре говорит о заинтересованности руководства страны в их долгосрочном развитии» [2]; «<...> разрабатывается федеральная программа развития оборонно-промышленного комплекса России. Об участии предприятий ОАО “КНААПО”, ОАО “АСЗ” (предприятия г. Комсомольска-на-Амуре) в этой программе и шла речь на совещании. Оба предприятия включены в эту программу» [2]; «не избалованный мировыми оперными голосами комсомольский зритель оценил подарок губернатора (речь идет о приезде известного итальянского певца Робертино Лоретти в г. Комсомольск-на-Амуре по приглашению губернатора края)» [2].

Во-вторых, значимость города эксплицируется в публикации различного рода приветственных адресов, поздравительных текстов администрации города и края. Например, «наш город со дня своего основания находится на переднем рубеже защиты Отечества. Комсомольчане немало сделали и делают для укрепления оборонного потенциала нашей Родины <...>» [2]; «Комсомольск-на-Амуре – крупнейший промышленный центр страны на Дальнем Востоке» [2]; «Авиастроители, как и другие трудовые коллективы мужественного Комсомольска-на-Амуре, всегда были и будут надежной опорой Российской армии» [2].

Анализ фактического материала показал, что в газете «Дальневосточный Комсомольск» наблюдается стремление к эффективному речевому воздействию, которое реализуется в использовании определенных речевых стратегий и тактик. Выделенная стратегия и номенклатура реализующих ее тактик призваны сформировать положительный имидж провинциального города. По мнению администрации, выражающей свое представление о городе через местные СМИ, г. Комсомольск-на-Амуре является постоянно развивающимся городом, значимым для края и всей страны; городом, где управляющие структуры проявляют неустанную заботу о жителях; городом, в котором есть условия для творческого и карьерного роста; городом, где живут успешные люди; городом с историей и перспективами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Администрация Комсомольска-на-Амуре. URL: <http://www.kmscity.ru/city/passport> (дата обращения: 20.03.2013).
2. Дальневосточный Комсомольск, 2011 – 2013 гг.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. Крылов, М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) / М. Крылов // Логос, 2005. – № 1(46). – С. 275-289.
5. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012.
6. Мид, Дж. Разум, я и общество [Электронный ресурс]. URL: <http://christosocio.info/content/view/949/1> (дата обращения: 15.03.2013).
7. Назукина, М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. В. Назукина. – Пермь, 2009.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
9. Рассоха, М. Н. К проблеме функций языка: функция идентификации / М. Н. Рассоха // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № I-2(9). – С. 40-47.
10. Софронова, Л. А. О проблемах идентичности / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2008. – С. 8-24.
11. Шушарина, Г. А. Особенности речевого портрета региональной прессы (на примере общественно-политической газеты Комсомольска-на-Амуре) / Г. А. Шушарина // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2011. – С. 515-518.

Маликова А. В.
A. V. Malikova

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ
КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**CAUSES AND CONDITIONS CULTURAL VALUES OLD BELIEVERS
Khabarovsk Territory**

Маликова Анна Викторовна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: malikova.av@mail.ru.

Malikova Anna Viktorovna – PhD candidate of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue. E-mail: malikova.av@mail.ru.

Аннотация. История формирования ценностей данной культуры охватывает широкий спектр проблем, связанных с историей раскола, причинами и условиями миграции старообрядцев на Дальний Восток, различными стратегиями их адаптации.

Summary. History of the formation of values of the culture covers a wide range of issues related to the history of the split, the causes and conditions of migration of Old Believers in the Far East, various strategies to adapt them.

Ключевые слова: ценности, старообрядцы, древлеправославие, религиозная традиция.

Keywords: values, Old Believers, drevlepravoslavie, religious tradition.

УДК 002.2:27

Современный этап российской и зарубежной наук о культуре отмечен заметной научной актуализацией аксиологических проблем. Это обусловлено тем, что культура как совокупный способ и продукт человеческой деятельности, а также специфическая сфера бытия детерминирована только ценностями. Ценность – субъективно понимаемый и эмоционально переживаемый идеал какого-либо явления, вписанный в определенную целостную аксиологическую картину мира человека и общества. И.И. Докучаев выделяет две формы культурно-онтологической среды ценностей: религию и идеологию. «Религия – это специфически ценностно-ориентационная деятельность. Она представляет собой стихию и сферу бытия ценностей, их природу и субстрат» [1, 86]. С религиозной формой сознания связана каноническая традиционная культура. В условиях Дальневосточного региона это, прежде всего, культура русских старообрядцев.

Культура старообрядцев Хабаровского края, не признающих священство, относится к числу переселенческих, возникших на территории региона во второй половине XIX в. – первой четверти XX в. вследствие ее трансляции из российских губерний, а также из-за рубежа. Она является примером длительного и устойчивого воспроизведения альтернативной общепринятой системы ценностей безотносительно к изменению политических и социокультурных реалий.

Как русское культурно-религиозное движение старообрядчество оформилось во второй половине XVII в. Именно на данном этапе были заложены предпосылки формирования основных конфессиональных ценностей старообрядцев. С точки зрения культурной динамики XVII в. – переходный период, обозначивший разрушение прежней системы ценностей. В России ситуация усугублялась изоляционизмом, поддерживаемым национальной идеей «Москва – Третий Рим», статичностью культурной жизни, доминированием традиционных форм над инновационными. Это провоцировало формирование оппозиционных тенденций,

Маликова А. В.

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

реакцию культурных инновационных движений, обращенных к западноевропейским образцам, и реакцию на них традиционных охранительных тенденций. Изменения в культуре XVII в. воспринимались сторонниками традиционного охранительного направления в культуре как «прозападнические», не православные, глубинно чуждые. Русская культура была обречена на раскол, что, кроме прочего, оформилось в виде раскола церкви. Во второй трети XVII в. в русской православной церкви произошло отделение от нее части верующих, старообрядцев, не признавших церковные реформы патриарха Никона. Основным видом культуры старообрядцев становятся результаты ценностно-ориентационной деятельности в форме «древлеправославия». Прошлое наделялось старообрядцами законодательным авторитетом. Последователь старой веры как бы «консервирует» в себе ценности русского средневекового, дореформенного типа человека – «человека праведного» – веру, святость, праведность. [4, 80].

Когда новая вера стала культурно-исторической реальностью, сторонники старой веры предприняли массовый исход с обжитых земель. В частности, начались многоэтапные переселения старообрядцев на Дальний Восток, где в их представлении была расположена исконно православная земля, выступавшая в качестве конфессиональной ценности. Переселение старообрядцев на территорию Хабаровского края было ориентировано на сотериологические ценности и связано с их представлением о важности выполняемой миссии – спасения и сохранения ценностей древлеправославия. Ценность древлеправославия, определенная единственно возможным условием подлинного бытия старообрядцев, ориентировала их в решении вопроса о смысле жизни, определяя его как спасение души в ситуации греховного падения мира. Сформировавшаяся доктринальная установка на спасение души выступила условием для ментального обоснования религиозной активности человека.

Преданность старой вере имела под собой онтологическое основание – веру в абсолютность сакрального начала. В культуре старообрядцев основополагающим было представление об иерархии ценностей в соотнесении с Богом, вследствие чего высшими духовными ценностями провозглашались конфессиональные ценности. Для старообрядцев мир – образ Божий, и ценность всякого сущего определялась той степенью, в какой она отражала Бога. В силу особого отношения к идее «национального благочестия» трансцендентные ценности стали ядром старообрядческой культуры Хабаровского края.

В исследуемой культуре отношение к внешнему окружению детерминировалось конфессиональным группоцентризмом. Противопоставление «свое-чужое» с самого начала для старообрядцев приняло экстремальное значение. Чувство совершенства собственного образа жизни у старообрядцев являлось залогом консерватизма, который проявлялся в нормах конфессионального поведения. Оппозиция «свое-чужое» становится основным способом организации социокультурного пространства, конфессиональной идентификации, сохранения традиций и конфессиональных ценностей.

Кроме того, низкая плотность населения при больших расстояниях между населенными пунктами, оторванными от основных центров и путей сообщения, в труднодоступной местности создавали естественные предпосылки для культурной автономии старообрядцев, что также способствовало укреплению определяющей для менталитета старообрядцев Хабаровского края категории «свое-чужое». К числу условий, способствующих сохранению конфессиональных ценностей исследуемой субкультуры, относятся: ограниченная социальная мобильность ее носителей; освобождение от выполнения рекрутской повинности, препятствовавшая территориальному «рассеиванию» молодого поколения, развитию процессов культурной ассимиляции; заключение браков внутри общины или близлежащими старообрядческими общинами одного толка.

В мировоззренческой и ценностно-смысловой системе старообрядцев Хабаровского края было акцентировано эсхатологическое переживание процесса десакрализации мира, обусловленное представлениями последователей старой веры о том, что большая часть русской земли по многим признакам подчинилась антихристу о чем, бесспорно, свидетельство-

вало укоренение никонианства. Эсхатологическое осмысление происходящего проявлялось в охране чистоты веры, обрядов и отторжении всего того, что связывалось с укреплением власти антихриста на земле нового поселения (нововведения, проявления любых отступлений от традиции и др.), а также с укоренением в среде старообрядцев апокалипсических пророчеств. Как подчеркивает Е.Е. Дутчак, эсхатологическая парадигма обеспечивала осмысление идущей извне информации и отбор из христианской традиции наиболее подходящих для конкретной ситуации поведенческих образцов. Наделение апокалиптики статусом хранителя идей, имеющих вневременной и вселенский смысл, давало старообрядчеству силы для противостояния власти [2, 306-307].

Ожидание конца времен и наступления царствия Христа предопределило готовность встретить апокалипсис во всеоружии истинной веры. Это обусловило мессианские настроения старообрядцев: выполнение особой функции, возложенной на них Богом – сохранения веры отцов. Мессианство в условиях конфессиональной изоляции активизировало идею богоизбранности русского народа в мифологеме «Москва – Третий Рим» – благочестивого Московского царства. Старообрядцы выступили защитниками русского национально-духовного идеала. Это способствовало формированию у старообрядцев такой ценности, как «русскость», т.е. эмоционально-религиозной напряженности этнического самосознания, что проявлялось в охране тех мест, которые они занимали.

Осознанная потребность в защите истинной веры вследствие этого превращалась у старообрядцев в проблему мировой истории. Этим объясняется сформировавшееся у старообрядцев чувство жертвенности, наличие в их конфессиональной ментальности свято-подвижнической идеи и осознание величайшего персонального долга каждого старообрядца как последнего в антихристовом мире носителя истинного православия, ответственного за спасение всего человечества. Осознание своей миссии быть последними хранителями древнего христианства явилось важной предпосылкой воспроизводства культурной традиции, формирования программы поведения и регулирования всех сфер жизни в культуре старообрядцев Хабаровского края. Функционально активным для старообрядцев становится императив защиты древлеправославия.

Природно-географические условия Дальнего Востока способствовали сохранению традиционных у старообрядцев видов хозяйственной деятельности (хлебопашество, пчеловодство, огородничество, разведение домашнего скота, заготовка сена, сбор дикоросов, охота, рыболовство, кедровый промысел).

Кроме того, следует отметить особое социальное положение старообрядцев в обществе. Как последователи старой веры они были ущемлены в социальных правах: официальная власть лишала их права на образование, государственную службу и т.д. Не рассчитывая на поддержку государственной и церковной власти, вставшей на сторону никониан, старообрядцы развили высокую хозяйственную активность, самостоятельность и особое трудолюбие. Кроме того, и история Хабаровского края с самого начала предполагала независимость духа и предприимчивость как необходимые условия выживания на новой территории. Труд оценивался старообрядцами как важное средство спасения души.

Переселившись на Дальний Восток, старообрядцы организовывали свою жизнь таким образом, чтобы сохранить религиозную по природе традицию, поскольку основным признаком старообрядческой культуры являлся традиционализм. Религиозная традиция являлась доминирующей формой и способом трансляции социокультурного опыта в религиозно-духовной, обрядовой и повседневной практике.

Религиозная традиция старообрядцев, не признающих священство (радикальное старообрядческое направление), обусловила преобладание консервативных ценностных ориентиров. После никоновской реформы любые нововведения, отступления от традиции ассоциировались у старообрядцев-беспоповцев с осквернением чистоты веры, что обусловило формирование в исследуемой культуре такой ключевой ценности, как чистота, которая коррели-

Маликова А. В.

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

рвала с сакральной жизнью, пространством, временем, духовным и физическим состоянием человека, употребляемым словом, бытовыми реалиями.

В силу исторически сложившихся обстоятельств (прекращение института священства) старообрядцы-беспоповцы вынуждены были обратиться к самостоятельному чтению религиозных текстов, которые являлись хранителями знаний о спасении души. Именно кириллической Книге, следовательно, было дано право формирования конфессиональных ценностей в культуре старообрядцев, не признающих священство. При этом как подчеркивает Е.Е. Дутчак, старообрядцы стремились к наращиванию книжных собраний, поскольку это давало им информационный ресурс, необходимый для решения прогностических задач, а также установления необходимой в регулировании повседневности связи между доктринальным и обыденным [2, 309-310].

Неизбежным условием совместного выживания старообрядцев на новой территории было главенство воли большинства. Субъектом утверждения ценностей культуры старообрядцев Хабаровского края становится конфессиональная община. Общинный тип сформировал менталитет старообрядцев, при котором доминантой становится приоритет ценностей коллективистской культуры.

В исследуемой культуре взаимодействовали две компоненты – стабильность и подвижность. Как подчеркивает И.В. Поздеева, «провозгласив принципом своего не только мировоззрения, но и мироощущения традиционализм, все направления староверия обрекли себя на постоянные компромиссы с изменяющейся исторической действительностью» [3, 9].

Таким образом, из представленного анализа можно сделать следующий вывод: старообрядчество, следуя ценностям эпохи русского Средневековья, попадает в иной социальный контекст. В результате столкновения с новой системой ценностей утрачивается прочность Средневековья, обостряется противоречие между темпами развития древней и новой культур. Необходимым условием сохранения базовых ценностей культуры старообрядцев Хабаровского края становится взаимодействие тенденций сохранения и тенденций развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
2. Дутчак, Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / под ред. В. В. Керова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с.
3. Поздеева, И. В. Русское старообрядчество конца XX в. / И. В. Поздеева // Алтарь России. – Большой Камень, 1997.
4. Чебанюк, Т. А. Парадигма «человека просвещенного» в русской культуре конца XVII – первой четверти XIX века: моногр. / Т. А. Чебанюк. – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск: Дальневосточная государственная научная библиотека, 2007. – 382 с.

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

ШАР БЫТИЯ ПАРМЕНИДА И КРУГ ИСТОЛКОВАНИЯ Г.Г. ГАДАМЕРА

PARMENIDES' "SPHERE OF BEING" AND GADAMER'S "CIRCLE OF INTERPRETATION"

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье сопоставляются две философские модели с разной метафорической геометрией. Показано, что основная динамика философской мысли от античности до XX в. связана с изменением онтологического дискурса на гносеологический при сохранении его общей парадоксальности.

Summary. The paper makes a comparison of the two philosophical models having different metaphorical geometry. It is demonstrated that the main dynamics of philosophical thought from antiquity up to the XX century has been linked to a gradual shift from the ontological discourse to gnoseological one while retaining its largely paradoxical nature.

Ключевые слова: Парменид, Г.-Г. Гадамер, бытие, познание, герменевтика.

Key words: Parmenides, H.-G. Gadamer, being, cognition, hermeneutics.

УДК 303.01

Тождество бытия и мышления Парменида: Парадоксы единого и другого

Гносеологическая бинарность: познающий – познаваемое – необходимое условие не только познания, но и бытия. Что касается познания, то наш тезис разворачивается в очень простое доказательство, не раз приводившееся многими авторами¹. В самом деле, если признать, что между познающим и познаваемым установлено тождество, то никакого познания происходить не будет, ибо познающему нечего будет познавать, да и сам познающий не определится в своем качестве.

Даже собственное "Я" познающего окажется за пределами досягаемости познания, так как его нельзя будет с чем-либо сопоставить и отличить. Если же нельзя познать себя или что бы то ни было другое, то нельзя познавать и вообще. Наша посылка о сопоставлении и отличии чего-либо как условия познания приобретает еще большую значимость для доказательства тезиса о бытии. Бытие мы отличаем от Сущего в смысле акта и его агентов. Бытие есть актуализация одного сущего для другого. Бытие есть акт Сущего, точнее двух Сущих, находящихся друг с другом в отношении Бытия. Гносеологическое отличие или различенность переформулируется в онтологическую расчлененность, понимаемую в смысле Бытия Сущих. Акт гносеологического различения Сущих есть уже акт удостоверения в бытийственном расчленении мира. Здесь конечно же ничего еще пока не говорится о достоверно-

¹ См. Лосев А.Ф. "Диалектика мифа": "Если знающий не отличает предмета своего знания от себя самого, он, очевидно, вообще не имеет определенного противостоящего себе предмета. Стало быть, знаемое отлично от знающего." Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 498.

сти и истинности этого расчленения, то есть о расчленении как атрибуте Сущего, речь идет о расчлененности как условии Бытия, одним из видов которого и является гносеологический акт, продуцируемый в условиях гносеологической бинарности.

Таким образом, гносеологическая бинарность – исходное условие всякого философского осмысления сущего и его бытия. Собственно даже в этом выводе, безотносительно к посылкам, уже ощущается хайдеггеровский ответ на вопрос: *ti to on?* (что есть сущее?). Из всех сущих есть, по крайней мере, одно, способное задать этот вопрос. И наш исходный тезис приобретает самообоснование в самой возможности его постановки. Однако то, что под знаком напоминания о самодостовверном разворачивается философский дискурс со времен знаменитого тезиса Р. Декарта и по наши дни, указывает на некую парадоксальность тезиса, предложения разрешения которой и будут нами рассмотрены в настоящей работе. Парадоксальность эта определяется следующим образом. В самом деле, если бы было лишь одно сущее, оно с необходимостью определялось бы как "ничто" и было бы лишено бытия. Отсюда: если сущее есть, то есть хотя бы два сущих. С одной стороны, всякая расчлененность чего-либо (даже если результаты расчленения находятся в необходимом отношении друг к другу), а тем более взятая как условие познания, ведет к непроницаемости одного отчлененного для другого и, следовательно, к онтологическому дуализму и гносеологическому агностицизму. Условие возможности бытия и познания оборачивается необходимостью их невозможности. С другой стороны, со времен греческих философских интуиций известно, что другим условием бытия и познания является некое отношение между членами гносеологической бинарности:

Ибо Землю мы видим Землею, Водю – Воду,
Эфиром – дивный Эфир, а Огнем – Огонь истребляющий,
Нежностью – Нежность, а Ненависть – злой Ненавистью.

(Эмпедокл)²

В отношении чего-либо к чему-либо должны присутствовать не только полюса отношения, но и само отношение, что, в свою очередь, приводит к тождеству полюсов. Таким образом, мы приходим к некоему, непроясненному пока, сосуществованию противоположных атрибутов познания и бытия – расчлененности и соотнесенности.

Непраздность необходимости прояснения описанного парадокса подтверждается собственно всей историей философии, в которой с логической последовательностью разворачивается это прояснение. Быть может, этот парадокс является сущностным основанием всякого философского вопрошания? Наш историографический разбор этого прояснения сосредоточен вокруг вышеозначенных рубрик Г. Гадамера и Парменида. Выбор этих имен не случаен: философия единого Бытия Парменида и кругового истолкования Г. Гадамера (причем предварительно следует отметить, что структура герменевтического круга не есть просто филологическая или семиотическая модель для работы с текстами или другими знаковыми системами. Эти аспекты герменевтики Г. Гадамера эксплицируют более сущностные философские модели, а именно – модель деятельности сознания как деятельности определения. Фактически речь идет не о круге истолкования, а о круге сознания, соотносящегося с самим собой) – предельные полюса одного из возможных решений описанного парадокса. Гносеологическая бинарность в данном случае снимается и присутствует лишь отрицательно. Это происходит по разным схемам, но тождество полюсов итоговой модели Бытия и Сознания характерно для всех схем такого рода. Если у Парменида тождество полюсов бинарности формулируется как тождество бытия и мышления, посылкой которого является снятие полюса познающего (причем этот познающий не выступает в качестве субъекта у Парменида как до снятия бинарности, так и после его), то у Г. Гадамера это тождество возникает после снятия полюса познаваемого (или объекта). Понятно, что мы имеем в обоих случаях виды не абсолютного, а расчлененного тождества, члены которого находятся в диалектическом отно-

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 386.

шении друг с другом. Тождество сознания и его предметов постулировалось еще Г. Гегелем, но это тождество не было продумано как круг и как метод, то есть до своей полной смысловой исчерпанности. XX век в лице Г. Гадамера и М. Хайдеггера предлагает нам такое завершение (= вырождение?) гегелевской диалектики в онтологический круг, который в свою очередь переформулируется в гностико-методологическую модель истолкования мира, теряя свой предметно-онтологический статус.

Другое решение парадокса, последовательно постулировавшее расчлененность Бытия и Познания, в своем предельном развертывании приводит, как мы уже указывали, к онтологическому дуализму и гносеологическому агностицизму. Таков путь всей новоевропейской метафизики от Р. Декарта до И. Канта включительно. XX век ничего сущностно нового не придал итоговым кантианским формулам, неокантианство лишь разрабатывало их и применяло в условиях экспансии рационально-позитивистского знания во все сферы культуры, корректируя степень достоверности и возможности его результатов. Однако детальный разбор этого решения не входит в нашу задачу, так как именно здесь видим мы определенные перспективы общего решения проблемы, которое невозможно дать в условиях ограниченного объема этой работы.

Обозначив общие подходы к интересующей нас проблеме, перейдем теперь к более детальному историографическому их описанию с целью исчерпывающего выявления всех возможностей ее разрешения. В нашу задачу не входит, конечно, дать само это разрешение или описать все, относящееся к его возможности, но мы хотели бы поставить и заострить проблему, пока лишь путем ее сущностного описания. Для выхода на непосредственный анализ текстов Г. Гадамера и Парменида, которые, при всей их сущностной корреспонденции, различают внутри нее два рефлекса одного полюса решения гносеологического парадокса, нужно припомнить одно очень важное, на наш взгляд, как в общеисториографическом аспекте, так и применительно к разбираемому вопросу, замечание М. Хайдеггера о различии тезисов Р. Декарта и Протагора: *ego cogito ergo sum* и *panton chrematon metron estin anthropos*. Существует устойчивая традиция определять тезис Протагора как перспекцию тезиса Р. Декарта, приписывая раннегреческой философской традиции открытие (или только выход) всей новоевропейской проблематики "субъективности" как достоверности представления. Не входя в детальный разбор аргументов сторонников этой точки зрения, приведем сейчас итоговое размышление на эту тему М. Хайдеггера, который в своей книге "Европейский нигилизм" положил различие тезисов Р. Декарта и Протагора в основу продумывания концепции завершения метафизики у Ф. Ницше и для которого ряд: Протагор – Р. Декарт – Ф. Ницше явился своеобразным разворачиванием от одной историко-типологической вехи к другой внутри единой логики истории метафизики и, скажем больше, метафизики истории. "Для Протагора человек в бытии своей самости определен принадлежностью к тому или иному кругу непотаенного. Для Декарта человек как самость определяется вбиранием мира в представление человека", – писал М. Хайдеггер³.

Ключевыми в этой фразе словами являются: "вбирание" для характеристики человека Р. Декарта и "принадлежность" для характеристики человека Протагора. Словами этими выстраивается М. Хайдеггером оппозиция, существенная для нашего рассмотрения гносеологического парадокса, а точнее – одного из двух путей его снятия: пути диалектического тождества полюсов гносеологической бинарности. "Вбирание" в данном случае можно понять как снятие полюса познаваемого (или объекта), а "принадлежность" – как снятие полюса познающего (или субъекта)⁴. Установление такого рода оппозиции получит свое разъяснение в дальнейшем, а здесь необходимо лишь добавить, что в отличие от М. Хайдеггера и Г. Гегеля, это различие раннегреческой и новоевропейской установок делается нами не с целью вы-

³ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 133.

⁴ Причем Г. Гегель и Ф. Ницше, по М. Хайдеггеру, – лишь предельные и завершающие точки ряда, открываемого Р. Декартом.

строить какую-то логику движения истории метафизики, в смысле последовательного ряда смен тех или иных концепций, но, скорее наоборот, – с целью показать отсутствие такого ряда, которое на исторической горизонтали чревато бесконечными повторами и рефлексами в сущности небольшого числа принципиально различающихся позиций. Эти позиции, на наш взгляд, всегда равноприсущи философскому вопрошанию. Всякое присутствие и актуализация в каком-либо дискурсе одной из них предполагают потенциальное присутствие остальных, более того: присутствие в этом случае, как и всегда, определяется и невозможно без отсутствия (как сказал бы Ж. Деррида). Поэтому, на наш взгляд, если и можно выстраивать здесь ряды и иерархии, то такого рода конструкции со всеми своими претензиями на объясняющий метаязык исторического движения займут свое место в этом движении, характеризуя лишь те или иные культурные или личные симпатии.

Для анализа первой возможности разрешения гносеологического парадокса в тождестве полюсов гносеологической бинарности на пути снятия полюса "познающего" возьмем стихотворный перевод текста Парменида "О природе", опубликованный в приложении к фрагментам Парменида в издании А.В. Лебедева "Фрагменты ранних греческих философов", часть 1. Наш анализ не претендует ни на филологическую, ни на историко-философскую точность. Он будет в основном касаться лишь ответа, который мы вычитаем у Парменида на вопрос, который мы же ему поставим. Наше небольшое методологическое введение – единственное в сущности "легитимное" руководство для оценки правильного соблюдения тех приемов, которыми мы будем пользоваться при разборе данного текста. Первый тезис Парменида гласит: Бытие есть. Небытия нет. ""Есть" и "не быть никак невозможно""; "бытие ведь есть, а ничто не есть"⁵. Доказательства этого тезиса следующие:

1) "то, чего нет, нельзя ни познать (не удастся), ни изъяснить...", – то есть по определению: есть - значит: "есть"; нет – значит "нет";

2) А. "можно лишь то говорить и мыслить, что есть", – то есть в мысли только бытие;

2) В. "мыслить – то же, что быть...", – то есть бытие и мысль – одно⁶.

Общий вывод к доказательствам 1, 2 А и 2 В – небытие нельзя помыслить.

Второй тезис Парменида, выводящийся из первого, гласит: Бытие есть. "Было" и "будет" у бытия нет. "И не "было" оно, и не "будет", раз ныне все сразу "есть", одно, сплошное", – то есть, если есть только "бытие есть", то нет "бытие было" и "бытие будет" как атрибутов небытия⁷. Выводы из этого тезиса следующие:

1) Бытие вечноприсуще: "нерожденным должно оно быть и негибнущим также, целым", "правда его не пустила рождаться, ослабив оковы, иль погибать, но держит крепко", ""было" – значит не есть, не есть, если "некогда будет"";

2) Бытие однородно: "и неделимо оно, коль всецело подобно", "все наполнено сущим", "все непрерывно тем самым: сомкнулось сущее с сущим", "отовсюду равно себе, однородно в границах";

3) Бытие недвижно: "в границах внешних оков оно неподвижно, безначально и непрекратимо", "нельзя бытию незаконченным быть", "судьба его приковала быть целокупным, недвижимым";

4) Бытие завершено (конечно): "поскольку есть крайний предел, оно завершено отовсюду, подобное глыбе прекруглого шара"⁸.

Общий вывод: Бытие – единственно и едино.

Такие же выводы делаются Парменидом и относительно мысли. "То же самое – мысль и то, о чем мысль возникает, ибо без бытия, о котором ее изрекают, мысли тебе не найти"⁹. В

⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 295, 296.

⁶ Цит. соч. С. 296.

⁷ Цит. соч. С. 296.

⁸ Цит. соч. С. 296, 297.

⁹ Цит. соч. С. 297.

"Пути Мнения" Парменид говорит, что множественность Бытия и его противоположности немислимы, так как неизбежно их бесконечное смешение и появление в постоянно присутствующем едином Бытии. "Смесь какова всякий раз многоблудных членов, такая людям и мысль приходит на ум", "так родились эти вещи согласно мненью и ныне суть, а потом, коль скоро однажды возникли, – погибнут. Люди же каждой из них нарекли приметное имя."¹⁰ Мнения людей суть заблуждения перед лицом истины единого бытия. Такова аргументация Парменида: нетрудно сделать вывод, что речь идет об абсолютном полагании единого. Со времен диалога Платона "Парменид" все рассуждения на тему абсолютного единого приводят к однозначному выводу: если есть только единое, то "нельзя ни назвать его, ни высказаться о нем, ни составить себе о нем мнения, ни познать его, и ничто из существующего не может чувственно воспринять его"; "и потому единое никаким образом не существует"¹¹. Если бы дело обстояло так просто, мы не имели бы оснований прочесть у Парменида одно из возможных разрешений гносеологического парадокса, но только констатировали бы опыт отрицательного философского движения. Первым, кто заметил у Парменида хотя бы перспекцию относительного полагания единого, был, кажется, Г. Гегель. Он в своих "Лекциях по истории философии" определяет суть философии Парменида не в его выводе о едином, но в тезисе "мыслить – то же, что быть...", понимая это положение так, что бытие "как мысль, которая есть", порождается мышлением. "С Парменидом началось собственно философствование... Это начало, конечно, еще смутно и неопределенно."¹² Эта мысль может и должна быть понята, не как постоянное желание Г. Гегеля видеть в каждом факте и в каждой фигуре истории философии вехи движения по пути к его собственной фигуре и концепции, но как указание на действительную разгадку парменидова единого бытия.

В поэме Парменида бытие получает все свои характеристики, относясь к мышлению. Общее доказательство тезиса Парменида о едином формулируется так: небытие нельзя помыслить. Эта исходная связь бытия и мышления сначала констатируется: "то, чего нет нельзя ни познать (не удастся), ни изъяснить..."¹³. А затем снимается: "Ибо мыслить – то же, что быть..."¹⁴ Но в снятом виде присутствует "смутно и неопределенно". Бытие определяется как единственное, но в связи с небытием: ""Не есть" и "не быть должно неизбежно""¹⁵. Ограниченная неограниченность имплицитно неограниченность, способную к деятельности определения себя через себя как иное. Утверждение Парменида относится к бытию в целом, а не к сущим отдельным вещам, "вещи родились согласно мненью"¹⁶. Вещи, сказали бы мы, опосредованы мнением, а бытие – субстанционально. В своей абсолютной субстанциональности оно таково, что о нем, как говорит Г. Гегель о первом феномене духа, можно только сказать: "это есть". Определение "это есть" в гегелевском дискурсе связано с чувственной непосредственностью, то есть это такая констатация абсолютного, которая порождается не логическими оппозициями и вообще не относится к деятельности сознания. "Это есть" Г. Гегеля есть не в связи с "не есть", но как чувственная достоверность¹⁷. Для Парменида же удостоверенность в "есть" бытия лежит в утверждении об удостоверенном самой мыслью абсолютном: поэтому его утверждение "бытие есть" тождественно с утверждением Г. Гегеля об относительности абсолютного полагания, но, поскольку констатация Парменида есть достоверность все-таки мысли (а не чувства и его живой возможности) и достоверность его – достоверность причастности бытию, утверждение "бытие есть" становится

¹⁰ Цит. соч. С. 298.

¹¹ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1993. С. 368, 369.

¹² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. М., 1932. С. 223.

¹³ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 296.

¹⁴ Цит. соч. С. 296.

¹⁵ Цит. соч. С. 295.

¹⁶ Цит. соч. С. 298.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1992. С. 3 – 9.

первым и последним в такого рода философском разговоре. Разговор уже можно начать (чего нельзя было бы сделать при абсолютном полагании единого), но, сняв полюс познающего, он тут же заканчивается.

В этом "мышлении" Парменида мы находим характернейшую черту досократической философии в целом: определять мышление как особую деятельность восприятия мира, сходную с чувством¹⁸. Мысль принадлежит бытию, захватывается бытием, и, следовательно, в этом смысле нет ничего кроме бытия (а в бытии ничего, кроме "есть"). Здесь не мысль не находит ничего в бытии, кроме себя, но мысль в себе не находит ничего, кроме бытия. Бытие в мысли соотносится с собой и поэтому "порождается мышлением" (Г. Гегель), а точнее – определяется им. "Человек (греческого мира – И. Д.) еще не столь возвратился в себя, как в наши времена. Он был, конечно, субъектом, но не полагал себя в качестве такового"¹⁹. От себя, согласуясь с М. Хайдеггером, поправимся, что человек греческого мира действительно не был субъектом, ибо он удостоверился в бытии не через достоверность себя как субъекта "вбирания мира в представление", но через "принадлежность к тому или иному кругу непотаенного" в бытии. Однако человек греческого мира все же находился на пути "возвращения в себя", и поэтому самую единственность бытия все же доказывал через присутствие ее в мысли. Бытие Парменида не есть возможность Аристотеля или чувственная достоверность Г. Гегеля, но оно и не есть абсолютное ничто, ограниченная неограниченность, не обладающая деятельностью определения. Как единое, бытие Парменида не определяется через свое иное (про него можно сказать в этом качестве только то, что оно "есть"), но как мысль определяется по законам разума в выводах Парменида о едином, отнесенных нами ко второму тезису. Чувственная достоверность Г. Гегеля разворачивается в его разумную действительность и диалектику абсолютного и относительного, единое бытие Парменида предстает перед нами "подобное глыбе прекруглого Шара", так как оно изначально было актуальным, действительным, ставшим бытием, лишенным возможности определения и полагания в своей ограниченной неограниченности.

Полюс "познающего" снимается Парменидом, и его разрешение гносеологического парадокса формулируется в метафоре застывшего шара, непродуктивно объявляющей причиной многообразия мира "заплутавший ум" людей, порождающих недостоверное знание.²⁰

Сделаем теперь выводы о позиции Парменида:

1. Сознание у Парменида знает свое тождество со своим предметом в форме бытия (а не сознания).

2. Мысль (как и констатация чувственной достоверности) о непосредственном и абсолютном бытии возможна только одна: "Бытие есть" (а не "единое не существует" – как при абсолютном полагании единого).

3. Единое Парменида есть действительность ставшей мысли, "принадлежащей" данному кругу непотаенного (а не возможность многообразия действительности деятельности сознания, определяющегося чувственной достоверностью "вбирания" мира в представление).

¹⁸ Для Парменида становится возможным даже ввести оппозицию к "есть": "'не есть" и "не быть должно неизбежно"', и делать рассудочные выводы из констатации абсолютного. – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 295.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. М., 1932. С. 50.

²⁰ Кстати, косвенным обоснованием множественности вещей в мире служит бесконечно делящееся пространство Зенона, ученика Парменида, которое также свидетельствует о захваченности бытием мысли и разворачивании бытия по законам логических оппозиций разума, опосредующего бытие в своем конструировании вещей.

Герменевтика Г. Гадамера: бытие как понимание Другого

Для анализа позиции Г. Гадамера, являющейся, на наш взгляд, примером разрешения гносеологического парадокса на пути диалектического тождества (снятия полюса познаваемого) гносеологической бинарности, возьмем несколько статей из сборника "Актуальность прекрасного", и, в первую очередь, работу "О круге понимания", которая, по словам самого Г. Гадамера, является "итогами тех соображений, которые изложены в книге "Истина и метод" – основной книге философа, и дает возможность на небольшом объеме текста проанализировать сущностные взгляды Г. Гадамера, что было бы невозможно сделать с текстом "Истины и метода" в рамках жанра нашего сочинения"²¹. Наша интерпретация не претендует на сколько-нибудь полное изложение позиции Г. Гадамера, нам хотелось бы лишь выявить те связи герменевтики с гносеологическим парадоксом, которые сама герменевтика предполагает как основание собственных итогов; основание, которое "провоцирует" философию стать герменевтикой, осуществив тем самым закономерную необходимость такого ответа.

О философских истоках герменевтики Г. Гадамер размышляет в двух небольших работах "Философия и герменевтика" и "Философские основания XX века". XX век, по Г. Гадамеру, – опыт понимания культурой самой себя в своей исторической относительности. Эта относительность и диктует герменевтическую проблему: "универсальность герменевтической проблемы, которую уже имел в виду как цель Шлейермахер, относится к совокупности всего разумного, то есть относится ко всему тому, чем можно договариваться"²². Язык приобретает здесь значение культурной связи, деятельности понимания непроницаемых друг для друга эпох, знаковых миров и регионов истории человеческого сознания. Причем "непроницаемость" изначально осмысливается как неизбежный и продуктивный фактор понимания. Непроницаемость порождает неустранимость интерпретации. Ничто не может быть понято как нечто абсолютно внешнее, но акт понимания есть всегда отношение к иному как к своему, есть всегда порождение нового, даже внутри собственной традиции. "Нам непрерывно передается *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир, он передается нам как постоянно открытая бесконечности задача. Никогда он, этот мир, не бывает первозданным миром первого дня. Повсюду, где мир испытывается нами, где происходит преодоление чуждости, где совершается усвоение, усмотрение, постижение, где устраняется незнание и незнакомство, повсюду совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание."²³

В этом рассуждении мы без труда узнаем знаменитый тезис Г. Гегеля: "сознание и предмет суть две взаимосвязанные стороны одного целого и всякий отрыв чистого сознания от чистой субъективности есть не что иное, как догматизм мысли"²⁴. Мы намеренно приводим этот тезис в транскрипции Г. Гадамера, ибо это показывает, насколько хорошо осознавались немецкой герменевтикой собственные истоки. Однако, по мнению Г. Гадамера, критика субъективного духа в XX веке (и прежде всего благодаря гениальным интуициям Ф. Ницше) обнаружила наивность немецкого идеализма в трех отношениях, а именно: как "во-первых, наивность полагания, во-вторых, наивность рефлексии и, в третьих, наивность понятия."²⁵ "Наивность полагания" раскрывается как разрушение понятий чистого восприятия и соответствующего ему чистого высказывания. Чистое высказывание выявляет свою абстрактность при рассмотрении процессов организации чувственных реакций на внешний мир. "То, что мною воспринимается, ни в коей мере не соответствует испытываемому мною чувственному раздражению. Как раз наоборот, относительная адекватность восприятия – тот факт,

²¹ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 72.

²² Г. Гадамер Цит. соч. С. 14.

²³ Г. Гадамер Цит. соч. С. 14-15.

²⁴ Г. Гадамер Цит. соч. С. 16.

²⁵ Г. Гадамер Цит. соч. С. 16.

что мы видим нечто действительно наличное, не больше и не меньше, - представляет собой результат направляющего наше видение процесса обретения ясности, отсечения иллюзорных образований."²⁶ Всякое восприятие предполагает конструктивное участие воспринимающего и его мысли. Таким же абстрактным оказывается и понятие "чистого высказывания". Всякое высказывание существует только в контексте, и претензия на аутентичное понимание его вовлекает нас в герменевтический круг: "понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как что-то абсолютно загадочное."²⁷

"Наивность рефлексии" раскрывается как невозможность рефлексивного возвращения мышления в самое себя, невозможность объективации того, на что направлена рефлексия, но скорее наоборот: рефлексия как момент присутствия полюса познающего в акте познания организует этот акт еще на уровне непосредственного отношения познающего и познаваемого. "Возможны рефлексивные акты иного порядка, которые в момент осуществления "интенции" обращены на сам процесс своего осуществления."²⁸ Конечность человека предстает в этом случае как "собственная основа всего состава человеческого бытия"; возможность деятельности сознания по определению своего иного открывается лишь в условиях неограниченной ограниченности (конечности) человеческого бытия²⁹. И третья наивность - "наивность понятия" снимается при учете того влияния, какое оказывает система языковых значимостей на каждого из своих членов, когда мы полагаем их в качестве стерилизованных инструментов научного мышления. Мышление всегда движется в колее, пролагаемой языком. Языком заданы как возможности мышления, так и его границы."³⁰ Язык предстает здесь как метафора духа, "будучи бесконечным как дух и конечным как всякое событие".³¹

В результате всех "уточнений" гегелевской критики субъективного духа мы получаем его метафору: дух – язык. Эта метафора, как мы увидим в дальнейшем, не есть простое украшение стиля или мельком брошенная и не проясненная до некоторых пор интуиция перспективы философии языка, но, на наш взгляд, интимнейшее выявление сущностного смысла родства и расхождения герменевтики и гегелевской философии. Мы не станем здесь выяснять, почему это отношение определяется в дискурсе Г. Гадамера настолько недифференцированно, в форме метафоры, укажем лишь на эту логику, согласно которой исходные посылки Г. Гадамера влекут за собой подмену "духа" "языком". Исходная рефлексия относительности культуры в XX веке не преодолевается в философии Г. Гадамера тождеством абсолютного в предполагаемом диалектико-историческом разворачивании культуры. Утрата онтолого-диалектического тождества компенсируется проблематикой понимания. Единственным абсолютным такого тождества является язык: во-первых, как немотивированная парадоксальная система знаков (бесконечная в своем бытии), накладывающая свою призму на всякий процесс познания, и в этом процессе теряющая свою Абсолютность в каждом конкретном акте познания (конечная в своем событии); и, во-вторых, в своей функции инструмента понимания (как метод) язык синтезирует антитезы относительных и непроницаемых культур, сохраняя в снятом виде всю их силу положительного тезиса. Метод Г. Гадамера есть реализация презумпции совершенства текстового смысла (а таким текстом может быть всякая "чужая" культура), возможная при интервале истолкования, временном зазоре между истолкователем и истолкуемым. Такой метод настаивает на необходимости предмнений и предрассудков, осознаваемых в интерпретации как таковые, но не отбрасываемых, а создающих полюса истолкования: внеисторическую предметность и причастность традиции.

²⁶ Г. Гадамер Цит. соч. С. 17.

²⁷ Г. Гадамер Цит. соч. С. 18.

²⁸ Г. Гадамер Цит. соч. С. 20.

²⁹ Г. Гадамер Цит. соч. С. 22.

³⁰ Г. Гадамер Цит. соч. С. 24.

³¹ Г. Гадамер Цит. соч. С. 26.

"Уготованное нам традицией место, место между чуждостью и близостью, есть, стало быть, промежуток между исторически понятой, отложившейся предметностью и причастностью к традиции. Этот промежуток и есть подлинное место герменевтики."³² Исходное общее свойство познания – гносеологическая бинарность преодолевается своеобразной диалектикой одного и иного: традицией и предрассудком о чужой культуре, круговое взаимоотношение которых делает чужую культуру все более понятной, так и не доведя этот процесс до абсолютного знания.

Снять относительность культур можно просто поняв их. Нетрудно заметить, что уточнения Г. Гадамера, которые он приписывает ведущим представителям философии XX века, все, в конечном счете, сводятся к прояснению "механизма" гегелевской диалектики, скажем больше: к редукции метафизики Г. Гегеля в метод. Абсолютом становится метод. Абсолютного тождества деятельности сознания больше нет: мир распался. Не случайно в число своих собеседников Г. Гадамер заносит – кроме греков с их тождеством слова и понятия (читай: слова и вещи, мысли и бытия, тождество которых рассмотрено нами на примере Парменида) и Г. Гегеля – И. Канта с его итоговым методическим дуализмом: "Познание есть нечто иное, чем мыслящее самое себя и не нуждающееся в опыте мышление. Кант, как я полагаю, это убедительно показал."³³ Такое познание описывается не как бытие, но как метод. Там где есть механизм, не может быть онтологических вопросов.

Метод же, о котором идет речь, есть герменевтический круг. Круг, конечно, – не специфическая проблема XX века, открытая в это время как последнее слово о последних вопросах бытия. И античность, и Новое время знает много интерпретаций круга; в общем, они сводятся к следующей формулировке: "Целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное – на основании целого"³⁴. Проблему эту можно переформулировать и так: для того, чтобы понять что-то, надо уже знать это, а для того, чтобы знать, необходимо понять (различив знание и понимание как уже-имение и еще-не-имение). У Ф. Шлейермахера находим грамматическую и психологическую трактовки круга: понимание уникального текста на основании конвенционально закрепленных парадигм и наоборот (причем в этом случае текст может пониматься очень широко: как образно-стилевой комплекс особенностей индивидуальной творческой манеры автора). Первая трактовка приводит к целому текста, вторая – автора. Понятно, однако, что грамматическая и психологическая интерпретации круга могут быть просто его "сторонами-полукружьями".

У Г. Гадамера и Ф. Хайдеггера происходит онтологизация круга: "подлинно историческое мышление должно мыслить и свою собственную историчность. Тогда оно уже не будет гнаться за призраком исторического объекта, предметом прогрессирующего научного исследования, но сумеет распознать в объекте иное своего собственного, а тем самым научиться познавать одно и иное."³⁵ Перед нами опять диалектика Г. Гегеля. Но объективно-го духа больше нет. Единственным коррелятом бесконечного количества фрагментов распавшегося мира является язык, не национальный (если он не понимается в своем бесконечном бытии), конечно, а метод (круг) декодирования знаковой природы мира, основывающийся на общности природы человеческого сознания. "Относительность языков не служит препятствием для языка, слово которого общо для всех"³⁶.

В каких же отношениях находятся между собой круг и диалектика? В обоих случаях мы имеем тождества деятельности сознания со своим предметом (как своим иным). В обоих случаях присутствует претензия на продуктивность ситуации. Диалектика описывает онтологический процесс, круг – гносеологический метод. Диалектическое движение: свое – иное

³² Г. Гадамер Цит. соч. С. 79.

³³ Г. Гадамер Цит. соч. С. 26.

³⁴ Г. Гадамер Цит. соч. С. 72.

³⁵ Г. Гадамер Цит. соч. С. 81-82.

³⁶ Г. Гадамер Цит. соч. С. 14.

Докучаев И. И.

ШАР БЫТИЯ ПАРМЕНИДА И КРУГ ИСТОЛКОВАНИЯ Г.Г. ГАДАМЕРА

– свое иное – есть деятельность полагания иного и снятия этого полагания как своего иного, деятельность определения, знающая себя как таковую, возвращающаяся в себя. Такая деятельность обнаруживает в себе в сущности круговую природу (=спирали), а также претензию на абсолютную познаваемость внешнего мира как своего иного (пусть даже и в тождестве объективного и субъективного духа), – а потому обречена на уточнение методом, требует самого метода (как на уровне своего совершившегося возвращения, так и на уровне абсолютного познания). Думается, здесь мы сталкиваемся вновь с особым рода кругом: круговая природа диалектики требует, несмотря на свою продуктивность, уточнения со стороны "познания, нуждающегося в опыте". Внешний мир предъявляет свои права. Но после этого уточнения превращается в метод, теряющий свои онтологические претензии. Последнее мы и находим в современном "герменевтическом" состоянии философии. Итог: *circulum vitiosum*.

Таковы, на наш взгляд, два возможных полюса одного ответа на вопрос гносеологического парадокса. Этот ответ – тождество познающего и познаваемого (в форме бытия и сознания). Обе ситуации разрешаются непродуктивно: в неспособность дальнейшего разговора в первом случае, и в метод во втором. Возможно ли продуктивное решение проблемы, не связано ли оно с другим ответом на наш вопрос, а именно – с различием познающего и познаваемого? Разрешение этих оставшихся движений – предмет дальнейшего поиска философии.

Иванов Анд. А.

A. A. Ivanov

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

SYMBOLIC SYSTEM IN THE STRUCTURE OF SOCIAL REALITY

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7 – 138; 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor at the Department of Civil Engineering and Architecture, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Komsomolsk-on-Amur, 85/7-138, Lenin St.; 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению роли символической системы во взаимодействии объективного и субъективного уровней социальной реальности. Рассматриваются синтаксические, прагматические и семантические аспекты символических систем и их реализация в социальных практиках.

Summary. The paper studies the role of the symbolic system in cooperation objective and subjective levels of social reality. Considered syntactic, semantic and pragmatic aspects of symbolic systems and their implementation in social practices.

Ключевые слова: символ, интернализация, экстернализация, социальное пространство, легитимация, символический универсум.

Key words: symbol, internalization, externalization, social space, legitimation, symbolic universe.

УДК 316

Общество, как известно, представляет собой диалектическое единство двух реальностей: объективной системы социальных отношений, составляющей внешние рамки человеческой деятельности; системы субъективных представлений, схем мышления и поведения, конструируемых людьми и составляющих внутренние границы и ориентиры их деятельности. Не претендуя на разрешение некогда жарких споров между социологами-реалистами (Э. Дюркгейм) и социологами-номиналистами (Г. Тард, П. Сорокин), мы постараемся показать конститутивную роль символических структур во взаимодействии и взаимной корреляции объективного и субъективного измерений социальной реальности. Поскольку данная проблематика находится на пересечении социологии, семиологии и социальной психологии, то мы будем обращаться к ключевым для нас положениям, сделанным в областях социологии знания (П. Бергер, Т. Лукман), семиологии (Ф. Соссюр, У. Эко), теории социального пространства (П. Бурдьё) и структурного психоанализа (Ж. Лакан, С. Жижек).

Каждый индивид стремится удовлетворить свои потребности, вступая во взаимодействие с другими людьми, и это взаимодействие конструирует своего рода силовое поле, имеющее особое, системное качество, отсутствующее в самих индивидах, например, государство, право, мораль, экономический обмен и пр. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, эти объективные структуры – социальные институты – возникают в результате взаимной типизации часто повторяемых действий людей и распределения этих действий среди разных исполнителей: «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. (...) Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и

деятелей в институтах» [3, 92]. Взаимная типизация, имеющая место везде, где есть, как минимум, два человека, хотя бы просто лицезреющих друг друга, создает предсказуемость в их взаимоотношениях и формирует рутинный план само собой разумеющихся действий, не требующих уже напряженного внимания, что, в свою очередь, позволяет экономить энергию для решения действительно нетривиальных задач. Разделение труда позволяет распределить жизненно важные действия среди разных участников, что увеличивает степень разнообразия и эффективности действий и, опять же, создает энергетический и интеллектуальный запас для коллективного решения проблемных ситуаций, когда, например, в поле зрения законопослушных (типизированных) граждан появляется многотысячная армия нарушителей. Типизация и хабитуализация (опривычивание) действий, сохраняющихся в течение длительного времени, превышающего сроки жизни одного поколения, формируют исторические институты как объективную социальную реальность: «институты теперь воспринимаются как обладающие своей собственной реальностью; реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом» [3, 98]. Эта реальность представлена в виде совокупности соотношенных между собой и институционально закрепленных социальных позиций и ролей, которые представляют отчужденный от конкретных (и смертных) индивидов объективированный порядок их взаимодействия.

Институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку он реализуется в исполняемых ролях, что направляет наше внимание ко «второй» реальности общества – субъективной. Деятельность человека как субъекта социального действия предполагает наличие субъективного смысла, т.е. осознания целей и мотивов, и сознательного принятия или отвержения существующих в обществе способов и направлений действий. Субъективная социальная реальность – это тот образ общества, который присутствует в картине мира индивида и конструирует его социальное поведение. Индивид актуализирует свои субъективные представления в повседневных, профессиональных и прочих практиках, даже когда он эти представления скрывает (умолчание и недеяние также суть социальное действие) [5, 455].

Субъективный смысл, по М. Веберу, конституирует всякое человеческое действие, а у П. Бергера и Т. Лукмана он лежит в основе процессов экстернализации и интернализации, обрамляющих объективную социальную реальность в качестве ее источника и результата. Экстернализация – проецирование человеком собственных значений на реальность в процессах деятельности и взаимодействия. Это не только преобразование материального мира (допустим, когда кусок дерева становится лодкой или идолом), но и проекция значений на те явления, которые не зависят от человека или вообще непостижимы. Например, в ритуале погребения, как пишет С. Жижек, «субъект “берет на себя” процесс естественного разрушения, символически повторяет его, “делая вид”, что этот процесс – результат его свободного выбора» [6, 218]. В погребальном действии человек утверждает наличие субъективного смысла в факте смерти; и пусть этот смысл не может быть осознан, но его возможность – как надежда на проникновение субъективности за этот предел – реализована в самой знаковой форме ритуала как некоторый *пока* отчужденный, отсроченный смысл. В том, как мы послушно подчиняемся ритуальной традиции во время похорон (а также других социально значимых ритуалов), действует обратный направленный – от внешнего к внутреннему – процесс интернализации, что есть «непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, т.е. как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» [3, 211]. Интернализация лежит в основе процессов социализации, представляя собой принятие индивидом ролей и установок, в первую очередь, «значимых других» (родителей, друзей, близкого окружения), а затем так называемого «обобщенного другого», абстрагированного от конкретного окружения и воплощающего социальность как таковую.

Два измерения социальной реальности – объективное и субъективное – находятся в диалектическом процессе взаимной корреляции и соответствия, но это соответствие никогда не бывает полным. И с той, и с другой стороны всегда сохраняется некий избыток, не покры-

ваемый противоположным членом: неинтернализированная в индивида часть социального и несоциализированные глубины субъекта.

Все значения ритуалов погребения и почитания умерших могут быть неизвестны индивиду; главное, чтобы он воспроизводил в нужный момент принятый в обществе порядок действий – для этого существуют «эксперты», сохраняющие традицию и готовые о ней напомнить: старейшины, родители, похоронные бюро. При этом они также могут не осознавать (или забывать, или по-своему интерпретировать) первоначальные значения хранимых ритуалов, а могут о них и не задумываться. С другой стороны, этот же похоронный ритуал как последовательность почти автоматизированных действий включает возможность для субъекта абстрагироваться от них, совершать их, не участвуя сознанием, – думать, например, о разделе имущества покойного. С. Жижек вспоминает институт «плакальщиц», нанимаемых для оплакивания: «так посредством другого мы исполняем свой долг скорби, а сами можем использовать это время с большей пользой – например, грызться с остальными наследниками покойника, чтобы оттяпать кусок получше» [5, 42]. Другими словами, субъективно переживаемые значения не могут полностью соответствовать объективным значениям, транслируемым в социальных институтах.

Закономерен вопрос: существуют ли вообще объективные, отчужденные от индивидов и потому, как предполагается, более полноценные (для социолога, по крайней мере) значения? И где тот модус, на котором они могут быть найдены? Ответ не лишен парадоксальности: «объективные» значения, находящиеся вне индивидов, не существуют в том смысле, что они не могут быть осознаваемы кем-либо, кроме индивида. Но есть модус, на котором значения все-таки наличествуют в типизированном, отчужденном от конкретных индивидов и ситуаций виде, – не значения, но значимости, способные порождать, хранить и транслировать означаемые. Речь, разумеется, идет о языке или, шире, символическом порядке, так тщательно избегаемом мной в прежних рассуждениях. У П. Бергера и Т. Лукмана язык выступает главным средством перевода объективной реальности в субъективную и наоборот [3, 218]. Посредством языка общество социализирует индивида, вкладывая в него институционально оформленные мотивационные и интерпретационные схемы. Посредством речи индивид репрезентирует себя как субъекта, вкладывая в общепринятые означающие собственное переживание их значений. Таким образом, сосюрская оппозиция *langue/parole* становится конститутивной для социальной реальности, выражает (и/или детерминирует) дуально-диалектический характер общества. О таком социологическом контексте идей Ф. Соссюра вспоминал Р. Барт: «...возможно, Соссюр самым внимательным образом следил за спором между Дюркгеймом и Тардом. Его концепция языка идет от Дюркгейма, а концепция речи явилась уступкой идеям Тарда об индивидуальном» [2, 121]. Мы обнаруживаем в языке (*langage* у Ф. Соссюра) или в символическом порядке (в более общем смысле) не медиацию субъект-объектного дуализма, но, скорее, его кристаллизацию, «выпячивание» – чистую и элементарную форму сцепления двух начал, где *langue* – это объективность социума (абстракция), а *parole* – его субъектно-индивидуальное измерение (конкретный феномен).

Как отмечал Ф. Соссюр, в языке нет ничего, кроме различий: «Какую бы сторону знака мы не взяли, означающее или означаемое, всюду наблюдается одна и та же картина: в языке нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые и звуковые различия, проистекающие из этой системы» [9, 152]. Язык как система представляет собой совокупность отношений между элементами, субстанция которых – материальная субстанция выражения и понятийная субстанция содержания – как бы «выхолащиваются», исключаются из процесса, остаются лишь формальные связи между элементами, превращенными в «чистые различия». С позиции семиологии какие-либо отсылки к референту, к лежащему вне языка «реальному миру», не играют никакой роли внутри языка-*langue*, потому как последний есть структура, предшествующая отдельным словам, индивидуальной речи, конкретным ситуациям и структурирующая их в свой

уже данный порядок взаимоотношений. У. Эко писал: «Наличие или отсутствие референта, а также его реальность или нереальность *несущественны для изучения символа*, которым пользуется то или иное общество, включая его в те или иные системы отношений» [10, 64]. Не воплощает ли это свойство языка собственно идею социологов-реалистов об обществе *sui generis* как самостоятельном, «освобожденном» от субстанции конкретных индивидов порядке явлений? Точнее, факт взаимодействия между индивидами, не сводимого к сумме этих индивидов, интерсубъективность как таковая, отвлеченная от самих субъектов, сама идея общества как взаимосвязи между людьми получает в системе языка наиболее реальное воплощение.

П. Бурдьё определяет социальную реальность как «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине». По мнению Бурдьё, социология в объективистском аспекте является социальной топологией – «анализом относительных позиций и объективных связей между позициями» [4]. Подобным реляционным видением общества мы обязаны структурализму, привнесшему в социологию и антропологию когнитивные принципы лингвистики, восходящие к школе Ф. Соссюра. В самом деле, последний в описании системы языка часто прибегает к пространственным метафорам: две стороны бумажного листа, расположение волокон в стебле растения, шахматная доска, поверхность воды и т.д. Как мы, в свою очередь, можем прибегнуть к метафоре шахматной игры для описания социального пространства таким, каким оно предстает в концепции П. Бурдьё. Набор фигур и их расположение на доске (до начала игры и после каждого хода) представляют разные социальные позиции (король, ферзь, ладья и пр.), соотнесенные друг с другом по объему имеющегося у них капитала – возможностей фигуры на поле. Объем капитала в ходе игры меняется и зависит от наличия фигур (у той и другой стороны) и их позиции относительно друг друга. В игре есть специфическая ставка, не имеющая смысла вне игры, – мат королю противника. Есть иерархия фигур в спектре отношений между господствующими в поле (ферзь, король) и подчиненными (пешки как «расходный материал»). Аналогия перестанет казаться уместной, когда мы вспомним, что фигуры в игре движутся не сами по себе, благодаря вписанным в их тело диспозициям и чувству «вовлеченности в игру» (*il-lusio*), но подчиняясь воле игрока. Объективистская парадигма здесь выражена наиболее радикально – «безволие» фигур акцентирует подчиненность социальных агентов позициям в социальном пространстве, невозможность для них выйти за пределы своей перспективы и игры вообще. Таким образом, социальная реальность предстает в своем *синтаксическом* измерении – как пространство «чистых» отношений, формирующих соотнесенные между собой позиции. В анализе позиций важны их формальные различия, например, количественная разность объемов капитала, определяющие, в свою очередь, содержание процессов господства-подчинения, символического насилия и символической борьбы.

На линии *семантического* измерения семиозиса знак существует не как элемент, но как репрезентатив – заместитель со своей способностью представлять. Если взглянуть с позиций структурной семантики, слово не связывает звук и понятие как самостоятельно существующие до этого субстанции, но – как связь означающего и означаемого – оно возникает из соотношения с другими словами, причем, это отношение теперь предполагает не оппозицию между ними, но свойство взаимозаменяемости. Означаемое определяется как *интерпретанта* – иной способ представления того же самого объекта: «Иначе говоря, чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак, и т.д.» [10, 67]. К основным фигурам знакового представления относятся метафора, метонимия, синекдоха.

Действие данных тропов обнаруживается не только в сфере поэтической деятельности, но и в механизмах любого социального действия. Когда индивид, переживая чувство

гнева, организует свое артикуляционное и жестовое поведение таким образом, чтобы намеренно вызывать ассоциации с каким-либо хрестоматийным персонажем или даже с опасным зверем, гнев которых, по общему представлению, страшен и беспощаден, то мы имеем дело с метафорическим представлением внутреннего состояния через сходный по характеристикам и внешний по происхождению образ, ориентированный на восприятие его другими. Когда же чувство гнева выражается через оружие (стрела, нож, топор), возникающее в поле зрения врага и рассчитанное на то, чтобы быть им увиденным, имеет место метонимический перенос внутреннего состояния на сопряженные с таким состоянием предметы окружающего мира. Еще интересней, когда знаком угрозы становится подброшенный труп какого-нибудь животного (можно вспомнить сюжет с головой лошади из «Крестного отца»), тело которого метафорически отождествляется с адресатом угрозы, а метонимия реализуется в смежности причины (действий субъекта) и следствия (смерти объекта). При этом в отличие от предыдущих случаев знак не несет в себе субъективных значений адресанта: мертвое тело репрезентирует предположительные переживания адресата угрозы, выставляя отправителя сообщения в качестве объективной внешней силы. В том, как легко эти конкретные единичные случаи могут стать типичными, превратиться в абстрагированные от конкретики институты, проявляется механизм обобщающей синекдохи – инклюзивного замещения частного общим. Они собственно и возникли в голове у автора в качестве примеров – представителей типичных знаковых ситуаций, и ни в какой конкретике здесь нет необходимости, а если верить схоластам, то и никакой возможности: *individuum est ineffabile*. Иначе говоря, в процессе экстернализации (действий и репрезентаций, ориентированных на других людей) взаимодействующие индивиды представляют частное через общее, формируя анонимный, отвлеченный от ситуаций «лицом-к-лицу» символический порядок. Согласно принципу симметрии интернализация должна проходить как обратный процесс представления общего через частное (специфицирующая синекдоха): именно этот процесс наблюдает социолог, когда изучает то, как индивид воспроизводит в своем поведении прошлое своего класса, своей социальной среды.

Итак, экстернализация и интернализация представляют собой знаковые акты замещения, когда мое личное переживание находит выражение в анонимном языке и только через него я способен себя выразить, но, в определенном смысле, выразить не себя, а «обобщенного другого». Здесь мы касаемся *прагматического* измерения языка – того, что и как выражает интерпретатор в языке, что в социологической перспективе станет проблемой отношений между индивидом, его деятельностью и наличным для него социальным порядком.

Согласно основателю структурного психоанализа Ж. Лакану, всякой репрезентации субъекта в символическом порядке неизменно сопутствует неудача: «...субъект все более отлучается от “своего собственного существа” (...) Ибо в работе, проделанной им по его воссозданию для другого, он открывает изначальное отчуждение, заставляющее конструировать это свое существо в виде другого, и тем самым всегда обрекавшее его на похищение этим другим» [8]. Субъект пытается выразить себя в языке, но не в состоянии найти такое означающее, которое было бы «его собственным», поскольку и означающее и означаемое, как мы видели, обусловлены внешней по отношению к субъекту структурой различий и членений – *langue*. Субъект – это то, что расчлняется, расщепляется в системе означающего на отчужденное, формализованное «Я», похищенное символическим порядком, и постоянно ускользающее от символизации субстанциальное единство («Реальное» у Лакана). Но субъекта не существует до этого расщепления, он возникает именно в этой точке разрыва между тем, что уже не Я, но структурирующий меня Другой, и тем несимволизируемым остатком, который становится «объектом во мне» с точки зрения Я-Другого. В этом смысле речь (*parole*) как субъектно-индивидуальное проявление языка выступает антагонистичным процессом репрезентации посредством универсально-символических детерминаций того, что принципиально не репрезентируемо (или не абстрагируемо), и, с другой стороны, эта неудача репрезентации и является своего рода негативным, апофатическим способом уловить субстанциальное Ре-

альное. В этой неудаче и рождается субъект. С. Жижек приводит пример с любовным письмом, в котором «сама неудача пишущего сформулировать свое признание в ясной и эффективной манере, его колебания, фрагментация письма и так далее сами по себе могут быть доказательствами того (возможно, необходимыми и самыми надежными), что любовь настоящая – в данном случае сама неудача доставить послание необходимым путем есть знак его подлинности» [6, 262].

Символический порядок-язык предстает как объективная по отношению к индивиду социальная инстанция, включающая индивида в структуру замещений и детерминаций, в результате чего возникает субъект, идентифицирующий себя с определенными ролями, но не способный быть полностью ими исчерпанным. Обратимся к тому, как П. Бергер и Т. Лукман объясняют возникновение ролевой дистанции. В ходе исполнения индивидом социальных ролей его Я отождествляется с институциональным смыслом действия, закрепленным в языке, которое определяет его самопонимание в данный момент. Но после совершения действия Я становится относительно неотождествленным с исполняемой ролью и дистанцируется от нее, при этом именно дистанцирующееся Я обретает статус истинного, целостного: «Другими словами, часть Я объективирована в терминах социальных типизаций, существующих в данном обществе. Эта часть – воистину «социальное Я» – субъективно воспринимается как отличающееся от целостного Я и даже противостоящее ему» [3, 122]. Но вполне реален и обратный случай, когда в качестве истинного Я воспринимается «социальное Я», а противостоящий ему, остающийся за пределами социальной роли «объект-в-себе» интерпретируется как нежелательное, лишнее, чуждое Я, которое необходимо скрыть, подавить или изгнать. Этот «объект-в-себе» также не обладает качествами целостности, разрознен и раздроблен (здесь, кажется, сходятся во мнениях психоанализ, постмодернизм и буддизм), как, например, описываемые в одном тексте, внутренние монологи, «которыми замусоривают наше внутреннее пространство разного рода субличности, гнездящиеся в наших телах (...) Именно такие борющиеся внутри нас субличности церковь, вероятнее всего, называет бесами. Эти говоруны чужды нашей базовой сущности, их тупое ворчание, их гнусную ругань нужно подавлять» [1].

С одной стороны, дифференциация социальных действий и ролей, их многообразие и разрозненность (как связать между собой роли «порщика племянника» и «посвященного воина?»); с другой – разорванность, расщепленность Я («ибо в самой потаенной глубине самого себя, там, где происходит самоотождествление, я нахожу не себя, а его (Другого – А.И.), меня подталкивающего» [10, 422]). Все это, видимо, требует координации и интеграции в непротиворечивую для индивида картину, где его Я обрело бы идентичность, т.е. целостность и устойчивое место. Здесь на помощь снова приходит язык с его способностью выходить за пределы «здесь и сейчас» и объединять различные элементы на более высоком уровне, как это происходит, например, в процессе «двойного членения». Язык интегрирует оторванные друг от друга зоны реальности в единое смысловое целое, убеждая индивида в непротиворечивости смыслов исполняемых им и другими ролей и, соответственно, согласованности и обоснованности существующих объективно институтов. Так институциональный порядок *легитимируется*, т.е. наделяется не обязательно присущей ему логикой (или не той логикой, что лежала в основе института), а индивид в своем отчуждении в социальные роли усматривает выражение своей идентичности.

Легитимация, по П. Бергеру и Т. Лукману, является объективацией «второго порядка»: она «создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [3, 151]. Здесь мы скорее имеем дело не с процессом «двойного членения», где первый уровень фонем не имеет собственной семантики, а с механизмом коннотации, когда первичная система, уже имеющая денотативные значения, становится планом выражения вторичной, надстроечной, системы значений. Другим вариантом символической интеграции, наряду с коннотацией, является метаязык, чьим планом содержания, объектом описания и установления координирующих отношений

является денотативная система [2, 157]. В качестве последней выступают институциональные процессы, в которые вовлекается индивид, не создавая их, но имея в наличии в качестве объективных структур: например, исполнение роли гончара, передаваемой по наследству, и ряд обязательств перед представителями духовенства или военного сословия. В качестве интегрирующей и, следовательно, легитимирующей этот институт системы коннотативных значений может выступать как простейшее утверждение укорененности такого порядка: «это не нами придумано...», так и теоретически разработанная концепция космического порядка, оперирующая понятиями «сансары», «кармы», «провидения» и т.д. Легитимация реализуется на нескольких уровнях – от простых классификаций и утверждений, содержащихся в лексиконе и грамматике языка, до символического универсума – «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [3, 157]. Символические универсумы выходят за пределы мира практики, становясь «чистой теорией», и осуществляют исчерпывающую интеграцию разрозненных институциональных процессов. Кроме того, символический универсум осуществляет интеграцию различных идентичностей индивида – от «короля» до «сюрреалистических» метаморфоз, испытываемых в сновидениях и фантазиях, – выстраивая их в иерархию, где главное место – место «базовой сущности» – занимает идентичность, признаваемая другими и легитимированная *sub specie universi*, другие занимают подчиненное положение, а третьи получают маргинальный статус субличностей, бесов и пр.

Однако, если невозможна полная уверенность в исчерпании субъекта теми ролями, которые он выполняет даже «от всей души», тем, кем признают его значимые другие и кем признает он себя сам, то возможна ли исчерпывающая интеграция всех институциональных процессов в непротиворечивый смысловой мир? Не остается ли всегда в социальном порядке нечто, глубоко структурированное в него, но остающееся за пределами символического универсума и субъективного понимания? Может быть, ремесленник или земледелец, отдающий часть своих продуктов священнослужителю или государю, делает это не только в силу «Истинности» и «Справедливости» такого порядка, освященного космическим законом сансары, но и потому, что таков Закон сам по себе, без всяких отсылок к высшим сферам и понятиям. Видимо, исполнение социальных ролей и подчинение институциональным процессам предполагает не только интеграцию их в постижимый для субъекта символический универсум, но и некое основополагающее отсутствие, незнание в самом средоточии этого универсума. С. Жижек называет этот «негативный» элемент «непристойной изнанкой Власти» и определяет его как травматическое, абсурдное предписание, не способное быть включенным в символический мир субъекта. Интернализация в универсалии Истины и Смысла никогда не бывает полностью успешной, ей всегда сопутствует некий излишек, «причем этот излишек не препятствует безусловному подчинению и, более того, составляет неременное условие такого подчинения: именно этот несвязанный избыток наделяет Закон его безусловной властью» [6, 50]. Таким образом, интегрированный символический универсум и травматический, непостижимый для субъекта Закон предполагают друг друга, составляя основу деятельности индивида в социальной реальности: индивид сталкивается с институциональным предписанием и пытается интегрировать его в связанную систему значений, но символом верности и полной его интеграции в социальный порядок будет исполнение им непостижимого властного предписания. Бог приказывает Аврааму убить сына, и этот приказ абсурден, не вписывается в символическую систему Авраама; и именно покорность последнего становится свидетельством о Боге как о высшей интегрирующей силе – той точке семантической пустоты, вокруг которой весь мир становится сверхсвязанным и значимым.

Символический универсум, таким образом, как бы логично и исчерпывающе он не был выстроен, всегда содержит в своем основании это означающее без означаемого, посредством которого в осмысленное социальное поведение проникает влияние объективных социальных структур. Через знак, указывающий на вещь и неизбежно что-то упускающий в ней,

человек, руководствуясь культурно оформленными смыслами, воспроизводит в своих действиях такое соотношение сил и позиций, о котором он и не задумывался, но каковое лежит в основе его мотиваций как вытесненная в бессознательное структура. Посредством символической системы объективная реальность социального структурирует поведение индивидов, но делает это подобно действию симптома – структурные принуждения реализуются в смысловых конструктах, представляющих собой преломленные, эфемерные замещения этих принуждений, результаты метонимических и метафорических смещений. Задача социолога, изучающего символические практики в их социальном контексте, оказывается во многом сходной с работой психоаналитика – раскрыть механизм искажения и преобразования объективных социальных факторов в субъективные представления индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бавильский, Д. Брамс-храм-шардам! Диалог месяца / Д. Бавильский, И. Манцов // Частный корреспондент. – 2011. – 10 марта.
2. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания) / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 323 с.
4. Бурдьё, П. Социальное пространство и символическая власть // [http:// bourdieu.narod.ru](http://bourdieu.narod.ru).
5. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание МУБИ, 1996. – С. 455-490.
6. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: «Художественный журнал», 1999. – 235 с.
7. Жижек, С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы / С. Жижек. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 476 с.
8. Лакан, Ж. Функции и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан // <http://teneta.rinet.ru.ru>.
9. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
10. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.

Тарануха Н. А.
N. A. Taranukha

МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

QUANTITATIVE METHODS FOR ASSESSING QUALITY OF LIFE

Тарануха Николай Алексеевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой кораблестроения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8(4217)24-11-42. E-mail: taranukha@knastu.ru

Mr. Nikolay A. Taranukha – Doctor of Engineering, Professor, Head of the Department of Shipbuilding, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr., phone: + 7 4217 241142. E-mail: taranukha@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с количественной оценкой такой качественной категории, как «качество жизни». Обсуждаются общие исходные соображения, касающиеся количественной оценки качества жизни. Предлагается простая практическая методика количественной оценки качества жизни. Обсуждаются рекомендации по установлению уровней качества жизни и шкалы перевода качественных оценок в количественные. Приведены формулы для расчета абсолютного и относительного индексов качества жизни. Рассмотрены показатели «качества жизни», и показан пример расчета. Даны рекомендации по уточнению методики.

Summary. The paper concerns the issues of quantitative assessment of such a qualitative parameter as "living standards". Some general initial considerations concerning quantitative assessments of quality of life are discussed. A simple and effective technique for quantitative assessment of the quality of life is suggested. Guidelines are outlined for defining life quality levels; scales are considered for quality-to-quantity parameter translation. Formulas for calculation of the absolute and relative quality-of-life indexes are proposed. Quality of life parameters are considered and a sample calculation is carried out. Recommendations on further refinement and improvement of the technique are given.

Ключевые слова: качество жизни, количественная оценка, методика, показатели качества, шкала оценок.

Key words: quality of life, quantitative assessment, technique, quality indexes, rating scale.

УДК 314:330.12;316:303

Введение

Приступая к написанию данной статьи, Автор ставил перед собой цель разобраться с важной, но так до конца практически не решенной проблемой количественной оценки такой качественной категории, как «качество жизни».

При этом Автор ставил перед собой цель предложить ясную и практичную методику для количественной оценки качества жизни. К сожалению, в литературе решение этой проблемы либо сильно «онаучено» и потому оторвано от сути дела, либо не доведено до расчетной методики, остановившись на словесных рассуждениях и констатации факта, что это проблема сложная.

А между тем в точных науках (математическое моделирование) варианты решения проблемы количественной оценки качественного явления известны, и Автор с ними знаком [1; 2].

В данной статье Автор предлагает простую и ясную методику количественной оценки качества жизни, которую любой квалифицированный Читатель вполне может сам улучшить,

усложнить и уточнить. Впрочем, это вряд ли приведет к существенному улучшению результата, учитывая субъективный характер рассматриваемой проблемы, связанной с «оценкой (измерением) качества жизни».

1. Общие исходные соображения

Зачем нам нужно количественно оценивать (измерять!) качество жизни? Ответ простой – для того, чтобы анализировать, сопоставлять и управлять этой качественной категорией нашей с вами, Уважаемый Читатель, жизни. Хотим ли мы управлять качеством жизни (своей и не только своей)? Хотим! Нужно ли нам управлять качеством жизни? Нужно! Можно ли управлять качеством жизни? Можно!

Однако с древних времён известно, что управлять можно только тем, что можно измерить. Значит, проблему количественного измерения качества жизни нужно решить. И желательно, чтобы решение это достигалось ясно и просто, не отрываясь от существа дела.

Качество жизни – это по содержанию своему категория сложная. Качественная, не количественная. И уже поэтому она в принципе не поддаётся абсолютно точному измерению.

Качество жизни является субъективной категорией. Субъективность является неотъемлемой частью этого понятия. И это является второй причиной, почему абсолютно точное измерение качества жизни невозможно.

И при всём при этом измерять качество жизни нужно и можно! Будет ли при этом возникать какая-то погрешность в полученном результате? Да, будет! Какова будет величина этой погрешности? Погрешность будет порядка 10 – 20 %. Точнее не будет. Результат не может быть точнее, чем точность исходных данных. А исходные данные в задаче «о качестве жизни» – это результаты опросов людей, т.е. «субъективная статистика».

Мы к этому вопросу ещё вернёмся, когда ниже в разделе 3.3 будем рассматривать пример заполнения исходных данных для последующего вычисления конкретных индексов качества жизни.

Можно ли для получения более точного результата применить какие-то уточняющие математические приёмы? Например, нормирование, квадратичную оценку погрешности, исключение случайных выбросов, влияние корреляции, повышение репрезентативности, учет нелинейных связей, введение весовых коэффициентов и др. Можно, но не нужно. Формально уточнение расчетного результата произойдет, но фактически картина реальной ситуации исказится. Искажится потому, что использование всех этих уточняющих приёмов принесёт с собой в расчет множество искусственных предположений и допущений, о которых неопытный Расчетчик даже сам не знает. А влияние этих формальных предположений и допущений будет таким же сильным (или слабым), как и влияние самих исследуемых факторов качества жизни.

Конечно при «хорошей статистике» начнут срабатывать уточняющие законы «больших случайных чисел». Но на практике для такого субъективного и неточного понятия, как «качество жизни», это всё равно не приведёт к более точному (по сути) количественному результату. Уточнена будет расчетная процедура, но не будет уточнена суть явления. Примером такой методики может являться методика [3], широко применяемая для оценки индекса развития человеческого потенциала в Глобальных докладах ООН [4].

Впрочем, погрешность в оценке 10 – 20 % является вполне приемлемой для понимания и управления качеством жизни. Можно ли будет верить полученному количественному результату? Можно! Потому, что он, по сути, останется качественным, но выраженным «в числе», что облегчит понимание ситуации.

2. Индексы и уровни качества жизни

Какую величину, характеризующую уровень качества жизни, мы предполагаем количественно оценивать (вычислять)? Вычислять будем относительный индекс качества жизни, который обозначим следующим образом:

$I_{отн}$ – относительный индекс качества жизни. Изменяется этот индекс в пределах 0 – 1. При этом 0 – это предельно низкий уровень качества жизни; 1 – предельно высокий уровень.

Теперь обсудим то, как можно определить, какому уровню качества жизни будет соответствовать та или иная количественная величина относительного индекса $I_{отн}$.

Для этого необходимо иметь нормы качества жизни для различных уровней, выраженные в относительных единицах. Эти нормы устанавливаются достаточно условно. Особых рекомендаций для их установления в общем-то нет. Наиболее часто встречаются относительные нормы для различных уровней качества жизни, установленные на основе простой линейной зависимости между уровнями качества жизни и его относительным индексом.

В данной работе рекомендуется установить следующую 5-уровневую градацию качества жизни (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровни и относительные индексы качества жизни

Качественный уровень качества жизни	Количественный относительный индекс качества жизни, $I_{отн}$	
	диапазон значений	среднее значение
Высокий уровень	0,80 – 1,00	0,90
Хороший уровень	0,60 – 0,79	0,70
Средний уровень	0,40 – 0,59	0,50
Низкий уровень	0,20 – 0,39	0,30
Очень низкий уровень	0,00 – 0,19	0,10

Имея количественное значение относительного индекса качества жизни, можно по табл. 1 определить уровень качества жизни того или иного социального объекта (человек, группа людей, население региона в среднем, население страны в целом).

3. Методика количественной оценки качества жизни

3.1. Показатели качества жизни

Сначала обсудим (введем) конкретные показатели, характеризующие собой различные стороны качества жизни. Формулировка таких показателей и их количество может иметь различные варианты. Для методики расчета и получаемого численного результата это принципиального значения не имеет. Все различные варианты показателей являются субъективными (даже те, что применяются в официальных расчетах). Поэтому субъективности бояться не нужно, от неё все равно не уйти.

При выборе конкретных показателей важно, чтобы эти показатели в основном «перекрывали» весь диапазон факторов, реально влияли на область, связанную с понятием «качество жизни».

Для примера примем следующие показатели качества жизни: 1. Материальное благосостояние; 2. Духовный комфорт; 3. Семейная удовлетворённость; 4. Состояние окружающей среды; 5. Здоровье; 6. Образование; 7. Безопасность; 8. Уверенность в будущем.

Уважаемый Читатель может по своему усмотрению дополнить или изменить этот перечень показателей и выполнить по ним свою количественную оценку качества жизни. При этом его результат тоже будет качественно достоверен.

3.2. Переход от качественной оценки к количественной

Для перехода к количественной оценке необходимо установить шкалу перевода качественных оценок в количественные. Здесь тоже могут быть различные варианты.

Мы для примера применим вариант (шкалу), приведенный в табл. 2, в котором используются 5 качественных оценок ($m = 5$). Здесь m – количество принятых в методике качественных оценок.

Таблица 2

Шкала перевода качественных оценок в количественные

Качественная оценка качества жизни	Очень низкое	Низкое	Среднее	Хорошее	Высокое
Количественная оценка качества жизни	1	2	3	4	5

В принципе величину принятых баллов можно здесь назначить любую, лишь бы между ними соблюдалась какая-то количественная логика. Сама величина баллов на данном этапе значения не имеет, т.к. ниже в процессе расчета баллы будут отмасштабированы на относительный диапазон 0 – 1.

3.3. Пример пользования показателями качества и шкалой оценок

Покажем для примера, как в данной методике следует пользоваться принятыми показателями качества жизни и шкалой оценок. Покажем, как это делается в табличной форме (см. табл. 3). Поставим себя на место Эксперта, который решил оценить качество жизни, основываясь на каких-то внешних сведениях или на собственных знаниях и опыте. Каждый из нас имеет право считать себя Экспертом, если мы действительно обладаем необходимыми знаниями и опытом или достоверными внешними сведениями по рассматриваемой проблеме.

В этом, кстати, ещё раз проявляется субъективная сторона рассматриваемой проблемы – проблемы оценки качества жизни.

Итак, мы Эксперты, которые в табл. 3 готовят исходные данные для количественной оценки такой качественной категории, как «качества жизни».

Таблица 3

Исходные данные для оценки качества жизни

№ п/п	Показатели качества жизни	Оценка показателей качества жизни				
		очень низкое, 1 балл	низкое, 2 балла	среднее, 3 балла	хорошее, 4 балла	высокое, 5 баллов
1	Материальное благосостояние				+	
2	Духовный комфорт			+		

№ п/п	Показатели качества жизни	Оценка показателей качества жизни				
		очень низкое, 1 балл	низкое, 2 балла	среднее, 3 балла	хорошее, 4 балла	высокое, 5 баллов
3	Семейная удовлетворенность				+	
4	Состояние окружающей среды	+				
5	Здоровье				+	
6	Образование					+
7	Безопасность		+			
8	Уверенность в будущем					+

В табл. 3 для примера знаками «+» отмечены некоторые гипотетические исходные данные предположительного опроса или обработанной выборки некоторых статистических исследований.

Уважаемый Читатель легко может представить себе, что при заполнении «плюсами» табл. 3 любой Респондент испытывает трудности по поводу того «куда поставить “+”?». Неуверенный и субъективный выбор той или иной соседней клетки – это и есть упомянутая ранее погрешность в 20 %.

3.4. Вычисление абсолютного индекса качества жизни

Абсолютный индекс качества жизни I_{abc} в самом простом варианте может быть вычислен по формуле

$$I_{\text{абс}} = \frac{\sum_{i=1}^n K_i}{n}, \quad (1)$$

где n – количество выбранных показателей качества жизни; i – номер конкретного показателя; K_i – количественная оценка (величина в баллах) конкретного показателя.

Покажем, как формула (1) выглядит для 8 показателей, указанных в табл. 3:

$$I_{\text{абс}} = \frac{K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5 + K_6 + K_7 + K_8}{8}. \quad (2)$$

Для приведенной в табл. 3 некоторой гипотетической ситуации (отмечена знаками «+») коэффициенты K_i имеют следующие конкретные числовые значения:

$K_1 = 4$ балла; $K_2 = 3$ балла; $K_3 = 4$ балла; $K_4 = 1$ балл;

$K_5 = 4$ балла; $K_6 = 5$ баллов; $K_7 = 2$ балла; $K_8 = 5$ баллов.

В этом случае численное значение абсолютного индекса качества жизни, согласно формуле (2), будет равно

$$I_{\text{абс}} = \frac{4+3+4+1+4+5+2+5}{8} = 3,5.$$

3.5. Вычисление относительного индекса качества жизни

Для того чтобы иметь возможность производить сравнение индексов качества жизни с нормами, нужно перевести абсолютную оценку в относительную, т.е. в диапазон 0 – 1. Для этого выполним операцию масштабирования, разделив полученное значение абсолютного индекса качества жизни $I_{\text{ааб}}$ на количество принятых в методике качественных оценок m . Сделаем это для нашего примера

$$I_{\text{ио}} = \frac{I_{\text{ааб}}}{m} = \frac{3,5}{5} = 0,7. \quad (3)$$

Использование относительного индекса качества жизни $I_{\text{ио}}$ является более удобным, чем использование $I_{\text{ааб}}$. Удобство заключается в том, что в диапазоне 0 – 1 можно сравнивать численные оценки качества жизни, полученные для различных вариантов качественных показателей и принятых шкал количественных оценок.

3.6. Определение уровня качества жизни

Если теперь вычисленное значение относительного индекса качества жизни $I_{\text{ио}}$ сравнить с численными значениями в табл. 1, то можно определить качественный уровень качества жизни.

Для рассматриваемого здесь примера видно, что при $I_{\text{ио}} = 3,5$ из табл. 1 получается, что гипотетический Респондент имеет «хороший уровень жизни».

Итак, задача по измерению качества жизни решена.

4. Рекомендации по уточнению методики

Одной из наиболее полезных рекомендаций по уточнению рассмотренной здесь методики является введение в расчет так называемых весовых коэффициентов для показателей качества жизни. Эта процедура фактически представляет собой ранжирование показателей качества жизни по их важности. При этом Респондент может по своему усмотрению (на каком-то основании) усиливать одни показатели и ослаблять другие.

Обозначим весовые коэффициенты буквой k_i . Примем за исходную (нормальную) величину весового коэффициента значение равное $k_i = 1$. Показатель, который, по мнению Респондента, влияет на качество жизни сильнее, чем норма, можно усилить, придав весовому коэффициенту значение больше 1. Например, $k_i = 1,5$. Показатель, который, по мнению Респондента, влияет на качество жизни слабее, чем норма, можно ослабить, придав ему значение меньше 1. Например, $k_i = 0,7$.

При этом становится очевидным, что ранжирование показателей качества, а значит и назначение их весовых коэффициентов, является процедурой субъективной.

В случае введения в методику весовых коэффициентов формула (1) приобретает уточненный вид

$$I_{\text{ааб}} = \frac{\sum_{i=1}^n K_i k_i}{n}. \quad (4)$$

Покажем, как введение весовых коэффициентов отразится на выполнении расчета и на окончательном результате.

Жердев П. А.
P. A. Zherdev

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДДЕЛКИ
ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО
СРЕДСТВА, СОВЕРШЕННЫХ В ЦЕЛЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИЛИ СБЫТА**

**INVESTIGATION OF CASES THAT ENTAIL COUNTERFEITING OR DESTRUCTING
IDENTIFICATION NUMBER-PLATES OF AUTOMOTIVE VEHICLES FOR THE PUR-
POSES OF FURHTER USE OR RESALE**

Жердев Павел Александрович – преподаватель кафедры криминалистики ДВЮИ МВД РФ; 66-34-90. E-mail: pashkhv@mail.ru
Mr. Pavel A. Zherdev – Lecturer, Department of Criminalistics, the Far Eastern Law Institute, Interior Ministry of Russia; phone: 66-34-90. E-mail: pashkhv@mail.ru

Аннотация. Вопросы, посвященные идентификации транспортных средств по имеющимся у них маркировочным обозначениям, настоятельно требуют более конкретного теоретического осмысления и изучения. В настоящем исследовании предлагается авторское решение наиболее сложных, малоизученных вопросов, касающихся данной проблемы.

Summary. Questions related to identification of automotive vehicles by special marking signs urgently needs to be deeper studied and better understood in the theoretical perspective. The paper proposes an original solution to the most complicated and poorly investigated issues linked to this problem.

Ключевые слова: транспортные средства, идентификационный номер, знак первичной маркировки.

Key words: means of transport, identification number-plate, primary marking sign.

УДК 343.982.3:343.346

На современном этапе развития нашего государства во всех сферах деятельности повсеместно идет внедрение новых автоматизированных систем информационно-аналитической поддержки, в том числе при выявлении и расследовании преступлений с использованием технологии Data Mining [1, 213-228].

Как показывает ознакомление с практикой применения указанной технологии, она, в частности, позволяет:

- выявлять признаки преступления и скрытые связи и закономерности противоправного поведения участников противоправной деятельности;
- проводить проверку версий реализации преступлений, выдвинутых в процессе их выявления, раскрытия и расследования;
- отображать в наглядной форме результаты исследований, включая подбор совокупности факторов, свидетельствующих о виновности или невинности того или иного лица;
- осуществлять контроль процесса расследования.

Одним из способов совершенствования информационного обеспечения расследования является создание автоматизированного рабочего места (АРМ) дознавателя, предоставляющего широкую палитру информационных и правовых средств ведения расследования.

АРМ представляет собой комплекс аппаратных и программных средств, размещенных на рабочем месте и обеспечивающих оперативное удовлетворение его информационных и

вычислительных потребностей. АРМ объединяет программно-аппаратные средства, обеспечивающие взаимодействие человека с компьютером, предоставляет возможность ввода информации (через клавиатуру, компьютерную мышь, сканер и т.п.) и её вывод на экран монитора, принтер, графопостроитель, звуковую карту (динамики) или иные устройства вывода. Как правило, АРМ является частью автоматизированной системы управления [2]. Автоматизированная система управления (АСУ) – комплекс аппаратных и программных средств, предназначенный для управления различными процессами в рамках технологического процесса, производства, предприятия.

С. И. Захарин считает, что компьютеризированным рабочим местом следователя (КРМС) можно назвать эргономическую систему материального (помещение, мебель для работы и т.д.), аппаратного (персональный компьютер, периферийные устройства, средства связи и передачи данных и т.д.) и программного (совокупность системных и прикладных программных средств и т.д.) обеспечения деятельности следователя [3, 65]. Приведенное отражает понятие АРМ в широком смысле.

В узком смысле понятие АРМ представляет собой набор компьютерных, программных и информационных средств (базы данных, массива информации и средств их передачи), обеспечивающих выполнение задач и достижение целей деятельности дознавателя.

АРМ «Дознаватель» должно включать не только программные средства получения необходимой правовой и неправовой, ориентирующей информации, но и средства их обработки, а также всю палитру приспособленных под выполнение конкретных задач расследования компьютерных и информационных средств, позволяющих планировать ход расследования, учитывать ранее полученную по другим делам информацию, осуществлять в автоматическом режиме контроль сроков производства определенных действий (блок «Контроль сроков производства»).

Например, получая материалы с признаками противоправного деяния, предусмотренного ст. 326 УК РФ, дознаватель в автоматическом режиме формирует план осуществления конкретных процессуальных действий, составления процессуальных документов с возможностью вносить изменения по ходу проводимого расследования. Контроль сроков осуществляется в режиме оповещения с помощью всплывающих окон и подсказок о необходимости совершения процессуального или непроцессуального действия или подготовки к их совершению. Указанный модуль позволит:

- изжить практику пропуска сроков составления процессуальных документов; затягивания сроков расследования;
- контролировать полноту и своевременность дознания;
- снизить процессуальные нарушения, связанные с ненаправлением или несвоевременным направлением определенных процессуальных документов (например, уведомлений о вызове для ознакомления с постановлением, о назначении экспертизы и др.);
- контролировать ход расследования и вносить необходимые корректировки и замечания, сосредоточиться на наиболее важных тактических и методических направлениях процессуальной деятельности.

Вместе с этим необходимо констатировать, что несмотря на наметившуюся тенденцию использования информационных технологий автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) обеспечения дознания, создания «думающих» информационных систем на основе искусственного интеллекта, позволяющих обрабатывать большой объем поступающей информации и принимать на ее основе решения, нередко в подразделениях дознания все это отсутствует. Разумеется, это отрицательно сказывается на результатах деятельности подразделений, профессионализме дознавателей.

Еще одним направлением развития автоматизации предварительного следствия в форме дознания является создание информационных экспертных систем расследования определенной категории преступлений. Как нам представляется, при создании таких информационных экспертных систем не обязательно создавать программы, выдающие готовые

Жердев П. А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДДЕЛКИ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, СОВЕРШЕННЫХ В ЦЕЛЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИЛИ СБЫТА

документы при заполнении определенных полей ввода (нельзя забывать о юридическом стиле и слоге конкретного исполнителя), но необходимо создавать электронный макет уголовного дела и электронные макеты процессуальных документов (протоколов, определений, постановлений), используя которые можно готовить грамотные документы применительно к расследованию конкретного преступления.

Электронные макеты дел при осуществлении дознания должны содержать опции, выставляющие напоминания о необходимости осуществления конкретного процессуального (следственного) действия, что позволит строго отслеживать соблюдение процессуальных сроков при ведении дознания.

Указанные макеты позволят избежать дополнительное обращение за информацией в различные функциональные отделы (к примеру, в регистрационно-экзаменационное подразделение ГИБДД), что, безусловно, ускорит процесс расследования.

Создание подобной системы в подразделениях дознания позволит автоматизировать и сделать менее зависимым от человеческого фактора процесс расследования, а также предоставит возможность проводить расследование с применением новейших информационных технологий (электронный документ, электронная цифровая подпись и др.). К тому же указанная система позволит осуществлять доступ к различным информационным ресурсам в режиме реального времени для получения интересующей информации и документов.

Внедрение экспертной системы в процесс дознания позволит также уйти от «разночтений» нормативных актов и привести к единообразному пониманию и применению законодательства. В конечном итоге использование экспертных систем создаст возможность для внедрения новых методов и методик осуществления дознания, в том числе при расследовании подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. В целом технологию Data Mining достаточно точно определяет Григорий Пиатецкий-Шапиро – один из основателей этого направления: Data Mining (интеллектуальный анализ данных) – это процесс обнаружения в сырых данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности: См.: Piatetsky-Shapiro, G. Knowledge Discovery in Databases: An Overview / W. Frawley, G. Piatetsky-Shapiro, C. Matheus – AI Magazine. – 1992. – P. 213-228. См. также: Афонин, П. Н. Data Mining в управлении таможенными рисками / П. Н. Афонин, С. Н. Гамидуллаев. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008.
2. Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
3. Захарин, С. И. Информационное обеспечение расследования и деятельности по установлению разыскиваемых лиц, предметов и орудий преступления с помощью компьютерных технологий: дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Захарин. – Волгоград, 2003.

Степанов М. Е.
M. E. Stepanov

ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

TACTICAL COMBINATIONS TO BE USED FOR INVESTIGATION OF MURDERS COVERED UP BY FAKE SCENARIOS, AS COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Степанов Максим Евгеньевич – адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, Хабаровск); 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15; 8(914)545-53-05. E-mail: mstep71@mail.ru

Mr. Maxim E. Stepanov – Associate Professor, thy Far East Law Institute, Interior Ministry of the Russian Federation, Russia, city of Khabarovsk, 680020, 15 Kazarmenny pass; phone: +7 914 5455305. E-mail: mstep71@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения оперативно-тактических комбинаций в процессе раскрытия убийств, совершенных организованными преступными группами, скрытых инсценировками. Автор обосновывает мнение о целесообразности данного подхода, как одного из эффективных методов борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступной деятельности.

Summary. The paper discusses the possibility of using operative and tactical combinations for investigating murders covered up by fake scenarios, committed by organized criminal groups. The author substantiates an opinion that this approach should be an effective method to combat most dangerous forms of organized criminal activity.

Ключевые слова: организованная преступная группа, убийство, инсценировка, оперативно-тактическая комбинация.

Key words: organized criminal group, murder, fake scenarios, operative and tactical combinations.

УДК 343.985.7

Убийства, совершенные организованными преступными группами (ОПГ), являются одним из наиболее опасных проявлений преступной деятельности. Следует обратить внимание на то, что в современных условиях нарастающей тенденцией такого рода преступлений становится их разнообразие. Часто способы их совершения и сокрытия не укладываются в существующие представления, приобретая новую криминалистическую окраску. Свидетельством этого являются убийства, совершаемые членами ОПГ, скрытые инсценировками. Свойственные преступным сообществам организованность, наличие криминального опыта, необходимых сил и средств, знание особенностей профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов – все это позволяет прибегать к такому сложному, но в то же время надежному способу сокрытия, как инсценировка.

Кратко остановимся на понятийной доктрине обозначенной проблемы и рассмотрим некоторые ее характерные черты. По нашему мнению, инсценировка – это умышленная деятельность участников ОПГ или связанных с ними лиц, направленная на видоизменение материальной картины совершенного убийства, сопровождающаяся соответствующим поведением, для придания преступлению видимости иного, преимущественно некриминального

Степанов М. Е.

**ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ
ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ**

события. Анализ судебно-следственной практики показывает, что наиболее распространенными видами инсценировок являются инсценировки самоубийства, несчастного случая, смерти в результате заболевания либо убийства, но «якобы совершенного иными лицами». Так, в г. Санкт-Петербурге обезврежена ОПГ «черных риэлторов» под руководством В. Тихонова. По материалам следствия в группировку входил дипломированный врач, добавлявший в спиртное жертвам, склонным к алкоголизму, сильнодействующие лекарственные препараты. Смерть потерпевших наступала от остановки сердца в течение получаса после приема жидкости. При этом медицинский диагноз смерти соответствовал ишемической болезни сердца и не вызывал подозрений. Лиц, не желавших употреблять спиртное, преступники привязывали к кровати, ножом разжимали зубы и вливали жидкость в рот (см. прим. 1).

Латентность «определяет лицо» и выступает одной из характерных особенностей рассматриваемых убийств. Об этом красноречиво говорит крайне низкое число преступлений подобного рода, попадающих в поле зрения правоохранительных органов. Так, согласно данным Д. Н. Лозовского, «инсценировка по убийствам, совершаемым организованной преступной группой, имеет место в 5 % случаев по изученным уголовным делам» [4, 68]. Объективности ради приходится констатировать, что по существу мы сталкиваемся лишь с неудавшимися вариантами инсценировок, позволяющими говорить об имевшем место факте убийства. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что традиционные методы, применяемые, например, при раскрытии убийств бытового характера, скрытых аналогичным образом, в этом случае не всегда эффективны, требуют своего пересмотра и усовершенствования.

Каковы же пути решения обозначенной проблемы? Изучение организованной преступности все больше и больше приводит нас к выводу о том, что борьба с ее проявлениями в современных условиях посредством разрозненного использования уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств, хотя и объединенных одной целью, не всегда продуктивна. Как известно, процесс раскрытия убийств, совершенных членами ОПГ, скрытых инсценировками, протекает в условиях информационной неопределенности и жесткого противодействия расследованию. Особую актуальность здесь приобретает тактика оптимального сочетания различных комбинаций следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий.

В целом идея использования тактических комбинаций (или, по-другому, операций) в борьбе с преступностью как частная криминалистическая теория начала формироваться во второй половине XX в. Этой теме посвящены труды Л. Я. Драпкина, А. В. Дулова, В. Н. Карагодина, В. И. Шиканова [1; 2; 3; 7] и других ученых. Однако на сегодняшний день говорить о том, что такая многогранная проблема исследована полностью было бы неверным.

Мы не ставим перед собой цель разрешения многочисленных дискуссионных вопросов, относящихся к теории тактических комбинаций. Отправной точкой изучения перспектив их использования в раскрытии рассматриваемого вида преступлений послужила концепция оперативно-тактических комбинаций, разработанная и научно обоснованная Н. Е. Мерецким. Взяв данную концепцию за основу, раскроем основные ее положения и попытаемся экстраполировать их на предмет нашего исследования.

Ученый справедливо полагает, что добиться успеха в расследовании преступлений только на основе использования тактических комбинаций, разработанных криминалистикой, довольно трудно. Для оптимизации этого процесса необходимо применение оперативных данных, внедренных в методику расследования, т.е. решение проблем объединения знаний, достигнутых иными науками (не обязательно юридическими), при четко налаженном взаимодействии всех служб и подразделений правоохранительных органов. Эти положения, по мнению автора, являются основой для объединения понятий «тактическая комбинация» и «оперативная комбинация».

Обозначенная идея позволила сформулировать следующее определение: «Оперативно-тактическая комбинация – это определенное закономерное комплексное сочетание нескольких тактических и оперативных комбинаций, запланированных и проводимых с использова-

нием фактора внезапности в целях решения конкретных задач расследования, обусловленных данной следственной ситуацией» [5, 29]. Анализ приведенной дефиниции показывает, что природа оперативно-тактической комбинации заключается в интеграции не только следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, но и всех тактических операций, проводимых в рамках расследования. Иными словами, оперативно-тактическая комбинация включает в себя серию взаимосвязанных комбинаций как следственного, так и оперативного характера, которые относительно рассматриваемого термина весьма условно можно назвать «подкомбинации».

Касаясь немаловажного вопроса систематизации оперативно-тактических комбинаций, по одной из классификаций Н. Е. Мерецкий подразделяет их на: проверочные, типичные и уникальные [5, 48]. Полагаем, что подобная дифференциация имеет не только теоретическое, но и утилитарное значение. Исходя из этого, исследуем возможности реализации обозначенных комбинаций в процессе выявления и раскрытия убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками.

Методологическую основу разработки оперативно-тактических комбинаций, по нашему мнению, должны составлять закономерности криминалистической характеристики убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками. А именно: жесткие корреляционные связи между элементами способа преступления, личностью преступника и потерпевшего, способом и обстановкой преступления. В то же время не стоит умалять значимости информации о механизме образования следов преступления, обстоятельствах, способствующих или препятствующих его совершению, специфики следственной ситуации и иных криминалистически важных признаках. Знание указанных особенностей позволит избежать методических ошибок при планировании комбинаций и точно направить их для решения поставленной задачи. Первичный информационный фундамент предлагаемых комбинаций могут и должны составлять аналитические сведения относительно ОПГ, содержащиеся в соответствующих учетах, базах и банках данных как оперативно-розыскной, так и криминалистической направленности.

Характерной особенностью первоначального этапа расследования рассматриваемых нами преступлений является отсутствие явных первоначальных признаков, указывающих на криминальный характер наступления смерти потерпевшего. Полагаем, что в подобной ситуации эффективно применение проверочных оперативно-тактических комбинаций. «Такие комбинации, – указывает Н. Е. Мерецкий, – носят осведомительный характер и проводятся в начальный период расследования, когда еще не совсем ясно, совершено правонарушение или преступление» [6, 146]. Отсюда следует, что основной целью проверочной комбинации будет являться разоблачение инсценировки, установление факта убийства и получение иной криминалистически значимой информации. Таким образом, результаты проверочной комбинации минимизируют уровень информационной неопределенности и ложатся в основу принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Это, в свою очередь, позволит максимально полно использовать не только оперативный, но и следственный арсенал, что существенно расширяет потенциал расследования.

Учитывая все многообразие складывающихся на практике следственных ситуаций, здесь и далее мы вынуждены ограничиться примерным перечнем мероприятий, подлежащим трансформации в зависимости от конкретных обстоятельств. По нашему мнению, содержание мероприятий, входящих в проверочные оперативно-тактические комбинации, должно включать в себя наиболее рациональное одновременное сочетание следующих шагов:

- осмотра места происшествия и трупа, а также вероятных путей прихода и ухода преступников, предполагающих обнаружение негативных обстоятельств, свидетельствующих об инсценировке, и установление взаимосвязи выявленных следов с конкретным лицом;
- предварительное исследование на месте происшествия криминалистически значимых объектов с использованием соответствующих технических средств, стоящих на вооружении экспертных подразделений;

Степанов М. Е.

**ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ
ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ**

- последующее проведение исследований в лабораторных условиях (например, патологоанатомическое исследование трупа);
- проведение широкого комплекса комбинаций оперативно-розыскных мероприятий, направленных на отработку лиц из числа близкого окружения и связей потерпевшего, установление местонахождения предполагаемых преступников, обнаружения вероятных мест нахождения вещественных доказательств и т.д.;
- обращение к соответствующим информационным массивам, учетам, банкам данных правоохранительных органов;
- осуществление организационных мероприятий, выражающихся в направлении необходимых запросов, ориентировок в различные учреждения и организации и т.д.;

В последующем проверочные оперативно-тактические комбинации при необходимости могут трансформироваться в типичные либо уникальные комбинации, ориентированные на установление непосредственных членов группировки, причастных к совершению убийства, и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В рамках дальнейшего этапа расследования, уже характеризующегося наличием определенной информации, целесообразно использование типичных, однако в большей степени уникальных, оперативно-тактических комбинаций. Типичная оперативно-тактическая комбинация трактуется как допустимое совокупное использование тактических приемов по реализации следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий на начальном этапе расследования, в зависимости от следственной ситуации, в целях дальнейшего выдвижения версий, планирования расследования и проведения целесообразной работы по уголовному делу [6, 61]. Отсюда вытекает, что типичная комбинация преследует своей целью непосредственное установление и проверку обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что типичная комбинация предназначена для решения широкого круга задач. В нашем случае к ним относятся – определение механизма подготовки, совершения и сокрытия преступления; установление личности преступников и степени их отношения к организованной преступности; выяснение мотивов совершения убийства и мотивов его сокрытия инсценировкой; сбор и закрепление доказательственной базы и т.д.

Примером может выступать типичная оперативно-тактическая комбинация, направленная на создание доказательственной базы вины членов ОПГ, состоящая из:

- допросов задержанных участников ОПГ с применением подкомбинаций, ориентированных на установление не только обстоятельств убийства, но и на разоблачение участников ОПГ (например, формирование чувства неуверенности в сообщниках, создания преувеличенного представления о массиве доказательств, имеющихся в распоряжение следствия и т.д.);
- очных ставок, проведенных в тактически грамотной последовательности и дополняющих результаты допросов;
- серии обысков для обнаружения орудий преступления, иных доказательств инсценировки и причастности к ОПГ, с предварительным осуществлением оперативных подкомбинаций по обеспечению оптимизации их проведения (например, по установлению всех вероятных адресов, мест хранения, обеспечению внезапности, пресечению возможного сопротивления, уничтожения доказательств и т.д.);
- освидетельствования задержанных участников ОПГ с целью обнаружения и фиксации на их теле и одежде следов преступления (например, следов сопротивления жертвы);
- получения от них необходимых образцов для сравнительного исследования (например, образцов крови, следов пальцев рук, обуви, волос, подногтевого содержания и т.д.);
- назначения и производства целого ряда судебных экспертиз (например, судебно-медицинской, судебно-трасологической, судебно-баллистической, судебно-химической и других с целью определения причины смерти и обнаружения негативных обстоятельств);
- комбинаций в рамках оперативного сопровождения по делу, направленных на оперативную разработку задержанных, отработку их на причастность к совершению иных

преступлений, выявлению неустановленных членов группировки, очевидцев преступления, ранее не известных следствию доказательств.

Представленная нами типичная оперативно-тактическая комбинация универсальна по своей природе. Основу ее природы составляет метод аналогии. Это своего рода «шаблон», который может использоваться в типичных следственных ситуациях, возникающих при расследовании убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками. Результаты типичной комбинации могут стать необходимой информационной базой для разработки и осуществления уникальных оперативно-тактических комбинаций.

Уникальная оперативно-тактическая комбинация применяется при раскрытии наиболее трудной категории дел, к которым мы по праву причисляем убийства, совершенные ОПГ, скрытые инсценировками. Оправдывая свое название, она более сложна по внутренней структуре, неповторима и используется лишь единожды, в рамках конкретного уголовного дела. В этом ее принципиальное отличие от проверочных и типичных комбинаций. Разработка и реализация такой комбинации должна осуществляться только следственно-оперативной группой, при наличии достаточной информационной базы, что, в свою очередь, возможно лишь после предварительного проведения проверочных или типичных комбинаций. «Уникальная оперативно-тактическая комбинация – это неповторимое сочетание оперативно-тактических приемов, следственных действий и иных мероприятий, применяемых в простых, сложных, проверочных или типичных комбинациях, разработанных и реализованных следственно-оперативной группой в определенной следственной ситуации при раскрытии и расследовании конкретного преступления» [5, 48].

В рамках настоящей статьи нет возможности дать перечень всех действий, составляющих структуру уникальных оперативно-тактических комбинаций, реализуемых в рамках раскрытия рассматриваемой категории преступлений, так как он будет большим, но далеко не исчерпывающим. Тем не менее, опираясь на научные изыскания Н. Е. Мерецкого, мы можем выделить общие векторы (направления) ее разработки и применения. Схематично их можно обозначить как:

- а) способ сокрытия убийства – преступник;
- б) способ подготовки и совершения убийства – преступник;
- в) личность жертвы – преступник;
- г) следы преступления – преступник.

Попутно заметим, что указанная схема вписывается в алгоритм не только уникальной, но и других разновидностей оперативно-тактических комбинаций.

Исходя из вышеизложенного, не трудно убедиться в том, что посредством оперативно-тактических комбинаций может быть достигнуто решение самого широкого круга задач. Однако основными из них будут являться:

- разоблачение инсценировки;
- установление лиц, причастных к подготовке, совершению и сокрытию убийства;
- установление отношения данных лиц к организованной преступной деятельности.

Разумеется, что решение поставленных задач посредством применения обозначенных нами комбинаций немислимо без отлаженного взаимодействия между участниками расследования. В нашем случае этот вопрос приобретает особую остроту. Процесс взаимодействия предусматривает совместную разработку комбинации, непрерывный и, что самое важное, незамедлительный обмен информацией, поступающей в ходе ее реализации, внесение необходимых корректив и т.д.

Резюмируя сказанное, мы приходим к выводу о том, что оперативно-тактические комбинации могут стать эффективным инструментарием в борьбе с организованной преступностью. Продуктивность данного метода определяется тем, что позволяет, опираясь на уже имеющиеся, успешно зарекомендовавшие себя разработки, объединить и максимально продуктивно использовать комплексный потенциал сил и средств, стоящих на вооружении правоохранительных органов.

Степанов М. Е.

**ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ
ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ**

ЛИТЕРАТУРА

1. Драпкин, Л. Я. Тактические операции в расследовании преступлений и особенности их проведения по делам о хищениях / Л. Я. Драпкин // Профилактика и расследование посягательств на социалистическую собственность: тр. Горьковской высшей школы МВД СССР: вып. 5. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1976. – С. 72-79.
2. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.
3. Карагодин, В. Н. Тактические операции в теории криминалистики и следственной практике / В. Н. Карагодин // Вопросы совершенствования социального и правового регулирования. – Свердловск: Сверд. УрГУ, 1981. – С. 140-145.
4. Лозовский, Д. Н. Процессуальные, организационно-тактические и методические особенности расследования убийств, совершаемых организованной преступной группой: дис. канд. юрид. наук / Д. Н. Лозовский. – Краснодар, 2004. – 234 с.
5. Мерецкий, Н. Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации: науч.-практ. пособие / Н. Е. Мерецкий. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – 368 с.
6. Мерецкий, Н. Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. д-ра юрид. наук / Н. Е. Мерецкий. – М., 2001. – 476 с.
7. Шиканов, В. И. Некоторые перспективы развития тактических операций / В. И. Шиканов // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью № 76 (Вопросы криминалистики). – М., 1983. – С. 64-68.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Деловая пресса // «Черные риэлторы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_34_aId_135078.html

Яковлева Т. А., Кудрякова Н. В.
T. A. Iakovleva, N. V. Kudriakova

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

COMPETENCE-BASED DETERMINISM AFFECTING THE DEVELOPMENT OF A COMPANY

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru

Ms. Tatiana A. Iakovleva – PhD in Economics, Professor, Department of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur. E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Кудрякова Надежда Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kudryakova_08@mail.ru

Ms. Nadezhda V. Kudryakova – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме соответствия компетенций работников требованиям на разных этапах жизненного цикла организации. Авторами предложен алгоритм определения перечня приоритетных компетенций работников на каждом этапе и приведения его в соответствие для обеспечения более эффективного развития организации.

Summary. The paper deals with the problem of how competences of a company's employees should meet existing requirements at different stages of the life cycle of the organization. The authors suggest an algorithm for identifying a list of first priority competences at each of the stages, and ways of bringing it in line with the task of ensuring a more efficient development of the organization.

Ключевые слова: компетенции, компетентностная детерминированность, этапы жизненного цикла организации, конкурентоспособная эффективность организации.

Key words: competence, competence-based determinism, life cycle of a company, competitive performance of a company.

УДК 334.01

Успешность развития и конкурентоспособность организации во многом определяется умением ее сотрудников своевременно и профессионально реагировать на происходящие изменения как во внешней среде, так и во внутреннем состоянии организации. Более того, необходимо управлять этими изменениями, что предполагает наличие у сотрудников организации определенного набора компетенций.

Целевая функция организации, как правило, неизменна в течение всего периода ее существования. Однако по мере развития организации изменяются ее приоритетные цели и задачи, для эффективного решения которых требуется соответствующая модель компетенций работников. Иными словами, развитие организации вызывает смену приоритетов в знаниях, навыках и умениях ее сотрудников. Анализ задач организации на разных этапах ее жизненного цикла позволяет определить наиболее важные, определяющие компетенции сотрудников, увидеть компетентностную детерминированность развития организации.

Сегодня в теории менеджмента представлено огромное количество концепций жизненного цикла организации. Модель, наиболее часто используемая в отечественной науке и

практике, предусматривает четыре этапа жизненного цикла организации: этап становления, этап роста, этап зрелости, этап упадка.

На стадии *становления* происходит внедрение организации на рынок, проведение активного маркетинга и налаживание связей с поставщиками и инвесторами. Специалисты организации занимаются вопросами проработки стратегии развития, привлечения источников финансирования, набора персонала и формирования сплоченной команды, выстраивания взаимодействия с заинтересованными сторонами. Здесь требуется очень мощный уровень креативности со стороны руководителя, что позволяет сплотить работников организации вокруг «идеи» и создать заинтересованность в ее практическом воплощении. Сотрудники должны обладать не только высоким уровнем профессиональных компетенций, но и определенными личностными качествами: способностью конструктивно воспринимать идеи, навыками самоорганизации и умением работать в команде.

По мере *роста* организации руководитель делегирует все больше полномочий работникам, во внутренней среде организации происходит упорядочивание процессов, процедур, коммуникаций, формирование системы стимулирования.

Первостепенное значение на этом этапе приобретает умение работников анализировать ситуацию, выявлять проблемы и предлагать пути их решения. В большей степени требуется командный стиль работы, который проявляется в способности сотрудников работать в группе целенаправленно, учитывать предложения и замечания руководства и коллег, а также в готовности к критическому пересмотру своей позиции. На этом этапе часто требуется повышение квалификации персонала.

Этап *зрелости* или оптимального функционирования характеризуется успешной высокоэффективной работой организации на основе отработанной технологии и организации производства, прогрессивных форм и методов управления всеми процессами, активной маркетинговой деятельности. На этом этапе реализуются мероприятия по интенсивной модернизации и диверсификации производства, осуществляется поиск новых контрагентов. Необходимым условием эффективной деятельности организации является обучение сотрудников инновационным методам работы, формированию у них навыков восприятия и воспроизводства инноваций, чтобы не допустить или сделать менее болезненным этап упадка.

На этапе *упадка* в условиях жесткого контроля расходов от сотрудников зачастую требуется исполнительность, лояльность, но также необходимо развитие компетенций, акцент на которые был сделан на предыдущем этапе.

Таким образом, для поддержания конкурентоспособной эффективности организации руководителю или менеджеру по персоналу необходимо учитывать компетентностную детерминированность сотрудников на каждом из этапов ее жизненного цикла. И в каждой точке перехода от одного этапа к другому необходима смена управленческих приоритетов и, соответственно, приоритетов в совокупности компетенций сотрудников, что требует обязательного обучения.

Эффективность корпоративного обучения определяется степенью изменения основных социально-экономических показателей фирмы, которые можно оценить по истечении определенного периода времени.

Результативность обучения проявляется в изменении потенциальных возможностей работников, обусловленных освоением новых приемов профессиональной деятельности, что, в свою очередь, определяется такими факторами, как:

- уровень и качество базовой профессиональной подготовки;
- профессионализм преподавания;
- заинтересованность специалиста в повышении квалификации;
- способность обучаться, усваивать новые приемы работы.

В табл. 1 приведены особенности профессионального развития и оценки компетенций персонала организации на различных этапах жизненного цикла [1].

Особенности профессионального развития и оценки персонала предприятий на различных стадиях их жизненного цикла

Стадия	Становление	Рост	Зрелость	Упадок
Доминирующая мотивация	Перспективные идеи, амбиции	Власть	Материальный доход, стабильность	Межличностные отношения
Особенности компетенции персонала	Широкая специализация персонала	Повышение уровня компетентности нового персонала	Сохранение уровня компетентности основного производственного персонала	Снижение уровня компетенций из-за повышения текучести ключевых работников
Цель управления профессиональным развитием персонала	Формирование команды профессионалов	Адаптация и развитие новых сотрудников	Эффективная расстановка, подготовка резерва, развитие интеграционных квалификаций	Переподготовка и сохранение наиболее высококвалифицированных сотрудников
Содержание оценки персонала	Сертификация персонала	Отбор и подбор персонала	Аттестация на соответствие занимаемой должности	Диагностика кадрового потенциала, выявление низкопродуктивных работников
Дополнительные оценочные показатели профессионального развития персонала	Мобильность, взаимозаменяемость, стрессоустойчивость, гибкость, презентационность	Энергичность, адаптивность, поддержка нововведений, харизматичность	Исполнительность, дисциплинированность, настойчивость, бесконфликтность, последовательность	Активность, новаторство, поддержка нововведений, самоотверженность

Для отслеживания этапов жизненного цикла организации и определения перечня необходимых компетенций предлагается следующий порядок действий, приведенный на рис. 1.

Таким образом, стратегия развития персонала, повышающая надежность и производительность труда, оптимизирующая затраты на обучение, ведущим элементом которой является оценка сотрудников, может быть реализована на любом этапе жизненного цикла предприятия при условии корректировки ее содержания и системы оценочных показателей профессионального развития персонала.

Предлагаемая концепция антикризисного управления прошла апробацию в строительной организации ООО «СМУ СЭМ» г. Комсомольска-на-Амуре.

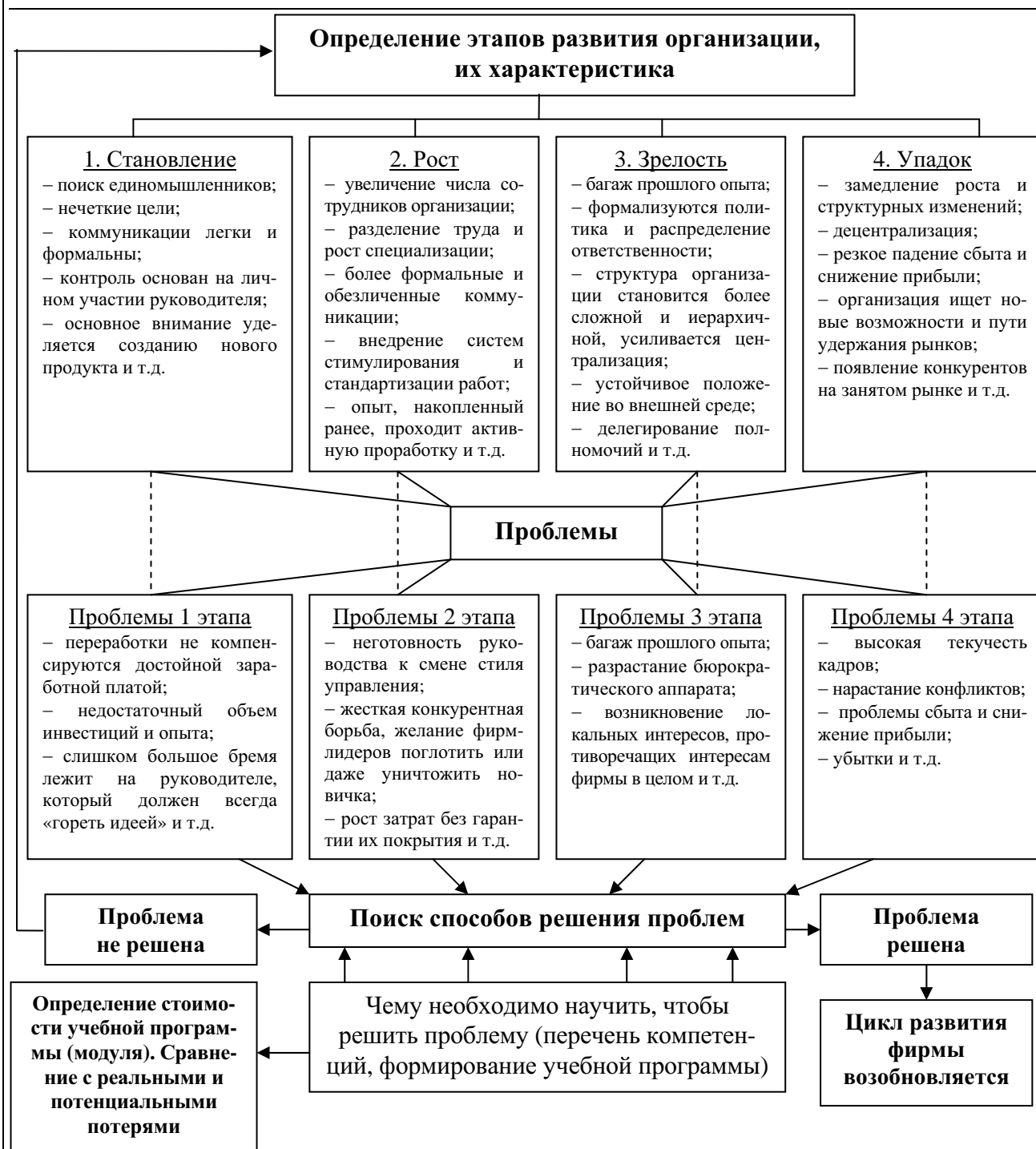

Рис. 1. Схема формализации этапов жизненного цикла организации

Необходимость применения концепции была обусловлена в первую очередь тем, что сложившаяся в организации система подготовки кадров была основана на принципах выживания. В то время как следующий этап жизни организации, характеризующийся развитием производственного потенциала и необходимостью выхода на капитальное строительство промышленных сооружений, требовал пересмотра структуры организации ее бизнес-процессов, новых инновационных подходов к профессиональному обучению, в том числе развитие у персонала новых компетенций [2].

Линейный алгоритм действий по определению стадии развития организации, перечня и уровня необходимых компетенций на данном этапе жизненного цикла, а также устранению выявленных несоответствий представлен на рис. 2.

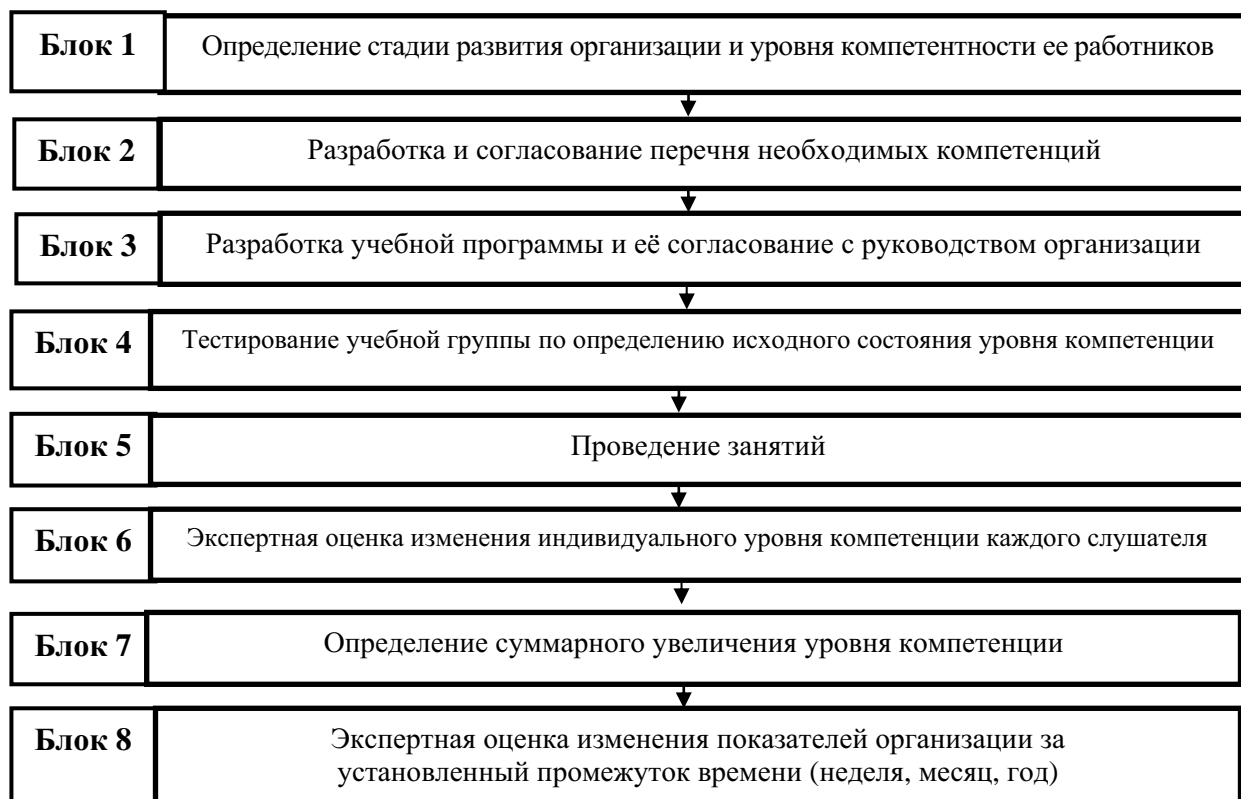

Рис. 2. Алгоритм действий по устранению несоответствий уровня компетенций и требований

В процессе обучения сотрудников получили развитие профессиональные компетенции, компетенции по организации работы, в частности планирования и организации технологического процесса, эффективного использования рабочего времени и др.

В результате обучения был получен государственный сертификат, свидетельствующий о том, что бизнес-процессы организации соответствуют международным стандартам качества, что позволило существенно расширить сферу взаимодействия с внешними потенциальными заказчиками, включая государство.

Таким образом, своевременное реагирование руководства организации на изменения, происходящие на каждом из этапов жизненного цикла, учет компетентностной детерминированности сотрудников способствуют ее успешному развитию и повышению конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропов, В. А. Управление персоналом на предприятиях железнодорожного транспорта: методология организации и оценка эффективности / В. А. Антропов, Б. И. Колесников, А. В. Пиличев. – Екатеринбург: УрГУПС, 2010. – 172 с.
2. Кудрякова, Н. В. Оценка экономической эффективности в системе профессионального образования / Н. В. Кудрякова, Б. В. Смирнов. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2010. – 143 с.
3. Кудрякова, Н. В. Инвестиции в образование как важнейший фактор инновационного развития предприятия / Н. В. Кудрякова, Т. А. Яковлева // Российское предпринимательство. – 2007. – № 9. – С. 142-147.

Пиньковецкая Ю. С.

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР
В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Пиньковецкая Ю. С.

J. S. Pinkovetskaya

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР
В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**EVALUATION METHODS NECESSARY FOR UNDERSTANDING THE ROLE OF
COMMERCIAL COMPANIES IN THE ECONOMY OF CONSTITUENT ENTITIES OF
THE RUSSIAN FEDERATION**

Пиньковецкая Юлия Семеновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономический анализ и государственное управление» Ульяновского государственного университета (Россия); 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42; 8(9510)955584. E-mail: judy54@yandex.ru

Ms. Julia S. Pinkovetskaya – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Economical Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Russia, city of Ulyanovsk, 432017, 42 Lva Tolstogo Str.; phone:+ 7 9510 955584. E-mail: judy54@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены методический подход и авторский алгоритм разработки экономико-математических моделей, описывающих такие показатели, характеризующие роль малого и среднего предпринимательства в субъектах страны, как доли предпринимательских структур в общих объемах производства, а также объем произведенной ими продукции в расчете на одного жителя. Представлены построенные модели и установленные на их основе средние значения рассматриваемых показателей и интервалы их изменения для основных видов экономической деятельности.

Summary. The paper describes a methodological approach and suggests an original algorithm for developing mathematical models appropriate for describing the economic indicators of the role of small and medium companies in the economy of constituent entities of the Russian Federation, such as the share of commercial companies in the total industrial volume, as well as the per capita volume of the product of such enterprises. The math models developed during the study and the average values for the parameters under consideration, along with the dynamics of their variation for the key types of economic activity, are presented.

Ключевые слова: предпринимательство, экономико-математические модели, объем производства, малые предприятия, средние предприятия, индивидуальные предприниматели.

Key words: entrepreneurship, mathematical models in economy, product volume, small enterprises, medium enterprises, individual entrepreneurs.

УДК 332.05:005

Малое и среднее предпринимательство в России имеет непростую историю. К настоящему времени этот сектор национальной экономики включает более 4,5 млн предпринимательских структур (малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей). При этом общая численность работников превысила 19 млн чел., а объем производимой продукции достиг 30 852 млрд р. [5].

Вместе с тем предпринимательство еще не достигло возможного уровня развития, что неоднократно отмечалось в посланиях президента Федеральному собранию и решениях правительства страны. Если учесть сложившиеся в настоящее время существенные различия роли предпринимательских структур в регионах страны, то актуальной представляется разработка научно обоснованных рекомендаций по оценке уровня предпринимательства в субъектах Российской Федерации. Важность таких исследований подчеркивается указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. № 1276 [3]. В нем, в частности, устанавливается необходимость определения перечня показателей оценки эффективности деятель-

ности высших должностных лиц субъектов страны по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности.

В данной статье представлены итоги исследований автора, целью которых являлась разработка методов и инструментов оценки роли предпринимательства в субъектах страны. Представлен алгоритм построения экономико-математических моделей, описывающих такие показатели, как доли предпринимательских структур в общих объемах производства, а также объем произведенной ими продукции в расчете на одного жителя.

Исследования основывались на следующих положениях. Каждое малое предприятие, среднее предприятие, индивидуальный предприниматель, выступая в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта, сами определяют свои цели и задачи, исходя из конкретной ситуации, и ведут рисковую экономическую деятельность. Описание показателей по каждому отдельному предприятию (предпринимателю) с последующим их агрегированием представляет очень сложный и трудоемкий процесс. Поэтому логичным представляется анализ деятельности совокупности предпринимательских структур, объединенных по территориальному признаку. Регулирование предпринимательства в регионах и муниципальных образованиях основывается на анализе деятельности совокупностей предпринимательских структур, расположенных на их территории. При этом формирование предложений и рекомендаций по мониторингу рассматриваемого сектора экономики и повышению его эффективности должно быть направлено на все предприятия и предпринимателей конкретной территории. Если учесть изложенное, то главной особенностью предлагаемого методического подхода является рассмотрение совокупностей малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей в регионах в качестве объектов исследования.

В субъектах Российской Федерации присутствуют предпринимательские структуры, специализирующиеся на различных видах экономической деятельности. Основными видами деятельности, характерными для этих структур, являются, как показали выполненные ранее исследования [4], торговля, обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом. Большинство производимой предпринимательскими структурами продукции реализуется на внутрирегиональных рынках. Ниша, занимаемая предпринимательскими структурами во всех субъектах страны, достаточно однородна. Предприятия и предприниматели обеспечивают своей продукцией как население, так и другие предприятия и организации. Следовательно, задачи поддержки и развития предпринимательства целесообразно решать на уровне субъектов страны.

В качестве выдвигаемой гипотезы в процессе исследований рассматривалась возможность использования для анализа роли предпринимательства в субъектах Российской Федерации таких показателей, как доля предпринимательских структур в общих объемах производства и объем производства товаров и услуг, произведенных этими структурами, в расчете на одного жителя. Первый из этих показателей характеризует уровень, достигнутый предпринимательскими структурами в общих объемах производства, а второй – степень насыщения экономики регионов продукцией и услугами малых предприятий, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей. Если учесть значительные различия субъектов страны по размерам, структуре экономики, географическому положению, то целесообразно их сопоставление осуществлять с использованием удельных значений указанных выше показателей. Это позволяет повысить объективность процедуры оценки и сравнительного анализа субъектов страны.

Объемы производимой продукции и услуг в субъектах страны существенно различаются: при высокой роли предпринимательских структур в экономике региона (большое значение первого показателя) их объемы производства могут быть очень небольшими (малое значение второго показателя). Поэтому предложенные показатели взаимно дополняют друг друга и их рассмотрение в комплексе позволяет сформировать объективную оценку роли предпринимательства в регионах.

В процессе исследований использовался такой инструмент экономического анализа, как экономико-математическое моделирование. В качестве моделей применялись функции плотности нормального закона распределения. Авторский алгоритм исследований включал следующие этапы:

Пиньковецкая Ю. С.

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР
В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

- формирование массивов информации, характеризующих общий объем производства всех предприятий и объем производства, приходящийся на предпринимательские структуры, по каждому субъекту страны и основным видам экономической деятельности;
- формирование информационной базы, отражающей численность жителей каждого из субъектов страны;
- определение общих объемов производства всех предприятий в каждом из субъектов страны;
- определение объемов производства совокупностей предпринимательских структур в каждом субъекте;
- расчет для каждого субъекта доли предпринимательских структур в общих объемах производства и основных видах деятельности;
- расчет удельного объема производства предпринимательских структур, приходящегося на одного жителя соответствующего субъекта страны (в том числе по основным видам деятельности);
- построение функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих полученные значения долей предпринимательских структур в объемах производства и удельных объемах производства, приходящихся на одного жителя;
- анализ полученных функций, в том числе определение средних значений рассматриваемых показателей и интервалов их изменения, характерных для большинства субъектов страны;
- разработку предложений и рекомендаций, вытекающих из построенных экономико-математических моделей.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-статистического анализа, математической статистики и эконометрики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы «Statistica», «Microsoft Excel», «Mathcad». Проверка полученных функций производилась по критериям Пирсона, Колмогорова-Смирнова, Шапиро-Вилка [1].

При построении моделей в качестве исходных данных были использованы показатели сплошного наблюдения за деятельностью малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей за 2010 г., а также данные об объемах производства и численности населения по субъектам страны, представленные на сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по 21 республике, 9 краям и 46 областям [5].

В процессе исследований были разработаны экономико-математические модели как по субъектам страны в целом, так и по основным видам экономической деятельности. Как указывалось выше, модели представляют собой функции плотности нормального распределения.

Доля предпринимательских структур в общих объемах производства по субъектам страны описывается следующей функцией плотности нормального распределения:

$$y(x_1) = \frac{7,50}{0,16 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 0,50)^2}{2 \cdot 0,026}}, \quad (1)$$

где x_1 – доля предпринимательских структур в общих объемах производства по каждому из субъектов страны.

Приведенные в статье формулы и таблицы разработаны автором.

Анализ полученной функции показывает, что несмотря на относительно небольшой период, прошедший с начала формирования предпринимательских структур, в половине субъектов страны их доля в общих объемах производства превышает 50 %.

Для пяти основных видов деятельности, на которых специализируются предпринимательские структуры, также были разработаны функции плотности распределения, описыва-

ющие доли (x_2, x_3, x_4, x_5, x_6) этих структур в объемах производства по субъектам страны для каждого вида деятельности:

- для предпринимательских структур торговли

$$y(x_2) = \frac{4,18}{0,11 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 0,72)^2}{2 \cdot 0,012}} ; \quad (2)$$

- для предпринимательских структур обрабатывающих производств

$$y(x_3) = \frac{4,56}{0,12 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 0,24)^2}{2 \cdot 0,014}} ; \quad (3)$$

- для предпринимательских структур в строительстве

$$y(x_4) = \frac{7,8}{0,13 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4 - 0,71)^2}{2 \cdot 0,017}} ; \quad (4)$$

- для предпринимательских структур транспорта и связи

$$y(x_5) = \frac{7,6}{0,14 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5 - 0,27)^2}{2 \cdot 0,02}} ; \quad (5)$$

- для предпринимательских структур, специализированных на операциях с недвижимым имуществом

$$y(x_6) = \frac{7,7}{0,14 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_6 - 0,68)^2}{2 \cdot 0,02}} . \quad (6)$$

Проверка функций (1)...(6) по принятым критериям (Колмогорова-Смирнова, Пирсона, Шапиро-Вилка) показала, что они обладают высоким качеством. Значения статистик по критериям меньше табличных значений (для критерия Пирсона табличное значение равно 4,61 и для критерия Колмогорова-Смирнова равно 0,15), статистики по критерию Шапиро близки к единице. Эти значения приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты проверки функций (1)...(6) по критериям качества

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова-Смирнова	Пирсона	Шапиро-Вилка
(1)	0,02	0,41	0,99
(2)	0,06	3,08	0,97
(3)	0,06	2,97	0,95
(4)	0,05	1,04	0,95
(5)	0,01	4,10	0,98
(6)	0,06	1,87	0,96

С использованием полученных функций (2)...(6) были определены средние по субъектам Российской Федерации значения долей предпринимательских структур в объемах производства и интервалы изменения этого показателя по большинству субъектов. Следует отметить, что особенностью функций плотности нормального распределения является то, что по ним без сложных расчетов определяются как средние значения, так и интервалы

Пиньковецкая Ю. С.

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР
В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

изменения рассматриваемых показателей. При этом для расчета границ интервалов к средним значениям показателя соответственно прибавляются и вычитаются средние квадратические отклонения. Поскольку функции (2)...(6) описываются нормальным законом распределения, в этих интервалах находятся значения долей предпринимательских структур для большинства (68 %) субъектов страны.

Итоги расчетов по данным за 2010 г. приведены в табл. 2. Интервалы, представленные в табл. 2, позволяют установить субъекты страны, в которых роль предпринимательских структур велика (значения показателя превышают верхнюю границу интервала) и мала (значения показателя меньше нижней границы интервала). Поскольку диапазоны интервалов не очень большие, можно сделать вывод, что в большинстве субъектов нашей страны доля предпринимательских структур, специализированных на каждом из основных видов экономической деятельности, изменяется в относительно небольших пределах.

Таблица 2

Доли предпринимательских структур в объемах производства
по видам экономической деятельности в субъектах Российской Федерации

Вид деятельности	Среднее значение	Интервал изменения
Торговля	0,72	0,61...0,82
Обрабатывающие производства	0,24	0,12...0,36
Строительство	0,71	0,57...0,84
Транспорт и связь	0,27	0,12...0,31
Операции с недвижимым имуществом	0,68	0,54...0,72

Анализ полученных функций и данных табл. 2 показывает, что значения долей предпринимательских структур в общих объемах производства по различным видам экономической деятельности существенно отличаются. Этот показатель имеет большую величину в таких видах деятельности, как торговля (72 %), строительство (71 %) и операции с недвижимым имуществом (68 %). По обрабатывающим производствам, транспорту и связи соответствующие величины имеют значения менее 30 %. Слабое развитие предпринимательства в этих видах деятельности во многом обусловлено историческими особенностями развития предпринимательства и, в частности, отсутствием необходимых средств для развития производства в фондоемких обрабатывающих отраслях, транспорте и связи. Интервалы, представленные в табл. 2, относительно невелики. Это показывает, что в большинстве субъектов нашей страны предпринимательские структуры специализируются на одних и тех же видах экономической деятельности.

Аналогичные функции плотности нормального распределения, характеризующие объем производства товаров и услуг в расчете на одного жителя каждого из субъектов, приведены далее. Функция плотности нормального распределения объема производства всех предпринимательских структур в субъектах, приходящегося на одного жителя,

$$y(x_7) = \frac{2833,33}{62 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_7 - 186,66)^2}{2 \cdot 3844}}, \quad (7)$$

где x_7 – объем производства предпринимательских структур в субъектах в расчете на одного жителя, тыс. р./год.

Соответствующие функции плотности нормального распределения по пяти основным видам деятельности:

- для предпринимательских структур торговли

$$y(x_8) = \frac{2340}{41,44 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_8 - 101,42)^2}{2 \cdot 1717,27}}; \quad (8)$$

- для предпринимательских структур обрабатывающих производств

$$y(x_9) = \frac{507}{10,13 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_9 - 20,20)^2}{2 \cdot 102,62}}; \quad (9)$$

- для предпринимательских структур строительства

$$y(x_{10}) = \frac{351}{6,75 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{10} - 16,88)^2}{2 \cdot 45,56}}; \quad (10)$$

- для предпринимательских структур транспорта и связи

$$y(x_{11}) = \frac{173,33}{3,12 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{11} - 7,37)^2}{2 \cdot 9,73}}; \quad (11)$$

- для предпринимательских структур, специализированных на операциях с недвижимым имуществом,

$$y(x_{12}) = \frac{351}{7,63 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{12} - 14,38)^2}{2 \cdot 58,22}}. \quad (12)$$

Проверка функций (7)...(12) по принятым критериям показала, что они обладают высоким качеством. Значения статистик по критериям приведены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты проверки функций (7)...(12) по критериям качества

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова-Смирнова	Пирсона	Шапиро-Вилка
(7)	0,04	3,10	0,98
(8)	0,06	3,79	0,98
(9)	0,05	1,59	0,96
(10)	0,03	1,77	0,96
(11)	0,06	2,56	0,97
(12)	0,05	2,54	0,97

Средние значения и интервалы изменения второго показателя по субъектам Российской Федерации за 2010 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4

Объем производства предпринимательских структур в субъектах в расчете на одного жителя по видам экономической деятельности, тыс. р.

Вид деятельности	Среднее значение	Интервал изменения
Торговля	101,42	59,98...142,86
Обрабатывающие производства	20,20	10,07...30,33
Строительство	16,88	10,13...23,63
Транспорт и связь	7,37	4,25...10,49
Операции с недвижимым имуществом	14,38	6,75...22,01

Пиньковецкая Ю. С.

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР
В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Данные табл. 4 показывают структуру производимых товаров и услуг по видам экономической деятельности. При этом необходимо учитывать, что оборот в торговле включает стоимость приобретенных ранее товаров. Поэтому объемы производства, указанные в табл. 4, имеют меньшую дифференциацию по видам деятельности по сравнению с табл. 2. Существенно меньшие объемы производства характерны для предприятий транспорта. Это обусловлено, в частности, географическими особенностями нашей страны, для которой характерна большая территория. Поэтому основными видами транспорта в России являются железнодорожный, трубопроводный и авиационный, для которых как в прежние годы, так и в настоящее время характерно преобладание корпораций и крупных предприятий. Малые и средние предприятия специализируются в основном на грузовых и пассажирских автомобильных перевозках и различных видах связи в регионах.

Интервалы изменения двух рассматриваемых в статье показателей позволяют установить субъекты страны, в которых доля предпринимательских структур и объем их производства в расчете на одного жителя велики (значения показателей превышают верхнюю границу интервала) и относительно малы (значения показателей меньше нижней границы интервала). Таким образом может осуществляться мониторинг уровня предпринимательства в субъектах страны.

В процессе исследований выдвинутая гипотеза получила свое подтверждение. Важным является то, что предложенные показатели – доля предпринимательских структур в общих объемах производства и объем производства товаров и услуг, произведенных этими структурами в расчете на одного жителя, – могут быть рассчитаны на основе имеющихся по субъектам страны и их муниципальным образованиям статистических данных. С использованием этих показателей возможна оценка и сравнение роли предпринимательства в регионах Российской Федерации.

Разработанные экономико-математические модели показали, что за относительно небольшой промежуток времени (около 20 лет) предпринимательские структуры заняли значительное место в национальной экономике. В половине субъектов нашей страны на них приходится более 50 % общего объема производимой продукции и услуг. Наибольшее развитие предпринимательство получило в торговле, строительстве и операциях с недвижимым имуществом.

Рассмотренные в статье методический подход и алгоритм, а также полученные средние значения и интервалы изменения двух предложенных показателей могут использоваться для решения широкого круга научных и практических задач оценки роли и места предпринимательских структур в экономике регионов, планирования и прогнозирования развития предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большев, Л. Н. Таблицы математической статистики / Л. Н. Большев, Н. В. Смирнов. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 416 с.
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
3. Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности: Указ Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5068.
4. Пиньковецкая, Ю. С. Сравнительный анализ предпринимательских структур в России / Ю. С. Пиньковецкая // Вестник НГУЭУ. – 2012. – № 1. – С. 155-164.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (дата обращения: 15.09.2012).

Липовка Н. П.
N. P. Lipovka

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОВВЕДЕНИЙ

ACTUALIZING THE SOCIAL POTENTIAL OF COMMERCE BY INTRODUCING INNOVATIONS

Липовка Нина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lipo-nina@yandex.ru

Ms. Nina P. Lipovka – Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenina Pr. E-mail: lipo-nina@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет о реализации социальных функций торговых предприятий через оказание новых видов дополнительных услуг. Автор в качестве примера приводит опыт работы по внедрению нововведений в японских магазинах.

Summary. The paper focuses on the issue of implementing the social functions of business enterprises through the provision of new value added services. The author holds up as an example the efforts to introduce such innovations in Japan's stores.

Ключевые слова: социальный потенциал торговли, демонстрация, технологическое сопровождение, информационное продвижение товаров, нововведения.

Key words: social potential of commerce, demonstration, technology support, informational promotion of products, innovation.

УДК 339.37

Современный этап становления экономики в России характеризуется активным развитием отраслей, ориентированных на предоставление услуг и реализацию товаров. В первую очередь, это касается розничной торговли, через которую население удовлетворяет около 80 % личных потребностей. Социологами признано, что торговля это не только отрасль экономики, но и социальный институт. Отсюда следует, что торговля призвана решать не только экономические, но и социальные задачи, стоящие перед ней на данном этапе развития общества. Известно, что торговле принадлежит большая роль в решении таких социальных задач, как сближение уровня благосостояния и культуры, улучшение условий труда и быта различных социальных групп общества, воспитание культуры потребления и самих потребностей. Особенно ярко социальная направленность ведения бизнеса присуща японским кейрецу – специфическому виду межорганизационной сети [1, 103].

Сочетание социальных и экономических факторов, а также технологический прогресс изменили поведение потребителей и их отношение к торговле. Аналитиками отрасли установлено, что в последнее десятилетие изменилась структура потребностей покупателей, физиологические потребности перестали быть ведущими. Возникает необходимость в удовлетворении потребностей «высшего порядка». Потребитель пытается самоутвердиться, самоидентифицироваться через процесс личного потребления. Ориентация торговых организаций на определенный уровень общественных потребностей помогает формировать эффективную стратегию развития. Исследования показывают, что современные покупатели отли-

чаются новым восприятием торгового пространства и предпочитают магазины с комфортной внутренней средой и разнообразными дополнительными услугами.

Проведенный анализ видов и качества дополнительных услуг в розничных торговых предприятиях г. Комсомольска-на-Амуре показал, что все предприятия копируют услуги друг друга, услуги однотипные и не выходят за рамки ГОСТ Р 51304-99 «Услуги розничной торговли». Между тем сегодня покупатели не удовлетворяются только классическими услугами, а нуждаются в иных услугах, которые условно можно назвать организационными и психологическими. К таким услугам мы можем отнести: демонстрацию товаров в действии, технологическое сопровождение, информационное продвижение товаров.

Демонстрация товаров предполагает показ товара в действии непосредственно в магазине. Для этого выделяются отдельные помещения или зоны в торговом зале, которые оборудуются специальными приспособлениями, с помощью которых покупатель сможет опробовать покупку. Этот вид услуг целесообразно осуществлять в магазинах, торгующих бытовой техникой, электроинструментами, транспортными средствами и т.п. Идея применения демонстрации товаров в магазинах города базируется на методах работы американских магазинов по продаже инструментов и товаров ремонтно-строительного назначения. Прямая демонстрация товара позволит покупателям снизить недоверие к товарной новинке или дорогостоящему товару, а также уменьшить время между мыслью о необходимости приобретения этого товара и реальной покупкой, увеличить товароборот и выручку магазинов.

Демонстрация товаров в действии способствует не только удовлетворению потребностей покупателей в дополнительной информации, но и сокращает время выбора. Демонстрация может быть как разовой в виде рекламной акции при поступлении нового товара, так и постоянно действующей услугой. Первую демонстрацию можно совместить с предоставлением небольших скидок на демонстрируемый товар. Это поможет увеличить число покупателей и «приучить» их к данной услуге. В ряде магазинов города, торгующих технически сложными и строительными товарами, были проведены исследования, которые показали, что почти 86 % опрошенных покупателей желали бы участвовать в демонстрации товаров в магазине.

В качестве примера технологического сопровождения можно привести опыт Японии, где каждый продавец пытается выделиться среди конкурентов и повысить лояльность своих покупателей в долгосрочном периоде. Одним из основных приёмов такого «выделения» считается организационно-технологическое сопровождение. Подобная практика широко распространена в Houme Center SUNDEY японского города Аомори: под руководством менеджера центра дети со своими родителями изготавливают из материалов магазина кормушки для птиц, скворечники, подставки для ног и др. (см. рис. 1).

Рис. 1. Houme Center SUNDEY г. Аомори

Суть метода состоит в том, что покупатель самостоятельно «испробует» товар «своими руками».

В магазинах строительных и отделочных материалов в целях реализации данного предложения мы рекомендуем:

- организовать специальные уроки профессионального мастерства по обучению элементарным умениям работы с инструментами;
- научить работать с некоторыми видами материалов, к которым покупатель испытывает недоверие.

Тренинги позволят уменьшить неуверенность покупателей, наглядно показать преимущества тех или иных материалов. Некоторые покупатели узнают о новых видах отделочных материалов только из рекламы, но не особенно ей доверяют.

Такие занятия целесообразнее проводить в игровой форме для детей и их родителей. Конкурсы и уроки помогут выработать у участников привязанность к конкретному месту покупки, что в будущем окажет воздействие при выборе магазина. Из строительных и отделочных материалов можно делать различные поделки, мелкие бытовые принадлежности. Например, в настоящее время очень популярны скульптуры из монтажной пены, керамические панно из кусочков битой плитки, аппликации из обоев и многое другое. Во время изготовления поделки покупателям можно предложить выполнить ремонт из тех же материалов, например, создать панно из обоев и купить их на всю комнату.

Следует отметить, что затраты на материал при выполнении данных «поделок» будут минимальными, т.к. каждый магазин сталкивается с проблемой неликвидных остатков или брака товара, который можно использовать в реализации данного предложения. Вследствие внедрения рекомендуемой услуги удастся получить не только магазин, который понравится клиентам и, соответственно, принесет больше прибыли, но и некий социально-культурный центр, где будет наблюдаться симбиоз потребностей и ожиданий покупателя и выгоды продавца.

Основоположником информационного продвижения можно считать Генри Форда, устраивавшего своеобразные уроки на производстве для детей сотрудников. Он объяснял, из каких материалов сделана та или иная деталь, как был получен этот материал, где и как добывалось сырье для его производства. Кроме того, что дети знакомились с продукцией завода, они углубляли свои знания в физике, химии, географии и истории. В качестве примера можно привести опыт Токийского центра продаж автомобилей фирмы «Toyota». В демонстрационном зале оборудованы стенды с макетами двигателя внутреннего сгорания, по которым можно проследить историю его создания и совершенствования.

В то время как родители тестируют, выбирают или оформляют покупку, детям предлагается ответить на вопросы по физике, например по закону сохранения энергии. Правильность ответа на поставленные вопросы они могут проверить с помощью эксперимента, т.к. здесь же установлены тренажеры для проведения опыта. Периодически проводятся викторины, составляются и решаются кроссворды, головоломки, предлагаются журналы с занимательным содержанием познавательного материала, творческими заданиями (см. рис. 2).

Такого рода услуга позволяет решать одновременно несколько задач, в том числе и социальных:

- активизирует внутренние побуждения личности к учебно-познавательной деятельности и формированию способностей;
- выявляет детей с техническим и научным мышлением, способных решать изобретательские задачи;
- способствует индивидуализации, формированию и управляемому становлению личности;
- заставляет проводить больше времени в торговом зале, повышает интерес к магазину как к месту проведения досуга, встречи, что мотивирует покупателей приходить еще и еще;
- воспитывает лояльных будущих потребителей.

Рис. 2. Токийский центр продаж фирмы «Toyota»

Исследования подтверждают, что внедрение нововведений в магазине увеличивает число посещений на 30 – 35 %, а число лояльных потребителей возрастает на 5 %, кроме того, это позволяет удерживать уже существующих лояльных покупателей. Подсчитано, что привлечение одного нового покупателя обходится компании в 5 – 10 раз дороже, нежели удержание одного уже существующего. Включив магазин в стратегию социального маркетинга, ритейлер может не только построить взаимовыгодные отношения с потребителями, но и привести их к совершению покупки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларченко, Ю. Г. Кейрецу как специфический вид межорганизационной сети / Ю. Г. Ларченко, А. В. Тришина, А. Ю. Чигрина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № I(13). – С. 103-107.

Солнышкина И. В.

I.V. Solnyshkina

ОЦЕНКА И АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ФОРМЫ ТОРГОВЛИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

CHAIN RETAILING DEVELOPMENT IN THE KHABAROVSK REGION: EVALUATION AND ANALYSIS

Солнышкина Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 680013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-12-12. E-mail: vcapodok@mail.ru

Ms. Irina V. Solnyshkina – Senior Lecture, Department Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, city of Komsomolsk-on-Amur, 680013, 27 Lenina Pr., phone: + 7 4217 241212. E-mail: vcapodok@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ деятельности розничных торговых сетей, действующих на территории Хабаровского края, анализируются особенности развития сетей в зависимости от удаленности от краевого центра.

Summary. The paper offers an evaluation of the activity of retail chains operating in the territory of Khabarovsk region. The development of such networks is analyzed subject to how distant their relative location is from the regional center.

Ключевые слова: розничная торговля, сетевая форма торговли, розничные торговые сети, сетевое взаимодействие.

Key words: retail trade, chain retailing, retail trade networks, network interaction.

УДК 339(075)

Распространение и развитие сетевой формы торговли в настоящее время является одной из мировых тенденций. Большинство открывающихся и практически все расширяющиеся торговые предприятия представляют собой сети. Для РФ в целом и для Хабаровского края в частности характерен высокий уровень развития торговли по сравнению с другими отраслями экономики. В этой связи анализ и оценка развития торгового звена, в том числе сетевой его формы, определяет актуальность настоящей работы.

Для оценки уровня развития сетевого формата торговли в регионах РФ приведём межрегиональные сопоставления объемов товарооборота сетевых торговых структур. Объемы товарооборота зависят как от размеров региона, так и от численности населения, проживающего на территории региона, поэтому для сравнения целесообразно использовать показатели товарооборота на душу населения. Основные показатели товарооборота торговых сетевых структур в Хабаровском крае, Дальневосточном Федеральном округе (ДФФО) и России, представлены в табл. 1.

Ситуация с товарооборотом по торговым сетям в ДВФО такова, что средняя разница сетевого товарооборота на душу населения по сравнению с общероссийским уровнем оборота составляет 11 тыс. р. (на конец анализируемого периода). В Хабаровском крае уровень развития сетевого товарооборота лучший в округе, а его показатели на душу населения (на конец анализируемого периода) лишь немного уступают общероссийскому уровню. Это говорит о том, что сетевой формат торговли имеет самые сильные позиции на Дальнем Востоке именно в Хабаровском крае.

Таблица 1

Показатели сетевого товарооборота на душу населения в Хабаровском крае, ДВФО и России

Показатели	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Розничный товарооборот торговых сетей на душу населения в РФ, р.	13 843	15 046	18 367
Розничный товарооборот торговых сетей на душу населения в ДВФО, р.	3877	4455	7325
Розничный товарооборот торговых сетей на душу населения в Хабаровском крае, р.	5822	7455	13 985
<i>Место, занимаемое Хабаровским краем по объему сетевого товарооборота на душу населения:</i>			
– в РФ	49	38	24
– в ДВФО	4	3	1

В ДВФО можно отметить, что сетевым форматом охвачены все субъекты округа за исключением Чукотского АО. Для оценки положения ДВФО среди федеральных округов и положения Хабаровского края среди субъектов РФ рассчитаем индексы относительного положения по уровню товарооборота на душу населения. Индекс относительного положения рассчитывается по формуле

$$I_{\text{ДВФО}} = (X_{\text{ДВФО}} - X_{\text{min}}) / (X_{\text{max}} - X_{\text{min}}),$$

где X – товарооборот на душу населения.

По результатам расчета (см. табл. 2) можно сделать вывод о положительной динамике в изменении положения Хабаровского края в РФ как по розничному, так и по сетевому товарообороту на душу населения.

Таблица 2

Индексы относительного положения ДВФО по уровню товарооборота на душу населения

Индексы относительного положения	2009 г.	2010 г.	2011 г.
<i>По розничному товарообороту на душу населения</i>			
– ДВФО в РФ	0,266	0,459	0,324
– Хабаровский край в РФ	0,311	0,344	0,366
<i>По обороту торговых сетей на душу населения</i>			
– ДВФО в РФ	0,194	0,221	0,299
– Хабаровский край в РФ	0,146	0,203	0,287

Уровень сетевого товарооборота на душу населения в Хабаровском крае на 2011 г. ниже общероссийского уровня на 23 %, этот же показатель по ДВФО ниже общероссийского на 60 %. Однако если рассмотреть динамику, степень различия между общероссийским показателем и показателями округа и края год от года уменьшается. Как уже было сказано выше, сетевой формат торговли на Дальнем Востоке лучше всего развит именно в Хабаровском крае. Низкие показатели уровня среднедушевого оборота сетей по округу в целом можно объяснить в контексте двух направлений: *географический* (самая большая площадь территории округа по сравнению с другими федеральными округами, самое низкое количество проживающего на территории округа населения и сильная удалённость от федерального центра), *экономический* (низкий уровень жизни населения, наличие субъектов в составе округа, где сети отсутствуют вовсе, а также отсутствие в округе крупных международных сетей и незначительное

развитие федеральных (крупных российских сетей)). Большинство сетей, действующих на территории округа, – это местные региональные предприятия, которым в силу слабых конкурентных преимуществ будет непросто выйти на федеральный уровень.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю в 2011 г. в Хабаровском крае действовало 74 сетевые структуры, общее количество магазинов которых составляло 408 ед., общая торговая площадь всех магазинов равнялась 96,93 тыс. м². Следует отметить тот факт, что дислокация сетей включает одиннадцать из семнадцати существующих районов Хабаровского края.

Динамика освоения районов края может быть охарактеризована как слабая, наибольшими темпами идет увеличение торговой площади сетей, меньшими темпами прирастает количество магазинов в сетях. Наблюдается тенденция укрупнения магазинов, т.е. предприятия стремятся к увеличению торговых площадей и развитию крупных форматов торговли, это соответствует международным процессам развития торговли и продиктовано потребительскими предпочтениями. Абсолютным лидером по количеству сетей является г. Хабаровск и Хабаровский район, второе и третье место занимают г. Комсомольск-на-Амуре и Комсомольский район, г. Амурск и Амурский район соответственно. Замыкают список Ванинский и Бикинский районы (в указанных районах количество сетей наименьшее). На рис. 1 представлена структура специализации сетевых торговых структур. На диаграмме видно, что большинство сетей специализируются на продовольственной группе товаров, велика также доля сетей, специализирующихся на продаже обуви, компьютеров и сотовых телефонов, наименьшая доля принадлежит сетям, специализирующимся на парфюмерии и косметике.

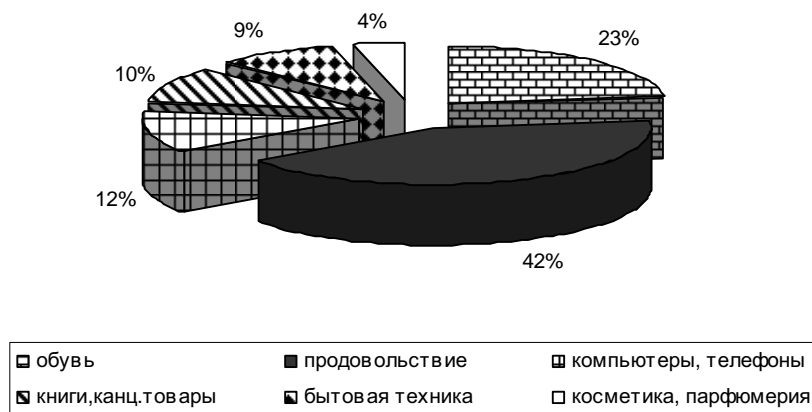

Рис. 1. Специализация сетей на 2011 г.

Для наглядности анализа данных продовольственных сетей в сравнении с сетями других направлений построим диаграмму, отражающую основные показатели в процентах (см. рис. 2). Диаграмма показывает, что больший объем товарооборота на душу населения приходится на продовольственные сети (они обеспечивают 53 % сетевого товарооборота), хотя несколько уступают как по количеству, так и по общей торговой площади.

Наиболее проблематичным участком работы крупных сетевых магазинов, по мнению многих исследователей и специалистов, являются зоны кассовых узлов – именно здесь, на выходе из зон самообслуживания скапливаются очереди (в часы пик) либо образуются простои в работе. Проводить анализ работы кассовых узлов позволяют методы теории массового обслуживания (ТМО). Применяются методы ТМО обычно для отдельно взятой торговой точки. Автору работы неизвестно ни одного исследования, где бы методы ТМО применялись для групп взаимосвязанных магазинов (сетей) либо для розничной торговой сети региона (области, края). На наш взгляд, это большое упущение, и делать подобного рода анализ возможно путём расчета средних значений показателей для всех торговых объектов на анализируемой территории.

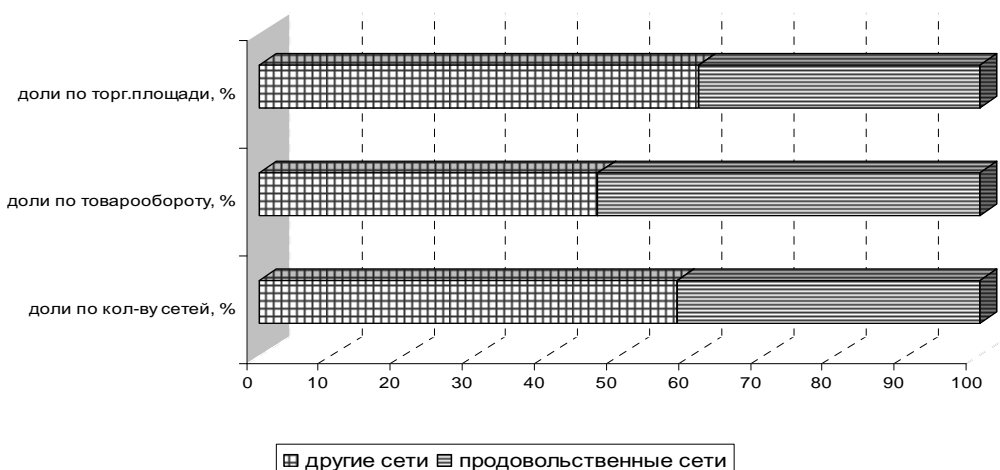

Рис. 2. Доли продовольственных сетей по основным показателям в совокупном объеме сетевого формата Хабаровского края

В качестве практического примера приведем анализ работы кассовых узлов крупнейших сетей Хабаровского края. Материалом для анализа послужили лонгитюдные наблюдения за деятельностью торговых сетевых структур и регистрация основных показателей (интенсивность потока покупателей, интенсивность обслуживания). Объектами наблюдения и регистрации стали зоны кассовых узлов в магазинах самообслуживания г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре и пгт. Солнечный, такие, как: ООО «Димарт» (сеть Super Good), ООО «ПФК ДиС» (сеть «Десяточка»), ООО «Народная компания» (сеть НК-сити) и др. Помимо основного исследования была выдвинута и проверена гипотеза «ядра периферии», суть которой заключается в том, что чем дальше от краевого центра, тем хуже организована работа кассовых узлов, т.е. организация работы кассовых узлов в г. Хабаровске – хорошая, в г. Комсомольске-на-Амуре – удовлетворительная, в пгт. Солнечный – неудовлетворительная.

Как уже говорилось выше, анализ проводился в крупных населенных пунктах Хабаровского края. В каждом исследуемом пункте анализировалась деятельность наиболее посещаемых торговых предприятий. Для того чтобы сделать вывод об организации работы торговых предприятий в конкретном населенном пункте, по регистрируемым показателям (интенсивность потока покупателей, среднее время обслуживания, интенсивность обслуживания) находилось среднее значение для данного населенного пункта. Значения исходных средних величин по каждому населенному пункту представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние значения исходных показателей по населенным пунктам края

г. Хабаровск	г. Комсомольск-на-Амуре	пгт. Солнечный
<i>Среднее количество покупателей в час (λ), чел./ч</i>		
$\lambda = 338$ чел./ч	$\lambda = 106$ чел./ч	$\lambda = 32$ чел./ч
<i>Среднее время обслуживания одного покупателя ($t_{обсл}$), мин</i>		
$t_{обсл} = 1,2$ мин	$t_{обсл} = 1,9$ мин	$t_{обсл} = 1,7$ мин
<i>Среднее количество касс в зоне кассового узла (n), шт.</i>		
$n = 7$ шт.	$n = 5$ шт.	$n = 2$ шт.

Для оценки деятельности кассовых узлов достаточно рассчитать три важнейшие характеристики: вероятность простоя – P_0 , среднюю длину очереди – $L_{оч}$ и среднее время ожидания обслуживания – $T_{оч}$. Результаты расчетов представлены в табл. 4.

Показатели деятельности систем обслуживания в Хабаровском крае

г. Хабаровск	г. Комсомольск-на-Амуре	пгт. Солнечный
$P_0 = 0,0012 \approx 0 \%$	$P_0 = 0,0294 \approx 3 \%$	$P_0 = 0,403 \approx 40 \%$
$L_{оч} = 10,8 \approx 11$ чел.	$L_{оч} = 3,04 \approx 3$ чел.	$L_{оч} = 0,5 \approx$ нет очереди
$T_{оч} = 1,9 \approx 2$ мин	$T_{оч} = 1,69 \approx 1,7$ мин	$T_{оч} = 1$ мин

Данные таблицы свидетельствуют о том, что выдвинутая гипотеза частично не оправдалась. Проанализируем полученные данные (см. табл. 4).

Краевой центр (г. Хабаровск): зоны расчета в среднем по городу организованы неудовлетворительно, т.к. основные характеристики работы находятся за пределами допустимых значений. Вероятность простоя, равная 0, и образование очереди большей, чем предполагаемая проектируемая зона кассового узла, свидетельствуют о том, что в среднем количество устанавливаемых кассовых аппаратов недостаточна для обслуживания складывающегося потока покупателей в городе. г. Комсомольск-на-Амуре: полученные данные свидетельствуют об удовлетворительной организации работы, т.к. расчетные значения находятся в допустимых пределах (хотя среднее время ожидания в очереди превышает среднедопустимое значение). пгт. Солнечный: 40 % всего рабочего времени кассиры простаивают – это крайне неэффективная организация работы.

На основании проведенного анализа развития и деятельности сетей в ДВФО и в Хабаровском крае можно сделать следующие выводы:

- сетевым форматом торговли охвачено большинство регионов РФ, а также большая часть ДВФО и районов Хабаровского края;
- сетевой формат в крае, как и в РФ, находится в стадии интенсивного развития, т.е. идёт увеличение сетей и количества магазинов внутри каждой сети, увеличивается торговая площадь. Средняя площадь сетевого магазина составляет 230 м^2 , преобладающие специализации: продовольствие, обувь, компьютерная техника и сотовые телефоны. Тенденции увеличения торговых площадей свидетельствуют о развитии крупных форматов торговли, которые в настоящее время являются наиболее предпочтительными в глазах потребителей всего мира. В целом для РФ также характерны тенденции консолидации рынка и региональной экспансии;

– анализ деятельности сетевых структур на территории Хабаровского края показал превалирующее положение сетей продовольственной направленности, именно продовольственные сети обеспечивают большую часть товарооборота (53 %) на душу населения в крае.

Представленные в работе расчеты свидетельствуют о возможности применения методов ТМО для регионального анализа деятельности торговых предприятий, а также о возможности их применения для групп взаимосвязанных торговых предприятий (сетей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреднева, Л. Б. Анализ структуры производства валового регионального продукта Хабаровского края / Л. Б. Бреднева // Вестник ХГАЭП. – № 6. – С. 22-27.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ПЕНЬКОВСКИЙ А.Б. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ. – М.: «ЗНАК», 2012. – 660 С. – (КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ)

PENKOVSKIY. AB RESEARCH POETIC LANGUAGE OF PUSHKIN'S EPOCH. – М.: "SIGNS", 2012. – 660 S. – (CLASSIC OF PHILOLOGY)

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Shuneyko Alexander Alfredovich – Doctor of Philology, associate professor, professor of Linguistics and Intercultural Communication Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Чтение любых художественных текстов, в том числе и классических, часто осуществляется автоматически. Читатель пропускает малопонятное, улавливает знакомое и на его базе достраивает содержательную картинку – проникает в глубь текста. Но такое проникновение, как правило, оказывается поверхностным, а картинка – неверной, степень её деформации по сравнению с задуманной самим автором зависит от уровня языковой компетентности читателя. А этот уровень, по сравнению с авторским, разнится тем более, чем более одного и другого разделяют образование и время. В результате художественный текст для социума может обедняться, упрощаться, подстраиваться под доступную современность и даже менять свои смыслы на противоположные.

В такой ситуации особую культурную функцию приобретают хранители традиции или толкователи (комментаторы) – исследователи, проясняющие то, что в классическом тексте рядовым современным читателем просто не может быть понято, а соответственно, и не может быть ими оценено с верной мерой глубины эстетического содержания. Такие люди соединяют между собой различные времена, обеспечивают целостность культуры, дают перспективу позитивной преемственности лучшего, сохраняют богатство текстов. Одним из блистательных и последовательных хранителей традиции был А. Б. Пеньковский – ученый, многообразное наследие которого дает нам сегодня возможность читать пушкинские тексты не так, как нам хочется (вздумается), а так, как они были написаны, видеть в них не произвольно навязываемые, а первоначально вложенные смыслы, постигать не зыбкие умозрительные выводы, а глубинные авторские концепции.

Сложность и продуктивность работы, которой последние двадцать лет своей жизни занимался А. Б. Пеньковский, прекрасно представлена в рецензируемой книге. Её информационная насыщенность способна поразить даже самого искушенного читателя. Это и прекрасно организованный путеводитель по темным местам пушкинских текстов, и наблюдения над поэтическим языком пушкинской эпохи, и выводы относительно скрытых семантических категорий русского языка от Пушкина до наших дней.

Все три тематических пласта объединяет единство подхода, который можно определить через констатацию: видимое не есть сущее (или: видимое далеко не всегда есть сущее). Выявление сущего – это всегда работа, в данном случае сложная филологическая и герменевтическая работа, базирующаяся на огромном количестве фактического материала. Эрудиция А. Б. Пеньковского, которая поражала его современников и будет поражать последователей и читателей других времен, была ему отличным подспорьем. Но не только на эрудиции

и огромном количестве фактов базируются его доказательные, всегда интересные и бесспорные выводы.

Уловить общую тенденцию словоупотребления среди множества фактов, отсеять второстепенное и выявить принципиально значимое – огромный труд. Прodelывая его, А. Б. Пеньковский обращается к различным функциональным стилям и жанровым разновидностям.

Пушкинистика в отечественной культуре всегда занимала особое место (вспомним иронические строки Пастернака). Часто несвободная от господства канона она очень ревниво относится к любому новому слову. А. Б. Пеньковский никогда не боялся открыто говорить это новое слово, указывать на более корректные прочтения и спорить. В книге представлена острая полемика не только со взглядами ряда пушкинистов, но и с традиционными представлениями об истории русского литературного языка.

Общепринятый канон гласит: русский литературный язык – это язык от пушкинского времени до наших дней, то есть, в принципе, современники Пушкина и мы с вами говорим на одном языке. А. Б. Пеньковский доказательно оспаривает это положение. На примерах актуальной лексики (слова: любить, скука, старина и др.) он показывает, что язык пушкинской эпохи существенно отличается от современного.

Это не единственное открытие автора. Он призывает строго разграничивать лексико-семантические текстовые ансамбли и общеязыковые лексико-семантические группы. За этим разграничением стоят многим до сих пор не понятные принципиальные различия между языком художественной литературы и литературным языком.

Восприятие персонажа литературного произведения как текста позволяет автору по-новому оценить такие константы русской культуры, как Татьяна и Онегин. Принципиальная новизна подхода А. Б. Пеньковского дает возможность освободиться от оценочных клише и выстроить стройную прозрачную модель, в которой соединение слова – текст – персонажа – автора – читателя – жизни предстает в гармоничном единстве сплетения прямо и косвенно выраженных смыслов.

Акцентированный интерес к семантике и прагматике всегда проходит проверку внешней формой. Более того, формальный план воспринимается не как простое подтверждение выявленных автором закономерностей, а как равноправный участник их организации и структурирования.

А. Б. Пеньковский – один из немногих, кто умеет соединять четкость структурного (и герменевтического) анализа с изяществом подачи материала. Она завораживает своей удивительной фактурой свободной и раскованной филологической беседы. Строгий молитвенник и бесшабашный балагур говорит с нами со страниц этой книги и призывает нас воспринимать текст как мир, а мир как текст и, при сохранении различий между ними, осознавать их глубинное единство, понимание которого приближает к постижению сущего.

Стремление видеть за текстовыми фактами живую русскую жизнь, тонкий семантический анализ, умение разглядеть многомерность простого на вид слова – вот далеко не полный перечень особенностей метода автора. Уверен, что эта книга уже заняла свое место в истории филологии не только из-за того, что содержит множество принципиально важных и оригинальных теоретических и фактографических положений, но еще и в силу того, что является образцом гуманитарного исследования, соединившего в себе строгую четкость и четкую строгость в той мере, в какой в качестве своей результирующей они дают гармонию.

Чибисова О. В.

ГАЛЬПЕРИН М.С. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2012. – 71 С.

Чибисова О. В.

O. V. Chibisova

ГАЛЬПЕРИН М.С. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2012. – 71 С.

M.S. GALPERIN. ENGLISH IN SOUTH-EAST ASIA. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2012. – 71 P.

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, КнАГТУ, корп.4, ауд. 322; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Associate Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., building 4, apt. 332; tel. +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olga-chibisova@yandex.ru

Введение в мае 2010 года федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 – Лингвистика обусловило необходимость активизировать поиск новых подходов к обучению языку, поскольку были изменены требования к целям и задачам обучения, а также отбору самого языкового материала. Необходимость приближения образования к конкретным обстоятельствам общественной жизни инициировало процесс проектирования региональных систем образования, внесение в содержание и форму образования региональных особенностей.

Дальний Восток находится на значительном удалении от центра России, но при этом является связующим звеном в ее международных отношениях со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно это пребывание на перекрестке культур Запада и Востока определяет относительную самостоятельность и обособленность региональной культуры с одной стороны, и ее включенность в глобальные потоки с другой. В этой связи взаимодействие языков региона как составной части взаимодействующих культур становится особо актуальным и требует научной разработки.

Не следует упускать из виду, что наравне с автохтонными языками региона (русским, китайским, японским и корейским) для межкультурного общения в регионе широко используется в качестве языка-посредника английский язык. Подготовка к восприятию некоторых «отклонений» от стандартного английского, ориентированного на британскую или американскую норму, и к пониманию речи людей, владеющих английским как иностранным или вторым языком, стала одной из задач обучения студентов лингвистов Дальнего Востока России. Кроме ошибок, вызванных интерференцией родного языка, в тексте, составленном на языке-посреднике, могут встречаться реалии иноязычной культуры, в частности, имена собственные, перевод которых представляет определенные трудности в силу особенностей их графического оформления, малой фонетической и грамматической ассимилированности, нетрадиционных корреляций между исходным языком-посредником и языком перевода.

Становится очевидным, что качественное обучение данным умениям и навыкам невозможно в рамках дисциплин по обучению английскому, китайскому или японскому языкам, действующих на кафедре «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Одним из путей решения данной проблемы стало включение дисциплины «Английский язык в странах Юго-Восточной

Азии» в качестве национально-регионального компонента в вариативную часть государственного образовательного стандарта.

Содержание регионального компонента ООП, кроме учета региональной специфики, было также определено научно-исследовательскими предпочтениями преподавателя, обеспечивающего реализацию данной дисциплины – Михаила Самойловича Гальперина. Рецензируемое учебное пособие «Английский язык в странах Юго-Восточной Азии», выпущенное в 2012 году редакционно-издательским отделом ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», является результатом длительной и плодотворной работы автора в данном направлении.

Работа представляет собой своего рода методологический справочник, состоящий из четырех логически связанных между собой глав, каждая из которых представляет большой интерес для специалистов. В главах 1 – 3 внимание обращается на перевод китайских, японских и корейских ориентализмов с использованием наиболее употребительных систем латинизации Уэйда-Джайлса и пиньинь, Хэпбёрна, МакКюна-Рейшауэра и Национальной академии корейского языка. Правила русско-английской транслитерации, описанные М.С. Гальпериным, ориентированы на современные системы латинизации восточноазиатского письма, поскольку автор убежден, что использование «альтернативных» кириллических транскрипций является проявлением обыкновенной неграмотности, которое, в конечном итоге, вносит существенную путаницу в работу лингвистов-практиков, а потому совершенно недопустимо. В главе 4 представлены орфографические тенденции написания восточноазиатских слов.

Приложение 1 к работе является по своей сути практикумом, включающим упражнения для закрепления навыков опосредованного перевода восточноазиатских ориентализмов с английского и русского языков. Особое внимание в нем уделяется заданиям, связанным с правописанием китайских, японских и корейских имен собственных, со слитно-дефисным или раздельным написанием восточноазиатских заимствований в русском и английском языках, а также с удвоением согласных в восточноазиатских заимствованиях. Приложение 2 содержит сопоставительные таблицы систем латинизации применительно к каждому теоретическому тематическому разделу.

Если учесть, что в процессе перевода тех или иных слов в их латинском написании используются различные системы транскрипции, то варианты написания и произношения этих слов могут существенно различаться в зависимости от индивидуальных способностей и уровня образования участников межкультурной коммуникации. В результате одни и те же названия и термины закрепляются в разных вариантах написания, что ведет не только к лингвистическому хаосу, но и путанице в терминологии. Хотя стихия языка сама выбирает варианты тех или иных слов, для точной передачи особенностей языка необходимо наличие грамотных лингвистов, владеющих знанием языка, на котором были предложены и введены в обращение эти слова.

С этой точки зрения, появление такого учебного пособия, как «Английский язык в странах Юго-Восточной Азии» М.С. Гальперина, является своевременным, насущным и востребованным. Автору удалось достичь в своей работе идеального баланса между теоретическим обобщением и фактологической конкретизацией сложного лингвистического материала. На наш взгляд, ценность рецензируемого учебного пособия обусловлена тем, что оно не только предоставляет информацию об основах перевода китайских, японских и корейских ориентализмов и формирует практические навыки подобной деятельности, но и способствует профессиональному росту лингвистов, развивая их способность анализировать, сравнивать и упорядочивать такую сложную сферу языковой коммуникации, как общение на языке-посреднике.

Учебное пособие предназначено для студентов специальностей 031202 – «Перевод и переводоведение» и 031203 – «Теория и практика межкультурной коммуникации», но может быть рекомендовано лингвистам-практикам, а также широкому кругу лиц, владеющих английским языком.

Егурнова А. А. ПЕТРУНИНА Ж.В., КИРЕЕВ А.А., КУЗЬМИН А.Ю. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 120 С.

**Егурнова А. А.
A. A. Egunnova**

ПЕТРУНИНА Ж.В., КИРЕЕВ А.А., КУЗЬМИН А.Ю. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – 120 С.

ZH.V. PETRUNINA, A.A. KIREEV, A.Y. KUZMIN. MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN EASTERN ASIA. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KNASTU, 2012. – 120 P.

Учебное пособие «Современная система международных отношений в Восточной Азии» представляет собой научный труд, который явился результатом кропотливой работы над большим фактическим материалом по актуальной региональной тематике – взаимодействию между государствами Восточной Азии (Российской Федерации (Дальний Восток), Китайской Народной Республики, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея).

Рецензируемое учебное пособие было выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы и рекомендовано УМО по образованию в области подготовки педагогических кадров в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100.62 – Педагогическое образование.

Авторы данной книги обращают внимание читателей на широкий круг насущных острых вопросов, а именно: интеграционные процессы, региональные конфликты, политику Российской Федерации, усиление позиций Китайской Народной Республики, позицию Японии в региональной политике, проблемы Корейского полуострова и перспективы их разрешения.

Пособие состоит из шести разделов, в конце каждого из которых приводится список рекомендуемых документальных источников для более углубленного изучения пройденного материала; предлагаются темы семинарских занятий, темы рефератов с подробными методическими рекомендациями по их написанию и глоссарий наиболее важных терминов. Кроме того, все разделы снабжены приложениями – извлечениями из оригинальных исторических документов: различных деклараций, дополнительных соглашений и договоров о безопасности, взаимовыгодном сотрудничестве на море и суше.

Большое внимание в рецензируемой работе уделяется экономическому взаимодействию стран, оказывающих значительное влияние на развитие современной цивилизации. Подробно описываются внутри- и внерегиональные интеграционные процессы. В частности, подчеркивается немаловажная роль неформальных экономических и политических форумов (экономический и газовый форумы СВА (Северо-Восточной Азии), Байкальский экономический форум, политические форумы «Диалог сотрудничества» и Совет по проблемам безопасности и сотрудничества в Тихоокеанской Азии), крупномасштабных проектов строительства нефте- и газопроводов, прокладки Транскорейской железной дороги. Авторы подчеркивают, что внерегиональные процессы выглядят более успешными и уже имеют реальные результаты (региональный форум АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), форум АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество)).

Содержательно и исчерпывающе раскрывается роль и политика Российской Федерации в системе международных отношений со странами Восточной Азии. В хронологическом порядке описываются отношения с каждой из стран региона, основные цели и задачи РФ по

обеспечению долгосрочных экономических и политических интересов, а также комплексной безопасности нашей страны. Отмечается и главный сдерживающий фактор, препятствующий расширению проникновения российского влияния в регионе, но который, несомненно, будет решен в ближайшем будущем, – слабое развитие Сибири и Дальнего Востока в плане инфраструктуры, а также недостаток человеческих ресурсов.

Очень импонирует тот факт, что пособие не только написано доступным языком и аргументированно раскрывает ключевые проблемы Восточной Азии, но и объективно, беспристрастно излагает сущность региональных конфликтов (конфликты на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе, Российско-японский территориальный спор, территориальный спор в Южно-Китайском море), тем самым способствуя формированию у студентов адекватного, толерантного мнения и отношения в целом к наиболее существенным процессам, происходящим в близлежащих странах и, соответственно, к населению этих стран.

В целом, авторы книги проделали огромную работу по сбору фактического материала, выделению основной информации, необходимой для полноценного понимания сложившейся ситуации в Восточной Азии, а также её организации в тематические разделы, удобные для восприятия и усвоения.

Пособие может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы при изучении курсов «Новейшая история зарубежных стран», «Современные международные отношения», «История Дальнего Востока», а также быть полезным широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития взаимоотношений стран Восточной Азии на современном историческом этапе.